

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2017

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2017

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2017
© Ivanovo State University, 2017

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- А. И. Аврус** Саратовский государственный университет
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- Г. Н. Кныш** Днепропетровский национальный университет (Украина)
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- Д. А. Макеев** Владимирский государственный университет
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

- V. S. Memetov** Ivanovo State University
(*Chairman of the Editorial Board*)
- A. I. Avrus** Saratov State University
- Y. M. Voronov** Ivanovo State Polytechnical University
- A. A. Danilov** Institute of General History of the Russian Academy
of Sciences
- O. V. Zolotaryov** Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
- G. N. Knysh** Dnepropetrovsky State University (Ukraine)
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical Institute
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- G. V. Korzenko** Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus (Minsk)
- I. V. Kuptsova** Moscow State University named after M. V. Lomonosov
- D. A. Makeev** Vladimir State University
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- I. I. Osinsky** Buryat State University (Ulan-Ude)
- S. N. Poltorak** St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University of Chemistry and Technology
- A. V. Repnikov** Russian State Archive of Social and Political History
- V. G. Ryzjenko** Omsk State University
- I. V. Sibiryakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- F. H. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Solovyev** Kostroma State Technological Institute
- V. L. Soskin** Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Фортуатов В. В.** Транспортная интеллигенция дореволюционной России: формирование, деятельность, особенности (1809—1917) 9
- Балдин К. Е.** Интеллигенты или чиновники? Коллективный портрет руководящих работников учебных заведений провинциального города (конец XIX — начало XX в.) 26
- Салова Ю. Г.** Кадровая политика в Ярославском краеведческом музее в период политических репрессий 1930-х годов 44
- Порозов В. А.** «Кадровые вопросы» в среде интеллигенции городов Западного Урала во второй половине 1940-х годов 57
- Зябликов А. В.** «Культурные диверсанты»: образ интеллигента в советском кино 1930—50-х годов 73

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Соловьев А. А.** Учительская интеллигенция Ярославской губернии в деле создания и развития библиотек во второй половине XIX — начале XX века 90
- Климович Л. В.** Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель зарубежной России . 102
- Тюленев В. М.** Традиции римской школы и Виварий Кассиодора 114

ДИСКУССИЯ

<i>Назаров И. Д.</i> Два «лица» средневекового правосудия: этико-правовой анализ	125
---	-----

ДЕБЮТ

<i>Ландик Л. П.</i> Возобновление деятельности Православной Церкви в Донецкой области (1988—2004 гг.)	133
--	-----

<i>Аннотации</i>	144
------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i>	152
-------------------------------------	-----

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Fortunatov V. V.* Transport intelligentsia of pre-revolutionary Russia: formation, activity, features (1809—1917) 9
- Baldin K. E.* Intelligentsia members or officials? A collective portrait of educational institutions executives of a country town (the end of 19th — the beginning of the 20th century) 26
- Salova Yu. G.* Personnel policy in the Yaroslavl museum of local lore during political repressions of the 1930-s. 44
- Porozov V. A.* «Personnel questions» among Western Urals cities intelligentsia in the second half of the 1940-s. 57
- Zyablikov A. V.* «Cultural diversionists»: an image of the intelligentsia member in the Soviet cinema of 1930-s — the 50-s. 73

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Solovyov A. A.* The role of the Yaroslavl province teachers' intelligentsia in creation and development of libraries in the second half of 19th — the beginning of the 20th century 90
- Klimovich L. V.* Grigory Leonidovich Lozinsky: an intelligentsia member and a public figure of foreign Russia 102
- Tyulenev V. M.* Traditions of the Roman school and Cassiodorus Vivarium 114

DISCUSSION

<i>Nazarov I. D.</i> Two «faces» of medieval justice: an ethic and a legal analysis	125
--	-----

DEBUT

<i>Landik L. P.</i> Renewal of activity of Orthodox Church in Donetsk region (1988—2004)	133
---	-----

<i>Annotations</i>	148
--------------------------	-----

<i>Information for authors</i>	152
--------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

В. В. Фортунатов

ТРАНСПОРТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ (1809—1917)

Введение. Дороги в России на протяжении столетий являются притчей во языцех. В X—XVII вв. возникла сеть сухопутных дорог. В Древней Руси использовались водные пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». Замерзшие реки становились дорогами в зимнее время. В XVIII в. велением Петра I стали строиться каналы, возникли водные системы — Вышневолоцкая, Тихвинская, Мариинская, соединившие бассейн Волги со столицей и Балтийским морем. При Петре I строилась сухопутная дорога между двумя столицами. На Азовском море в Таганроге был устроен первый морской порт. Возникновение военно-морского флота и собственного гражданского торгового флота в России также связано с деятельностью Петра Алексеевича и основанным им Санкт-Петербургом.

Сооружением и поддержанием в порядке транспортной инфраструктуры занимались различные государственные органы:

© Фортунатов В. В., 2017

Фортунатов Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор, Почетный железнодорожник СССР, заведующий кафедрой истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. elena.fortunatov@mail.ru

от петровской коммерц-коллегии до создания в 1798 г. Департамента для произведения и правления всех дел по водяным в империи коммуникациям. Руководство Министерства путей сообщения Российской империи считало эту дату — 28 февраля 1798 г. днем основания ведомства путей сообщения. Разработкой и осуществлением транспортных проектов занимались как иностранные специалисты (английский инженер Перри, шлюзный мастер Браур, голландец Адриан Гаутер, немец Ф. В. Боур, голландец Ф. П. де Воллан), так и русские подданные (инженер Корчмин, стольник Максим Цызарев, новгородский купец М. И. Сердюков, генерал-поручик Архаров, граф Я. Е. Сиверс).

Транспорт, наряду с другими областями национального хозяйства, испытывал острую нужду в специально подготовленных работниках. До 1800 г. выпуски в инженеры были незначительны — 2—4 человека в год. Всего в инженеры, а также в инженерные войска с 1762 по 1819 г. поступило 219 человек.

В данной статье представлен процесс формирования и деятельность транспортной интеллигенции в дореволюционный период, а также особенности, характерные черты этой социально-профессиональной группы отечественной интеллигенции.

Возникновение транспортной интеллигенции (1809—1824 гг.). К началу XIX в. инженеров, которые бы специализировались на сооружении и эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры, в России практически не было. Ф. В. Боур пытался сформировать Корпус гидравликов. Имевшийся опыт был использован при подготовке царского Манифеста от 20 ноября (2 декабря) 1809 г.

Главный директор путей сообщения принц Г. П. Гольштейн-Ольденбургский так характеризовал ситуацию: «По издании учреждения об управлении путями сообщения я должен был удовлетвориться на первый раз теми инженерными офицерами, которые находились при Департаменте водяных коммуникаций и при дорогах. Но они составляли собою число весьма ограниченное и сверх того не принадлежали собственно к сей части, а были прикомандированы из Крепостного инженерного корпуса. Если бы не было всемилостивейшего соизволения Вашего Императорского Величества (высочайший указ от 22 марта 1810 г.)

на перемещение в корпус инженеров путей сообщения как из армии офицеров, в инженерной науке сведущих, так и на принятие из отставных, и даже из статской службы знающих часть сию чиновников, соответственными настоящим их классам чинами, то весьма бы трудно было корпус сей наполнить инженерами в том количестве, сколько их для главнейших занятий необходимо нужно. Список всех сих инженеров удостоен высочайшего утверждения 13 марта 1810 года, и им совершилось первое корпуса сего формирование. Впоследствии определено в оный по особым указам еще несколько офицеров, и в том числе приняты 5 человек, нарочно вызванных из Парижа; но, наконец, по установлении Института Инженеров путей сообщения, помещение в сей корпус из посторонних чинов сообразно воле вашего Императорского величества прекратилось»¹.

С созданием Института Корпуса инженеров путей сообщения Г. П. Ольденбургский связывал решение проблемы с транспортными кадрами в обозримом будущем: «...Институт, при особой попечительности Инспектора оного Генерал-лейтенанта Бетанкура, чрез несколько лет будет в возможности от времени до времени наполнять инженерными офицерами и все округа для совершенного в них устройства; то со всем тем не предвидится, чтобы Корпус мог быть в полном комплекте прежде 8 или 10 лет»².

В штате Корпуса инженеров путей сообщения (КИПС) предполагалось иметь 3 генерал-инспекторов, 10 окружных начальников, 15 управляющих директоров, 20 директоров, производителей работ, 30 инженеров 1-го класса, 45 инженеров 2-го класса, 70 инженеров 3-го класса. Предстояло укомплектовать специалистами 10 округов путей сообщения.

Манифестом Александра I от 20 ноября 1809 г. при КИПС учреждался Институт, «въ коемъ юношеству, желающему посвятить себя сей важной части, открыты будутъ все источники наукъ ей свойственныхъ. Для поощренія техъ, кои пожелаютъ предопредѣлить себя въ сей родъ службы, полагаются разныя награды и поощренія»³.

С 4 по 19 октября 1810 г. 62 абитуриента сдали вступительные экзамены. В роли первого председателя приемной комиссии выступил сам император, который лично утвердил список из 30 учащихся, первых по старшинству полученных отметок.

Они приступили к занятиям 1 ноября 1810 г. В 1877 г. в связи со 100-летием со дня основания Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС) получил имя своего основателя, которое носил до 1917 г. В январе 2014 г. решением Ученого совета старейший транспортный университет России вернул имя Императора Александра I. К 200-летию начала занятий на Юсуповском дворце была открыта мемориальная доска.

У истоков ИКИПС стояли выдающиеся люди своего времени. Многие считали, что основная инициатива исходила от известного государственного деятеля Николая Петровича Румянцева (1754—1826). Сын знаменитого полководца П. А. Румянцева был директором Департамента водных коммуникаций (1801—1809), строителем Мариинской водной системы, министром коммерции (1802—1810) и прекрасно понимал важность подготовки транспортных кадров. Н. П. Румянцев учредил в Департаменте водных коммуникаций «ученую часть» — первую в стране транспортную научную организацию. Он приложил немало усилий, чтобы заполучить из Франции европейскую звезду первой величины, А. А. Бетанкура, и других специалистов для налаживания учебного процесса в ИКИПС.

Учреждением ИКИПС и ИКИПС занимались Александр I, М. М. Сперанский и зять царя Г. П. Гольштейн-Ольденбургский. Первым директором (ректором) Института стал выдающийся ученый, механик, военный инженер, испанский подданный Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия де Бетанкур-и-Молина (1758—1824).

Генерал-лейтенант Свиты Его Императорского Величества Бетанкур Августин Августинович внес крупный вклад в промышленный переворот в России. В 1816—1824 гг. в качестве первого председателя Комитета для строений и гидравлических работ он разработал и начал осуществление стратегии ансамблевой застройки Санкт-Петербурга в классическом стиле. В 1819—1822 гг. Августин де Бетанкур был Главноуправляющим путями сообщения России в ранге министра. Именно он заложил основы российского транспортного и инженерно-строительного образования⁴.

Учреждение Института Корпуса инженеров путей сообщения относилось к тем инновационным проектам, с которыми связывались большие надежды. Это событие происходило в рамках

первого периода правления императора Александра I, который получил с легкой руки А. С. Пушкина название — «дней Александровых прекрасное начало». Сохранилось немало свидетельств того, что ИКИПС на протяжении первого столетия своей истории был объектом личного внимания со стороны российских императоров, одним из любимых детищ и предметом гордости. Без интенсивного развития транспорта Россия не могла рассчитывать на достойное место среди первых держав Европы и мира. А развитие транспорта было невозможно без квалифицированных кадров транспортных специалистов, понимающих свою ответственность перед страной и способных решать сложнейшие, всё новые и новые задачи. Стоит подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, при создании ИКИПС учитывался самый передовой европейский опыт высших технических учебных заведений. Достаточно назвать имена испанца А. Бетанкура, создавшего Школу дорог и мостов в Мадриде, выпускников парижской Политехнической школы французов П. Базена, Ш. Потье, А. Фабра и М. Дестрема, приглашенных для работы в ИКИПС. Обучение в ИКИПС до 1823 г. велось на французском языке с использованием самой передовой зарубежной литературы по науке и технике, в которых с 80-х гг. XVIII в. тон задавали Лагранж, Лаплас, Монж, Даламбер и другие выдающиеся французские ученые.

Во-вторых, в организации учебного процесса, особенно в математической и естественно-научной подготовке, с самого начала приняли участие ученые Академии наук, которая проработала уже почти сто лет. В марте 1810 г. профессором чистой и прикладной математики в институте стал академик В. И. Висковатов, крупный ученый по математическому анализу и вариационному исчислению. С 1813 г. в институте работал академик С. Н. Гурьев, создавший теорию равновесия сводов и исследовавший деформацию упругих тел. В 1820-е гг. в институте работали академики М. В. Остроградский, В. Я. Буняковский, Г. И. Гесс.

Бетанкур из числа первых и лучших выпускников привлек к преподаванию Ф. И. Рерберга, А. Д. Готмана, Я. А. Севастьянова, А. И. Рокасовского, М. С. Волкова, В. А. Денисова. Позже на педагогической работе проявили себя П. П. Мельников, С. В. Кербедз, Н. И. Липин, Д. И. Журавский и др. У многих инженеров путей сообщения обнаруживались способности и к научной работе,

и к преподаванию, и к инженерному творчеству. Подготовка кадров транспортной интеллигенции в кратчайшие сроки была поставлена наилучшим образом.

В-третьих, учащие и учащиеся ИКИПС активно участвовали в реализации многих проектов, связанных со строительством, развитием всех видов путей сообщения, с градостроительством и инженерным обеспечением армии и т. д. С момента основания обучение в вузе имело практическую направленность, органично включало в себя то, что уже в XX в. стали называть производственной практикой.

В-четвертых, ИКИПС в силу указанных обстоятельств был первым учебным заведением, которое давало универсальное инженерное образование и стало восприниматься как эталон организации подготовки высококвалифицированных кадров. «Цель института, — отмечал составитель учебной программы А. А. Бетанкур, — снабдить Россию инженерами, которые прямо по выходе из него могли бы быть назначаемы к производству всяких работ в империи. Следовательно, необходимо, чтобы при самом выходе из института воспитанники его были знакомы с основными началами наук и практическими их приложениями к инженерному искусству»⁵.

«Общепольным, в России никогда не бывалым заведением»⁶ назвал в своем отчете царю учреждение ИКИПС принц Г. П. Ольденбургский, выразивший мнение современников.

«Этот институт, организованный также по инициативе М. М. Сперанского, был одним из первых в мире инженерно-путейских учебных учреждений, которое хотя и считалось военным учебным заведением, но выпускники его предназначались в основном для гражданской деятельности в области путей сообщения. Уже с первых лет его деятельности институт занял ведущее место в развитии путей сообщения в России и, в частности, шоссейных дорог и их техники. Известно, что уже первые его выпускники принимали участие в Отечественной войне 1812 г., активно работали по ее инженерному обеспечению»⁷, — с должным уважением отмечалось в середине XX в., когда о достижениях «эпохи царизма» редко высказывались положительно.

ИКИПС возник в переломную эпоху в развитии России и Европы. В 1807 г. Россия была вынуждена подписать с Францией тяжелый Тильзитский мир. Европейские страны, за исключением

Англии и России, были подмяты Наполеоном. Учреждение КИПС и ИКИПС (1809), Царскосельского лицея (1811), разработка М. М. Сперанским реформы государственного строя, создание Государственного совета (1810), ликвидация огромного дефицита государственного бюджета Сперанским в 1811 г. могут рассматриваться как завершающий отрезок в реформаторском периоде царствования Александра I. Оказывается, и в самых сложных условиях можно проводить реформы. А завтра была война.

За несколько дней до форсирования Немана армией Наполеона группа учащихся ИКИПС была направлена в действующую русскую армию. В условиях большой европейской войны необходимость в скором и прочном устройстве значительного количества сухопутных дорог и надежных переправ для действующей армии была осознана в полной мере. Но сил хватало лишь на текущее транспортное обеспечение театра военных действий. 12 воспитанников ИКИПС приняли участие в Бородинском и других сражениях. Их называли пионерами, так как им первыми приходилось инженерно обустроить пространства, которые становились местами сражений. Впоследствии пионеров стали называть саперами. С первых лет инженеры путей сообщения формировались как специфическая социально-профессиональная группа.

Для отличия чинов военнослужащим Корпуса инженеров путей сообщения полагались серебряные эполеты, а на них золотые звездочки. Стоит подчеркнуть, что *звездочки* на эполетах (впоследствии погонах) российских офицеров *впервые* появились именно у инженеров путей сообщения. На генеральских эполетах у инженер-генерала было три звездочки, у инженер-генерал-лейтенанта — 2 звездочки, у инженер-генерал-майора — 1 звездочка; на штаб-офицерских эполетах у полковника красовались три звездочки, у подполковника — 2 звездочки, у майора — 1 звездочка; наконец, на обер-офицерских эполетах у капитана сверкали 3 звездочки, у поручика — 2 звездочки, у подпоручика — 1 звездочка, у прапорщика эполеты были с голым полем. За последующие двести с лишним лет количество звездочек на погонах в зависимости от чина практически не изменилось. Исключения составляют капитаны с четырьмя звездочками и прапорщички с двумя звездочками, расположенными по длине погона.

В конце 1811 г. в Главное управление путей сообщения был назначен обер-прокурор для ревизии и наблюдения за правильностью применения наказаний, так как военные чины ведомства путей сообщения подлежали военному суду. Приговоры суда утверждались главным директором. Так были заложены основы особой судебной системы, которая впоследствии в министерстве путей сообщения сохранялась вплоть до революции.

В 1817 г. в Главном управлении путей сообщения при Ф. П. Деволлане был назначен главный медик, в обязанности которого входило руководство медицинскими чиновниками ведомства и наблюдение за состоянием ведомственных больниц. Этим было положено начало ведомственной системе медицинского обслуживания работников отрасли, которая и в начале XXI в. держит высокую «планку».

В 1819 г. А. Бетанкур, став министром транспорта России, добился увеличения размера окладов и столовых денег во всех округах путей сообщения в связи с дороговизной. Было предусмотрено содержание для учащихся ИКИПС, привлекаемых к строительным работам в летний период.

С самого начала предполагалось, что впоследствии в Корпус инженеров путей сообщения смогут попадать только выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения, а также лица, сдавшие экзамены по курсам, преподаваемым в Институте. Эти требования распространялись и на иностранцев, приглашаемых на русскую службу.

В ИКИПС первоначально принимали только детей дворян. Возможность получения воинского звания для большинства была очень важна. Но служба в Корпусе инженеров путей сообщения отличалась рядом особенностей. Наиболее престижной считалась служба в гвардейских полках. Многие выходцы из дворянских семей предпочитали не «пачкать руки», занимаясь сферой материального производства. Обучение в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, служба в Корпусе инженеров путей сообщения, возможность проявить себя в инженерно-строительной и транспортной сферах деятельности оказались весьма привлекательными для лиц не православного вероисповедания и не русского происхождения. Среди инженеров путей сообщения с самого начала, со времен Бетанкура, ценились не знатность

происхождения, не близость ко двору, не наличие сотен десятин земли и крепостных душ, а профессиональные качества и достижения в профессиональной деятельности.

С какого момента можно говорить о появлении в России транспортной интеллигенции как особой социально-профессиональной группы? Не будет большим преувеличением утверждать, что процесс возникновения транспортной интеллигенции был хорошо организованным, интенсивным и динамично осуществленным инновационным проектом. На момент ухода из жизни первого ректора ИКИПС А. А. Бетанкура инженеры путей сообщения не только вполне осознали себя как корпорацию профессионалов, ответственную перед страной, но и проявили себя в решении крупных общегосударственных задач.

В ректорство А. Бетанкура (1809—1824) состоялось 12 выпусков инженеров путей сообщения в чине поручика общим числом 147 человек. Еще 76 закончили обучение с чином прапорщика или подпоручика — всего 225 человек. В общей сложности более 300 человек знали первого инспектора (ректора) ИКИПС⁸.

Не будет большим преувеличением утверждать, что к концу правления Александра I ядро транспортной интеллигенции России вполне сформировалось. Сложилась научно-практическая инженерная транспортная и строительная школа Бетанкура. При этом количественные характеристики были не главными. Молодым по возрасту специалистам поручалось решение сложнейших инженерно-технических задач, с которыми они, обладая необходимой подготовкой, блестяще справлялись.

В 1823 г. занятия в ИКИПС были перенесены в здание, построенное под руководством недавнего выпускника Андрея Даниловича Готмана, впоследствии председателя Комитета для строений и гидравлических работ, дослужившегося до чина инженер-генерала. Сегодня это учебный корпус № 1 по Московскому проспекту, д. 9.

В 1823 г. ИКИПС стал военно-учебным заведением, а учащиеся вплоть до 1864 г. находились на полном государственном обеспечении. В 1823 г. преподавание было переведено с французского языка на русский. Важным показателем понимания инженерами путей сообщения общности профессиональных интересов, а также специфики многоплановой деятельности в транспортной

сфере стал выход в 1826 г. отраслевого журнала, что, впрочем, также было реализацией идеи А. А. Бетанкура. Первый в России технический журнал служил образцом для подражания другим подобным изданиям. С первых лет существования журнал был прекрасно поставлен, стал основной трибуной для обмена опытом. Журнал является ценнейшим источником для изучения истории транспорта и транспортной интеллигенции в России. В настоящее время преемником этого издания является журнал «Железнодорожный транспорт».

По образу Корпуса инженеров путей сообщения были созданы и решали свои задачи Корпус горных инженеров (1834—1867), Корпус лесничих (1839—1869 гг.) и другие подобные подразделения. В 1896 г. появилось Московское инженерное училище, позже преобразованное в Московский институт инженеров транспорта. Более 30 технических вузов страны либо возникли на базе старейшего транспортного вуза, либо использовали кадры и накопленный опыт.

Основные направления деятельности инженеров путей сообщения в дореволюционный период. После разгрома Наполеона Александр I инициировал реализацию крупных проектов.

3 мая (15 мая по новому стилю) 1816 г. император обратился с рескриптом к генерал-лейтенанту А. А. Бетанкуру, который назначался председателем нового центрального градостроительного органа — Комитета для строений и гидравлических работ. С 1816 по 1843 г. все сколько-нибудь значимые вопросы, касающиеся благоустройства столицы Российской империи, предварительно рассматривались в Комитете, которым последовательно руководили А. А. Бетанкур (1816—1824), П. П. Базен (1824—1834) и А. Д. Готман (1834—1843), первый, второй и четвертый ректоры Института Корпуса инженеров путей сообщения.

Благодаря Комитету Красоты, как его называли современники, талантам О. Монферрана, К. И. Росси, В. П. Стасова, А. К. Модюи, А. А. Михайлова и других архитекторов возникла ансамблевая застройка классического Петербурга. Ежегодно десятки инженеров путей сообщения занимались прокладкой новых улиц, организацией пространства старых и новых площадей, определяли места расположения публичных зданий, промышленных

и торговых предприятий, открывали речные берега под новые проезды, сооружали мосты, набережные, тротуары, водопроводы и сточные каналы, занимались очисткой каналов и речек, осушением болотистых мест и т. д.

В 1819 г. был составлен «План Бетанкура» — план Санкт-Петербурга, впервые разработанный с использованием геодезических приборов, ставший основой развития застройки города в 1820—40-х гг. Старшим группы геодезистов был Александр Петрович Девятнин (1799—1850), окончивший Институт в 1817 г. Он дослужился до генерала. Ему помогали В. Н. Денисов и Федор Иванович Рерберг (1791—1871), вышедший в отставку в чине полного инженер-генерала. План включал в себя застройку центральных площадей: Адмиралтейской, Дворцовой, Исаакиевской и Сенатской, а также окончание работ на Елагином острове, принадлежавшем царской семье. Планировалось создать и композиционный центр Михайловской площади (ныне площадь Искусств) с Михайловским дворцом (ныне Русский музей), а также перестроить Михайловский манеж и Манежную площадь.

На протяжении XIX в. большинство мостов, набережных, промышленных предприятий, многие общественные здания, дворцы, частные многоквартирные дома в Петербурге созданы по проектам или при самом непосредственном участии сотен инженеров путей сообщения⁹.

Инженеры путей сообщения под руководством своего кумира А. А. Бетанкура участвовали в сооружении Исаакиевского собора, Нижегородской ярмарки, в реконструкции каналов и шлюзов, в строительстве лесопильных предприятий с использованием паровых двигателей, в сооружении первых пароходов и т. д.

Дорожная сеть в Петербурге и далеко за его пределами также требовала значительных усилий и затрат. «До учреждения корпуса инженеров путей сообщения дороги в России были самого жалкого первобытного устройства. Они состояли из плохо выровненного земляного полотна, окаймленного небольшими канавками или иногда — рядами деревьев; причем в болотистых и пучинистых местах это полотно укреплялось валежником, жердями или накатником. К 1859 г., через полвека деятельности корпуса инженеров, обе столицы оказались уже соединенными хорошим шоссе и железною дорогою; некоторые из губернских

городов были также уже соединены между собою и со столицами шоссейными дорогами, общая длина которых к 1859 г. составляла 6820 верст совершенно устроенных и 1740 верст, находящихся в постройке или проектируемых к постройке.

Мосты до 1809 г. устраивались — через малые ручьи, речки и овраги — на сваях или ряжах, на которые клались балки, а на них настил из досок, накатника и пластин; через реки средней величины устраивались наплавные мосты на плотках, разводимые во время ледохода и разливов; сообщение через большие реки происходило на паромках», — характеризовал ситуацию выпускник Института А. М. Ларионов, перечисливший большое число крупных мостов, которые были построены инженерами путей сообщения за 50 лет¹⁰.

В 1817 г. выпускники ИКИПС взялись за постройку первого в России шоссе и в 1834 г. завершили работу. В начале XIX в. слово «шоссе» имело женский род. Это было выдающееся сооружение того времени не только в масштабах России, но и Европы. А. С. Пушкин, «катясь по гладкому шоссе в спокойном экипаже», пришел в восторг от нововведения.

Начальным этапом строительства в 1816—1821 гг. руководил инженер путей сообщения Александр Петрович Вельяшев (1785—1826), впоследствии член и генерал-инспектор Совета путей сообщения. В создании шоссе принимали участие М. С. Волков, К. Я. Рейхель, М. Г. Дестрем, П. П. Базен и другие представители института. Немало учащих и выпускников ИКИПС потрудились на строительстве этой главной дороги России. Рядом с Университетом на Московском проспекте явно неслучайно стоит верстовой столб (архитектор Антонио Ринальди), показывающий расстояние до Москвы.

В бытность Деволлана, инициатора строительства шоссе между столицами, Главным директором путей сообщения в 1817 г. были введены в действие основные положения по организации службы ремонта и содержания шоссе. В рамках этой постоянно и непрерывно действующей службы шоссе делилось на участки определенной протяженности (до 7 верст). Устраивались казармы для рабочих и надзорщиков, которые были обязаны непосредственно производить ремонт и ежедневный осмотр шоссе. На каждые 50 верст назначался смотритель, а на каждые

200 верст инженер. На дорогах стали устанавливаться дорожные знаки, строились сторожевые, караульные и кондукторские казармы, а также станционные (или почтовые) и заставные дома. Во вспомогательных помещениях (сарай и т. п.) складировались простейшие приспособления, инструменты, с помощью которых дороги поддерживались в исправном состоянии. Например, для расчистки снега использовались несколько типов треугольников, перемещаемых лошадьми.

К 1817 г. в ведении Главного управления водными и сухопутными путями сообщения находилось около 3200 верст дорог. Все дороги делились на четыре разряда. С 1819 г. развернулось строительство в Царстве Польском, которое вошло в состав Российской империи, получив в 1815 г. самую либеральную конституцию в Европе. Здесь в течение 10 лет было построено около 1000 верст, имевших важное военно-стратегическое значение. В 1820 г. началось строительство шоссейных дорог в Крыму. В 1801—1830 гг. была качественно улучшена Военно-Грузинская дорога (208 км).

На Вышневолоцкой, Тихвинской, Мариинской водных системах велись значительные по объему работы. Летом 1840 г. выпускник и профессор ИКИПС, подполковник Корпуса инженеров путей сообщения Павел Петрович Мельников обследовал состояние судоходства и транспортировки грузов по Волге от Твери до Астрахани. «Прискорбно было видеть в каких отсталых, можно сказать безобразных, формах совершалось это движение, как относительно вида и устройства судов, так и в особенности относительно способов движения их, а при этом совершенное невнимание правительства и к улучшению фарватера этой благодетельной реки, и к беспорядку, в каком исполняется всё судоходство», — характеризовал ситуацию в своих воспоминаниях П. П. Мельников¹¹.

Суда, использовавшиеся для транспортировки грузов по Волге, были тяжелыми, неудобными в управлении, передвигались по преимуществу мускульной силой более чем 100 тыс. бурлаков, работа которых была тяжелой и опасной. Мельников в 1842—1843 гг. настоял на закупке государством нескольких пароходов, участвовал в создании первого пароходного общества и доказал преимущества нового вида водного транспорта.

После смерти монополиста Ч. Берда голос Мельникова был услышан. В 1835 г. в России имелось 35 пароходов, в 1862 г. по внутренним водам страны ходило 439 пароходов, а в 1868 г. их было уже 587. Так, благодаря настойчивости П. П. Мельникова ускорилось развитие пароходства в России.

В 1835 г. Мельников выпустил научный труд «О железных дорогах». Но инициатором и руководителем строительства Царскосельской дороги от Петербурга до Царского Села в 1836—1837 гг. стал подполковник австрийской армии, чех по национальности Франц Антон Герстнер. Директором правления акционерного общества, собравшего деньги на строительство, первым управляющим построенной железной дороги стал Фердинанд Иванович Таубе (1805—1870), окончивший ИКИПС в 1831 г. Ф. И. Таубе завершил свою карьеру действительным статским советником, находился на должности вице-директора Департамента железных дорог. У выпускника ИКИПС было 17 детей, судьбы которых чрезвычайно интересны. А Царскосельская железная дорога оказалась супердоходным коммерческим проектом.

Строительство железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой осуществлялось в 1843—1851 гг. под руководством выпускников ИКИПС П. П. Мельникова и Н. О. Крафта. Северное (в Чудово) и Южное (Вышний Волочек, затем Тверь) управления строительством делились на участки по 55—60 километров. Участки делились на дистанции длиной по 10—12 км. Работы на участках и дистанциях возглавляли инженеры путей сообщения, работавшие ранее руководителями изыскательских партий: Н. И. Липин, И. Н. Загоскин, П. П. Зуев, В. С. Семичев, А. И. Штукенберг, Н. И. Миклуха, В. А. и И. А. Панаевы, Г. А. Вериги, В. И. Граве и др. Инженеров не хватало. Выпускники 1842—1844 гг. сразу же направлялись на строительство дороги. Мосты строили инженеры путей сообщения Д. И. Журавский, В. И. Граве, С. Ф. Крутиков, Н. И. Антонов.

Открытие самой лучшей в Европе магистральной железной дороги не случайно совпало с днем начала учебных занятий в ИКИПС в 1810 г. — 1 ноября (13 ноября) 1851 г. Инженеры путей сообщения трепетно относились к alma mater.

За государственный счет, как и Петербурго-Московская железная дорога, строилась в 1891—1901 гг. и Транссибирская

магистраль. Создание Великого Сибирского пути стало без всякого преувеличения делом рук выпускников Петербургского института инженеров путей сообщения. Свыше 200 инженеров было занято на изысканиях и строительстве. Они осуществляли техническое руководство и контролировали качество работы. В разные годы в сооружении Транссиба участвовало до 100 тыс. человек.

Начальником строительства Уссурийской линии (Владивосток — Никольск — Уссурийский — Графская — Хабаровск) был Орест Полиентович Вяземский (1839—1910, выпускник 1858 г., действительный тайный советник), которого называли «Богом изысканий». Среднесибирскую линию (река Обь — Ачинск — Красноярск — Зима — Иркутск) и Байкальскую ветвь (Иркутск — Байкал) строил Николай Павлович Меженинов (1838—1901, тайный советник). Сложнейшую Забайкальскую линию (Мысовая — Верхнеудинск — Чита — Срегенск) сооружал А. Н. Пушечников. Начальником строительства западного подхода к КВЖД был Григорий Васильевич Адрианов (1859—1917). Кругобайкальскую линию (Байкал — Слюдянка — Мысовая) сдавал в эксплуатацию Болеслав Устинович Савримович (1836—1905, выпускник 1873 г.). Созданием Амурской линии в 1907—1915 гг. занимались Евгений Юрьевич Подруцкий, Борис Васильевич Зеест, Александр Васильевич Ливеровский. Все они были выпускниками Института путей сообщения разных лет. Именами инженеров путей сообщения названы некоторые станции — Вяземская (и город Вяземский), Андриановка, Межениновка, Будагово и др. Самая длинная железная дорога в мире протянулась на 9288,2 км и стала для всей экономики России стеновым хребтом¹².

В начале XX в. Петербургский институт инженеров путей сообщения (ПИИПС) являлся стартовой площадкой для развития российского воздушного транспорта. С лужайки Юсуповского сада у Юсуповского дворца взлетел один из первых в России воздушных шаров. В ПИИПС через сто лет после основания старейшего транспортного вуза был прочитан первый курс воздухоплавания (1909), организованы самые современные по тому времени аэродинамическая и аэростатическая лаборатории, возник первый студенческий кружок по изучению проблем воздухоплавания. Все эти инновации связаны с именем Николая Алексеевича Рынина — профессора, специалиста по начертательной геометрии,

который предсказывал: «Будущие успехи воздухоплавания будут не только удовлетворением национального самолюбия, а будут вопросом победы и поражений при войне, так как исход будущих войн будет зависеть, пожалуй, исключительно от совершенства воздушных кораблей. Для мирного же прогресса значение воздухоплавания будет настолько велико, что теперь это трудно даже предвидеть и оценить»¹³.

Н. А. Рынин создал всероссийский аэроклуб (1907), стал одним из организаторов авиационных состязаний в Петербурге (1910—1913), совершил 8 полетов на аэростате и получил прозвище «летающий профессор». Уже после 1917 г. он стал организатором и деканом нового факультета воздушных сообщений в ПИИПСе (1920) и первым профессором по кафедре воздушных сообщений института (1921). Николай Алексеевич Рынин по праву считается основоположником высшего авиационного образования в России. Профессор старейшего транспортного вуза содействовал созданию в 1923 г. всероссийского добровольного воздушного флота «Добролет», что положило начало развитию воздушного транспорта в СССР. Рынин стоял у истоков отечественной космонавтики.

К 100-летию института (1809—1909 гг.) его питомцы и сотрудники приняли участие в сооружении 263 тыс. верст железных, сухопутных и водных путей сообщения. Проведением мобилизации Русской армии за две недели в августе 1914 г. российские железнодорожники сорвали немецкий блицкриг. В условиях войны были построены тысячи верст новых железных дорог, включая Великий Северный путь — Мурманскую железную дорогу. Патриоты и государственники, инженеры путей сообщения трудились на пределе своих возможностей, но старая Россия была обречена. После 1917 г. начался новый этап в жизни и деятельности транспортной интеллигенции.

Заключение. Убежденность в исключительности получаемых знаний, умений и навыков, понимание возлагаемой на них миссии служения Отечеству достаточно быстро стали занимать в корпоративном менталитете инженеров путей сообщения ведущее место. Во всяком случае, вплоть до 1917 г. выпускники Петербургского института инженеров путей сообщения — старейшего транспортного и инженерно-строительного высшего

учебного заведения страны считали, что только они могут именоваться ИНЖЕНЕРАМИ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ¹⁴.

Возникновение транспортного образования, развитие транспортной инфраструктуры, многосторонняя деятельность инженеров путей сообщения стали важным фактором социально-экономического и культурного развития России. Всё это представляет собой ценный опыт, игнорирование которого дорого обходится стране.

Примечания

- ¹ Отчет Главного Директора Путей Сообщения за 1810 год. Вторым тиснением. СПб., 1816 (?) года // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 206. Оп. 1. Д. 8. Л. 14—15.
- ² Там же. Л. 24—26.
- ³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 30, № 23966. С. 1305.
- ⁴ См. подробнее: *Павлов В. Е.* Русский испанец. СПб., 2007.
- ⁵ Цит. по: *Боголюбов А. Н., Павлов В. Е., Филатов Н. Ф.* Августин Бетанкур (1758—1824) : ученый, инженер, архитектор, градостроитель. Н. Новгород, 2002. С. 103.
- ⁶ РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 8. Л. 15 (Общий архив Министерства путей сообщения. Канцелярия экспедиции Главного управления путей сообщения и публичных зданий).
- ⁷ *Кудрявцев А. С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР : (дооктябрьский период). М., 1951. С. 138.
- ⁸ *Житков С. М.* Биографии инженеров путей сообщения. СПб., 1889. С. 53—58.
- ⁹ Старейший транспортный университет — городу на Неве / под ред. *В. И. Ковалева, В. В. Сапожникова, В. В. Фортунатова.* М., 2006.
- ¹⁰ История Петербургского государственного университета путей сообщения : в 2 т., 3 кн. СПб., 2009. Т. 1. С. 133—134.
- ¹¹ П. П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель / *М. И. Воронин и др.* СПб., 2003. С. 89.
- ¹² См.: Транссибирская и Байкал-Амурская магистрали — мост между прошлым и будущим России. М., 2005.
- ¹³ *Рынин Н. А.* Новейшие успехи воздухоплавания. СПб., 1910. С. 127.
- ¹⁴ *Фортунатов В. В.* Традиции железнодорожной интеллигенции // Известия Петербургского университета путей сообщения. СПб., 2009. Вып. 4. С. 19—29.

К. Е. Балдин

**ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ИЛИ ЧИНОВНИКИ?
КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДЯЩИХ
РАБОТНИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
(конец XIX — начало XX в.)**

Современные исследователи-интеллигентоведы активно занимаются изучением такого многочисленного и разнообразного по своему составу отряда российской интеллигенции, как педагогические работники. По этой тематике защищены десятки диссертаций, написаны сотни монографий и статей. В то же время историки до сих пор мало обращали внимания на руководящих работников образовательных учреждений.

Для такого периода, как конец XIX — начало XX в., исследование этого сравнительно небольшого сегмента отечественной интеллигенции представляется очень важным, т. к. позволяет увидеть некоторые существенные тенденции в образовательной сфере эпохи российской модернизации. Особенно большую роль в модернизационном процессе играли в это время средние общеобразовательные учебные заведения, которые десятками и сотнями возникали на рубеже позапрошлого и прошлого веков как в столицах, так и в провинции. Они готовили кадры образованных людей, в дальнейшем активно включавшихся в переустройство страны. Значительную роль в функционировании этих образовательных структур играли их руководители — директора и инспектора реальных училищ, мужских и женских гимназий. В Иваново-Вознесенске до революции было пять таких общеобразовательных учреждений весьма значительных по размерам.

Балдин К. Е., 2017

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета. kebaldin@mail.ru

Руководящие работники средних учебных заведений, будучи высокооплачиваемыми должностными лицами, однозначно принадлежали к верхнему слою российской интеллигенции по уровню материальной обеспеченности. В большинстве своем они были преданы истеблишменту и неуклонно проводили в жизнь его идейно-воспитательные установки. В индустриальном городе они составляли весьма узкий социально-профессиональный слой. Несмотря на немногочисленность, он занимал значительное место в провинциальном социуме благодаря своей статусности, высоким чинам по «Табели о рангах» и различным наградам, которыми государство не забывало отмечать этих людей.

Соотношение в одном человеке двух ролей — чиновника и интеллигента, было очень различным; бывало и так, что чиновник почти полностью побеждал интеллигента. Эти должностные лица, с одной стороны, находились в жесткой иерархической системе, из которой было трудно вырваться, с другой стороны, они сеяли то, что поэт назвал «разумным, добрым, вечным».

Уточняя предмет данного исследования, укажем, что мы ограничимся руководителями только средних общеобразовательных учебных заведений на примере города Иваново-Вознесенска и в основном не будем касаться функциональной стороны вопроса, т. е. выполнения управленцами от образования своих прямых профессиональных обязанностей.

Остановимся сначала на профессиональной подготовке рассматриваемых нами персонажей. Абсолютное большинство руководителей учебных заведений Иваново-Вознесенска имели солидное образование, закончив различные вузы. При этом варианты полученной ими подготовки были весьма многообразны. Об этом свидетельствуют данные о директорах Иваново-Вознесенского реального училища: И. И. Бордюгов окончил Главный педагогический институт, А. В. Муромцев — физмат Московского университета, Н. Н. Анучин — физмат Харьковского университета, П. А. Григорьев — Петербургское коммерческое училище, И. М. Сыромятников — физмат Московского университета. Целесообразно привести аналогичные данные об инспекторах того же учебного заведения: С. Н. Преображенский закончил Московскую духовную академию, А. И. Виноградов — Казанский университет, Д. А. Фогль — Политехнический институт

в Праге, Д. Д. Ефремов — Петербургский университет¹. Директор Иваново-Вознесенской мужской гимназии С. И. Котровцев являлся питомцем истфила Московского университета².

Женщины, руководившие учебными заведениями, естественно, заканчивали не университеты, а иные образовательные учреждения. Так, начальница Иваново-Вознесенской казенной гимназии О. Ф. Киселева окончила Екатерининский институт благородных девиц³.

Университеты в дореволюционной России давали общенаучную, а не педагогическую подготовку. Поэтому их выпускники не обладали специальными знаниями в области психологии и педагогики, которые необходимы были для преподавания в средней школе. Министерство народного просвещения (МНП), учитывая это, организовало дополнительные курсы для выпускников университетов, желавших трудиться в образовательной сфере. Они действовали при Московском высшем техническом училище, где за время обучения «курсантам» выплачивались стипендии МНП. В 1876 г. сюда был определен «для приготовления к должности преподавателя в реальных училищах» будущий руководитель Иваново-Вознесенского реального училища Н. П. Бакланов, в 1879 г. — будущий инспектор того же учебного заведения Д. А. Фогль, а в 1885 г. — один из его преемников на том же посту — Д. Д. Ефремов⁴.

Ко времени назначения руководителями учебных заведений рассматриваемые нами персонажи имели за плечами достаточно богатый опыт педагогической и административной службы, который они использовали при работе в Иваново-Вознесенске. Начальница женской гимназии О. Ф. Киселева до этого исполняла обязанности классной дамы в Екатерининском институте благородных девиц в Москве⁵. Директора местного реального училища также участвовали в педагогическом процессе за пределами Иваново-Вознесенска. И. И. Бордюгов преподавал химию в 3-й Московской гимназии. По воспоминаниям современников, в эти годы он был довольно близким другом русского публициста Н. А. Добролюбова⁶. Преемник И. И. Бордюгова — А. В. Муромцев преподавал математику в 6-й Московской гимназии. Н. Н. Анучин работал в Орловской гимназии, затем был назначен инспектором народных училищ Орловской губернии, потом инспектором

Тамбовской гимназии, а после этого — директором учительской семинарии в г. Карачев. Таким образом, он имел довольно богатый опыт не только педагогической, но и административной работы⁷.

Стаж административной работы училищных директоров и гимназических начальниц был различным. Первая руководительница Иваново-Вознесенской женской гимназии Е. С. Колзакова прослужила на этом посту пять лет, после этого ее перевели руководить женской гимназией в г. Серпухов, где она трудилась еще 24 года до выхода на пенсию⁸. В реальном училище за первые 18 лет его истории сменились шесть директоров, средний срок их пребывания в должности составлял около трех лет. Однако принявший на себя обязанности руководителя И. М. Сыромятников директорствовал с 1894 г. около двух десятилетий. К 60-летнему возрасту он выслужил все возможные награды, прибавки к жалованию и максимальную пенсию⁹.

О том, как развивалась карьера руководителя учебного заведения, можно проследить на примере Ивана Михайловича Сыромятникова. На службу в Иваново-Вознесенское реальное училище он пришел в 1877 г. коллежским ассессором. В 1884 г. по выслуге лет получил чин надворного советника, в 1886 г. — коллежского советника, в 1889 г. — статского. Таким образом, всего за 12 лет он поднялся сразу на несколько важных ступеней по «Табели о рангах». Впрочем, следующего затем чина действительного статского советника ему пришлось дожидаться долго — до 1904 г., хотя за эти пятнадцать лет он стал сначала инспектором, а потом директором училища¹⁰. До чина статского советника дослужился директор мужской гимназии С. И. Котровцев. Такой же чин получил инспектор реального училища И. В. Ясинский¹¹.

Возможные для руководителя среднего учебного заведения отличия также целесообразно рассмотреть на примере И. М. Сыромятникова, который «собрал» их почти все. Его формуляр свидетельствует о том, что в 1883 г. он удостоился ордена Станислава 3-й степени. В 1887 г. он получил Анну 3-й степени, 1891 г. — Станислава 2-й степени, 1901 г. — Владимира 4-й степени, 1906 г. — Владимира 3-й степени и в 1912 г. — Станислава 1-й степени. Кроме того, у него были медали: бронзовая — за активное участие во Всероссийской переписи населения 1897 г. и серебряная — в память императора Александра III¹². У инспекторов

того же реального училища И. В. Ясинского и Д. Д. Ефремова самой старшей наградой являлась Анна 2-й степени¹³.

Большую часть своего служебного времени руководители учебных заведений отдавали всё же административной работе, педагогическая деятельность у них стояла на втором плане. Так, в реальном училище на рубеже XIX и XX вв. директор И. М. Сыромятников и инспектор И. В. Ясинский имели всего по 12 уроков в неделю. В казенной женской гимназии начальница О. Ф. Киселева преподавала только французский язык, уроков по которому было не очень много¹⁴.

Некоторые из упомянутых нами лиц занимались также научной и, в частности, научно-методической работой, хотя их должностные обязанности напрямую не предусматривали такого рода деятельности. Руководивший в 1880-х гг. реальным училищем А. В. Муромцев являлся автором учебного пособия «Элементы геометрии», а инспектор Д. Д. Ефремов не только издал книгу «Новая геометрия треугольника», но и сотрудничал в столичном журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики», где печатал научные статьи¹⁵.

Руководители средних учебных заведений относились к категории высококвалифицированной интеллигенции. Можно с полным правом утверждать, что они являлись одними из самых высокооплачиваемых должностных лиц в городе. В отличие от педагогов и руководителей начальных школ, финансируемых из городского бюджета, педагогов и начальствующих лиц средней школы обеспечивала казна (исключение составляли частные учебные заведения).

По данным на конец 1870-х гг., директор реального училища И. И. Бордюгов получал в год жалование 1176 р., а со всеми доплатами — 2 626 р. В начале XX в. жалование было существенно повышено: И. М. Сыромятников получил 2 тыс. за исполнение обязанностей директора реального училища и еще 1 тыс. по должности заведующего школой колористов, работавшей при этом училище. За 12 уроков в неделю ему причиталось еще 720 р., а всего — 3 720 р.¹⁶ Из этих данных явствует, что административные обязанности оплачивались лучше, чем педагогический труд.

Женские гимназии, хотя и назывались казенными, на деле содержались не из государственных средств, а за счет городского

бюджета, пожертвований и платы родителей за обучение детей. Для сравнения укажем, что в начале XX в. начальница женской гимназии О. Ф. Киселева получала за 12 уроков французского языка в неделю 360 р., а за обязанности начальницы — 600 р.¹⁷ Таким образом, руководительница среднего женского учебного заведения получала в два с половиной раза меньше, чем инспектор в реальном училище: в последнем И. В. Ясинский, исполнявший обязанности «завуча», зарабатывал 1500 р. за уроки и 750 р. за выполнение административных обязанностей¹⁸. Разница объяснялась вовсе не гендерной дискриминацией, а недостаточным финансированием женского образования.

Штатным жалованием доходы училищного начальства не ограничивались. В частности, директорам время от времени выдавали премии по 200—300 р., а когда И. И. Бордюгов решил поправить свое здоровье, ему выдали так называемые «лечебные» в размере 670 р. Нередко директор, а вместе с ним и инспектор пользовались бесплатной квартирой, которая находилась непосредственно в здании учебного заведения. В Иваново-Вознесенском реальном училище квартира для директора была предусмотрена, а для инспектора нет. Поэтому он получил в год 600 р. квартирных¹⁹.

Впечатляющим выглядит размер пенсионного обеспечения руководителей в сфере народного просвещения. Директор реального училища после выслуги 20 лет получал годовую пенсию 1200 р., а после выслуги 30 лет к вышеназванной сумме добавлялось еще 1200 р. При этом одновременно он еще мог работать. Например, И. М. Сыромятников получал 3 тыс. р. жалования, 720 р. за уроки и 2 400 р. пенсии, всё вместе составляло 6 120 р.²⁰ Для сравнения укажем, что рабочий очень высокой квалификации на текстильной фабрике в начале XX в. зарабатывал около 500—600 р.

Большинство руководителей учебных заведений были людьми семейными. Типичным примером очень удачного брака, по крайней мере — в материальном отношении, является женитьба И. М. Сыромятникова на Александре Гандуриной — дочери местного текстильного предпринимателя М. Л. Гандурина²¹. Наверняка приданое, которое получил тогда еще молодой преподаватель реального училища, было весьма солидным. В результате резко повысился социальный статус Сыромятникова в городе, т. к. его шурыями стали текстильные фабриканты Антон, Николай

и Лаврентий Гандурины, капиталы которых исчислялись миллионами рублей. В семье Сыромятниковых было двое детей: Сергей, ставший инженером путей сообщения, и Екатерина, которая окончила Иваново-Вознесенскую гимназию и вышла замуж за инженера-путейца Измайловского²².

Женой инспектора реального училища Ивана Васильевича Ясинского стала Олимпиада Ивановна. В браке у них родились четверо детей: Валентина, Всеволод, Борис и Людмила. Осиротевшей семье после смерти Ясинского в 1900 г. была назначена казенная пенсия размером в 750 р. в год. Разумеется, для семьи из пяти человек этого было маловато, но Ясинские и после смерти кормильца материально не нуждались. Олимпиада Ивановна была человеком активным и предприимчивым. Она заведовала в Иваново-Вознесенске женской профессиональной школой, получая за это жалование и беря коммерческие заказы на шитье одежды ученицами школы, что также приносило ей немалый доход²³.

Очень непросто сложилась жизнь замечательной женщины Ольги Федоровны Киселевой, более двух десятилетий руководившей Иваново-Вознесенской женской гимназией. Она происходила из дворянской семьи, ее отцом был генерал Федор Аделунг. Закончив престижный Екатерининский институт благородных девиц, она была оставлена для работы при нем. Ольга вышла замуж за юриста Киселева, который делал быструю карьеру и являлся заместителем председателя Сарапульского окружного суда. Однако, как свидетельствуют официальные документы, он «впал в умопомешательство» и был помещен в Преображенскую психиатрическую больницу в Москве. Для того чтобы содержать семью, Ольга Федоровна стала работать сначала классной дамой в Екатерининском институте, а потом, с 1882 г. — начальницей женской гимназии в Иваново-Вознесенске²⁴.

Как отмечал в надгробном слове по ней ивановский священник о. Дмитрий Сперанский, она самоотверженно любила своих четверых детей, стараясь дать им необходимое воспитание, хотя времени на семью за делами службы у нее явно не хватало. Незадолго перед смертью Ольга Федоровна не раз говорила, что ей очень хотелось бы уйти на покой и жить у кого-либо из своих детей²⁵.

К сожалению, источники не позволяют дать руководящему составу учебных заведений всестороннюю психологическую

или нравственно-этическую характеристику. Делопроизводственные документы вообще не содержат материал по этой теме, а источников личного происхождения практически нет, тем более что мемуары или дневники могут дать искаженное представление о действительности.

В качестве примера можно привести дневник учащегося реального училища Петра Журова, в котором сохранились краткие заметки о некоторых руководителях этого учебного заведения. О «Н. П. Бл.», т. е. наверняка о Н. П. Бакланове (директор в 1891—1894 гг.), говорится, что он был «несамостоятелен» и смущался при общении даже с подчиненными²⁶. Впрочем, Петр Журов приводит эти сведения с чужих слов, так как Бакланова он не знал, и доверять этой информации нужно с большой осторожностью.

Более или менее репрезентативный материал имеется в нашем распоряжении о начальнице женской гимназии О. Ф. Киселевой. Правда, используемый источник представляется довольно специфическим. Это упомянутое выше слово, сказанное священником о Дмитрием Сперанским на ее погребении. При анализе нужно учитывать, что о мертвых говорят либо хорошо, либо ничего. Отец Дмитрий, судя по всему, знал об Ольге Федоровне, которая в жизни была типичным интровертом, значительно больше, чем большинство его слушателей.

Как утверждал священник, основной чертой ее характера было чрезвычайно развитое чувство ответственности за порученное дело. Хотя внешне О. Ф. Киселева казалась сухой, она очень любила девочек-учениц, порученных ее попечению. Но эта любовь проявлялась не в потворстве их слабостям, а в том, что она не только замечала дурные привычки и пороки, но и старалась их исправить, в том числе наказанием. Подчас строго требовала, чтобы ученицы соблюдали скромность во внешнем виде — одежде, прическах, украшениях. Именно поэтому взрослые девушки-выпускницы относились к ней негативно. Зато дети младшего возраста чувствовали ее любовь и в ответ платили своими искренними симпатиями.

Еще одной характерной чертой О. Ф. Киселевой, из-за которой она нажила немало врагов, была беспристрастность. Она относилась к детям одинаково участливо вне зависимости от положения их родителей в обществе. Для нее не было разницы между дочерьми

мелких служащих и девочками из семей фабрикантов. Характерно, что на панихиде по О. Ф. Киселевой огромный Покровский собор не смог вместить всех желавших проститься с ней²⁷.

Преподаватели казенных учебных заведений числились чиновниками МНП и, естественно, зависели от своего непосредственного начальства — инспектора и директора, а эти последние — от попечителя учебного округа и от чиновников МНП в столице. В числе основополагающих, хотя и неписаных, правил чиновничьей службы считалось послушание начальству и отказ от личной инициативы. Проявление инициативы со стороны подчиненных в бюрократическом аппарате не поощрялось.

Вместе с тем изредка встречались преподаватели, которые не укладывались в прокрустово ложе чиновничьего делопроизводства и выступали с различными идеями, некоторые из них следует характеризовать как вполне конструктивные. Одной из таких креативных личностей в Иваново-Вознесенске стал учитель словесности в Иваново-Вознесенском реальном училище Сергей Иванович Котровцев.

В июле 1907 г. он обратился в Иваново-Вознесенскую городскую управу с предложением открыть в «русском Манчестере» мужскую гимназию. Он считал, что это учебное заведение должно быть не казенным, а частным, при этом указывал на себя как на потенциального ее директора и организатора этого нового учебного заведения. Для осуществления своих планов он просил материальную помощь от городского самоуправления: в первый год субсидию в 3 тыс. р. на создание гимназии, а в последующие два года — по 2 тыс. р. на ее содержание.

С. И. Котровцев в своем прошении сообщал «отцам города», что эту идею поддержали еще несколько преподавателей реального училища, готовых работать в новом учебном заведении. Судя по просьбе, поданной в городскую управу, он был уверен в том, что ему вместе с единомышленниками удастся «поставить гимназию на должную высоту, сообщая учащимся необходимые в жизни познания без всякой мертвящей схоластики»²⁸.

Последний аргумент представлялся очень важным в связи с тем, что в Иваново-Вознесенске в определенных общественных кругах (фабриканты и инженерно-техническая интеллигенция) бытовало стойкое убеждение о том, что в классических гимназиях

господствует эта самая «мертвящая схоластика», а латынь и древнегреческий язык (два неотъемлемых атрибута гимназического «классицизма») юным жителям Иваново-Вознесенска совершенно не нужны. По мнению этих общественников, для детей в крупном промышленном центре необходимо реальное общее и профессиональное образование.

С. И. Котровцев являлся человеком, который занимал видное положение в Иваново-Вознесенске, имел чин статского советника, был награжден несколькими орденами, получал высокое жалование²⁹. Возникает вопрос — зачем же он выступил с инициативой создания частной мужской гимназии? Можно с уверенностью предположить, что он знал о том, какие проблемы стояли перед местной частной женской гимназией М. И. Крамаревской и, вполне возможно, консультировался с ней по поводу перспектив негосударственного учебного заведения. Он наверняка четко представлял, что ему предстоит многочисленные хлопоты, связанные с поиском здания для гимназии, снабжением ее классной мебелью и учебными пособиями, преодолением многочисленных бюрократических препон. Между тем, как показывал опыт частной гимназии Крамаревской, в провинциальном городе на большой коммерческий успех организаторы гимназии не могли рассчитывать. С учетом этих не самых радужных перспектив можно предположить, что С. И. Котровцев являлся в большей степени не чиновником, а общественником, который ставил своей целью совершенствование образовательного пространства в провинции, а не коммерческую выгоду.

Гласные Иваново-Вознесенской городской думы на заседании 16 августа 1907 г. отнесли к предложению С. И. Котровцева без особого энтузиазма. Они отказались выделять пособие на планируемую гимназию, но в то же время посчитали, что не стоит отдавать в частные руки инициативу создания такого важного образовательного учреждения. По всей вероятности, отцы города рассудили, что городу и одного частного среднего учебного заведения достаточно. Гласные, проявив интерес к самой перспективе открытия мужской гимназии, решили создать комиссию для обсуждения этого вопроса, которая начала работу уже 6 сентября 1907 г.³⁰

Комиссия пришла к заключению, что мужская гимназия городу всё же необходима, и 20 февраля 1908 г. дума обратилась

к попечителю Московского учебного округа с просьбой дать разрешение на открытие этого образовательного учреждения. Гласные приняли решение предоставить в распоряжение новой гимназии здание, которое до 1904 г. занимала казенная женская гимназия и которое предварительно необходимо было отремонтировать. С. И. Котровцев принимал участие в этом процессе и наверняка давал советы гласным в том деле, которое он уже тщательно продумал.

В дальнейшем события развивались довольно динамично для не слишком поворотливой бюрократической машины МНП. Согласие учебного начальства было получено, и 31 августа 1909 г. начались занятия в городском мужском училище 3-го разряда. Такое название носила будущая мужская гимназия, которую в это время пока даже нельзя было назвать даже прогимназией, т. к. в составе ее были фактически только приготовительный класс (т. е. «нулевой») и первый. В 1910 г. учебное заведение получило статус городского училища 2-го разряда³¹, а летом 1911 г. — статус гимназии, ее директором был назначен С. И. Котровцев³². Именно ему принадлежала главная заслуга в создании нового учебного заведения, хотя конечный результат не соответствовал первоначальным планам этого провинциального общественника.

Гимназия быстро наполнилась, а потом и переполнилась детьми. В 1911 г. в ней насчитывалось 247 учащихся, а в 1917 г. — 559. Гимназия обслуживала не только Иваново-Вознесенск, но и окрестные крупные фабричные центры. В ней в начале 1917 г. учились мальчики из Кохмы, Тейкова, Лежнева, были ученики из Гавриловского посада, сел Вичуга, Тезино, Чернцы, Савино, из других населенных пунктов Шуйского, Ковровского, Суздальского, и даже отдаленного Судогодского, уездов Владимирской губернии³³.

Совершенно особняком среди руководящего состава рассматриваемых учебных структур стояли начальницы частных учебных заведений. Забегая вперед, следует констатировать, что они были, прежде всего, не должностными лицами, не чиновниками ведомства народного просвещения, а скорее общественными деятельницами, предпринимателями, хозяйственниками и педагогами в одном лице.

К сожалению, о жизни и деятельности этих персонажей мы можем судить преимущественно по сухим делопроизводственным документам. Единственной руководительницей учебного

заведения в городе, о которой сохранились более живые и заслуживающие доверия свидетельства источников личного происхождения, является Мария Ивановна Крамаревская, открывшая первую в Иваново-Вознесенске частную гимназию. Это рукописные воспоминания А. П. Орловой, которая окончила это учебное заведение в 1917 г.

Педагогическая карьера Крамаревской началась с работы учительницей в начальной школе. Целесообразно привести цитату, которая дает представление об имидже начальницы и о ее отношении к подопечным: «Мария Ивановна, полная, свежая, статная, всегда затянутая в корсет, была женщиной среднего возраста. Неизменно была одета в темную, длинную, гладкую юбку и светлую блузку английского покроя с маленьким черным бантиком у стоячего воротника... Величаво она расхаживала по своим владениям и своими большими живыми карими глазами зорко во всё всматривалась, видела любые неполадки. Ее появление всегда вызывало уважение к ней, но и трепет от страха. Вскоре после моего поступления она подозвала меня к себе и говорит: "...у Вас передник не по форме: к проймам пришейте обязательно нагрудник!" Ее приказ был выполнен на другой же день»³⁴.

Литературовед Л. Н. Таганов — автор книги о поэтессе Анне Барковой, закончившей эту гимназию, считает, что М. И. Крамаревская осознанно выполняла культурную миссию — просвещение народа³⁵. Как нам представляется, в данном конкретном случае речь может идти лишь о просвещении, расширении общекультурного кругозора и нравственном совершенствовании не народа, а лишь ограниченного круга молодого поколения — девушек, которые учились в данной гимназии. В то же время, мы склонны согласиться с Л. Н. Тагановым, который утверждает, что Мария Ивановна стремилась внушить своим ученицам мысль о том, что их гимназия — по-своему элитарное учебное заведение. Элитарность его заключалась в том, что образование, полученное в гимназии, имело отчетливо выраженный гуманитарный характер. Особое внимание уделялось словесности, которую преподавала сама Крамаревская. Выпускнице гимназии А. П. Орловой запомнилось то, как начальница читала классические произведения — выразительно и четко. По ее инициативе в гимназии появилась традиция зачитывать в классе

лучшие сочинения учениц³⁶. Это вызывало в девушках дух соревновательности и стремление удостоиться публичной похвалы от начальницы, которая служила для многих представительниц юного поколения неким образцом образованной и успешной в жизни женщины.

Гимназистки были знакомы только с учебной и воспитательной составляющими деятельности гимназии, между тем М. И. Крамаревской, как и начальнице другой частной гимназии Иваново-Вознесенска — П. А. Диомидовской, приходилось немало заниматься хозяйственной и финансовой деятельностью. Обе они открыли учебные заведения на свой страх и риск и должны были следить за тем, чтобы не потерпеть банкротство. Директора мужских казенных гимназий и реальных училищ были полностью избавлены от беспокойства за судьбу вверенных им образовательных учреждений, т. к. финансирование МНП было стабильным. Что касается Крамаревской и Диомидовской, то они были вынуждены рассчитывать лишь на личные связи в городском социуме и на свои организаторские способности. Открытые ими частные учреждения могли выжить в условиях рыночной экономики только благодаря способностям своих начальниц организовать их финансирование и снабжение всем необходимым. Именно это, а не учебный и воспитательный процессы составляли главную проблему для начальниц частных гимназий.

Когда в Иваново-Вознесенской думе стало известно, что в городе предполагается открыть первую частную женскую гимназию, некоторые гласные с удовлетворением отметили, что этому можно только порадоваться, т. к. наличие нескольких учебных заведений одного профиля приведет к конкуренции между ними и улучшению качества образования. Однако отцы города не учитывали того, что эффективная конкуренция возможна при относительно равных материальных возможностях. Между тем, эти возможности у частной гимназии были далеко не такими, как у казенной.

Об этом свидетельствуют прошения начальниц обеих гимназий, с которыми они практически ежегодно обращались в органы местного самоуправления. Субсидии двум дамам, конечно, давали, но эта помощь была не очень щедрой. По просьбе Крамаревской гласные некоторое время отпускали ее гимназии по 2 тыс. р. в год. Находясь под впечатлением от проблем, которые

изложила в своей очередной просьбе Мария Ивановна, в 1913 г. они выделили для ее гимназии уже 3 тыс. р.³⁷ Однако число учащихся здесь увеличивалось с каждым годом, а иваново-вознесенский муниципалитет не был готов идти на большие траты. Поэтому в 1914 г. М. И. Крамаревская впервые обратилась за помощью к Шуйскому уездному земству. Мотивировка просьбы о помощи выглядела очень убедительно: в этой гимназии учились десятки девушек из Кохмы, Тейкова, других населенных пунктов Шуйского уезда. Суммы обычно выделялись меньшие по размерам, чем просили, и на этот раз вместо просимых 2 тыс. из земского бюджета ассигновали всего 1 тыс.³⁸

У автора сложилось стойкое впечатление, что вторая частная женская гимназия в Иваново-Вознесенске, открытая Диомидовской, испытывала еще более серьезные трудности, чем аналогичное заведение Крамаревской. Об этом свидетельствуют просьбы начальницы и реакция на них органов местного самоуправления. В 1913 г. Диомидовская обратилась в Иваново-Вознесенскую городскую думу, охарактеризовав в деталях безотрадное материальное положение гимназии, она просила выделить ей ежегодную субсидию в размере 2 тыс. р. Гласные не дали ни копейки, и это несмотря на то, что председателем попечительного совета этого учебного заведения являлся городской голова. В том же 1913 г. Диомидовская обратилась в Шуйское земское собрание, здесь гласные оказались более отзывчивыми и выделили ей 1 тыс. р. Справедливости ради нужно сказать, что впоследствии городское самоуправление стало менее скупым, выделив для этого учебного заведения в 1914 г. 1 тыс. р., а в 1915 г. — 2 тыс.³⁹

Можно только догадываться, какую крепкую нервную систему нужно было иметь этим двум женщинам, чтобы регулярно обращаться с просьбами в муниципальные органы, а в ответ получать либо отказы, либо субсидии значительно меньшие, чем реально требовалось для их учебных заведений.

Рассмотрим совершенно конкретные материальные проблемы, которые вставали перед М. И. Крамаревской и П. А. Диомидовской, взявших за руководство частными гимназиями. У казенных гимназий так называемый «квартирный вопрос», разумеется, возникал, но он решался либо за счет казенных (вариант — муниципальных) средств, либо путем сбора

благотворительных взносов состоятельными жителями города. У частных гимназий дела обстояли по-иному. В первые годы работы гимназии М. А. Крамаревская взяла в аренду двухэтажный дом в местечке Ямы. Однако с каждым годом ученический контингент возрастал, и помещение становилось тесным. В качестве паллиатива был снят второй дом на Ямах в трех кварталах от первого. Однако разделение учебного заведения на два помещения оказалось крайне неудобным. М. И. Крамаревская сочла за лучшее арендовать более вместительное помещение у Товарищества П. Малютина в самом центре города на Вознесенской площади. В связи с тем, что здание было до этого жилым, то потребовалась серьезная его перепланировка и ремонт. На это были потрачены значительные средства, не говоря о ежегодной арендной плате в 5 тыс. р.⁴⁰

Для учебного заведения требовалось специальное оборудование и соответствующие учебные принадлежности. П. А. Диомидовская, сообщая о многочисленных тратах своего учебного заведения в просьбах, обращенных к городской думе и земскому собранию, указала, что классная мебель в 1913 г. обошлась для бюджета ее учебного заведения в 800 р., требовались также расходные материалы — чернила, бумага, ручки, перья, карандаши⁴¹.

Однако основной расходной статьей гимназического бюджета всё же являлась выплата жалования педагогическому персоналу. Как писала в своих прошениях в Шуйскую земскую управу П. А. Диомидовская, в 1913—1914 гг. в ее гимназии годовая заработная плата учителям составляла 7 700 р., классной надзирательнице — 300 р., врачу, который обслуживал девочек, — 100 р. Жалование самой П. А. Диомидовской составляло в 1913 г. всего 500 р. в год, а в следующем году она решила повысить его до 900 р.⁴² В 1915 г. за так называемый годовой час М. И. Крамаревская платила работавшим у нее педагогам 50 р., и это было меньше, чем в казенных образовательных учреждениях. В связи с этим в 1914/15 учебном году из упомянутой гимназии на более оплачиваемые места ушли двое учителей⁴³.

Сейчас сложно предположить, рассчитывали ли М. И. Крамаревская и П. А. Диомидовская на какую-либо прибыль, когда открывали свои гимназии. Однако можно с уверенностью констатировать, что на протяжении всех лет существования

частных школ в Иваново-Вознесенске (с 1906 по 1917 г.), они не стали прибыльным делом. Как отмечала М. И. Крамаревская в прошении в Иваново-Вознесенскую городскую думу в 1915 г., «школа до сих пор не окупала себя»⁴⁴. Это утверждение, которому можно поверить, в полной мере касается и гимназии П. А. Диомидовской. Вероятно, задумывая свои образовательные проекты, женщины предполагали, что события будут развиваться по такому сценарию, и их главной целью при открытии гимназий было не получение прибыли, а просвещение и воспитание подрастающего поколения.

Подводя итоги, следует констатировать, что состав руководящих кадров средней школы в провинции достаточно пестр. Среди них были и «перелетные птицы», приехавшие в провинциальный город для того, чтобы дать новый импульс своей карьере, которую они видели, прежде всего, в столичных городах. Но в их среде были и те, кого в местном интеллигентском социуме многие считали своими духовно-нравственными ориентирами. Как нам представляется, убедительным примером такого рода служила начальница женской гимназии О. Ф. Киселева. Ее жизнь можно без преувеличения назвать подвижнической, как в отношении собственных детей, так и в отношении учащихся вверенной ей гимназии. Приведенный материал лишний раз убеждает в том, что руководители этих образовательных учреждений были не только чиновниками, но и истинными интеллигентами.

В целом, руководящих работников просветительной сферы отличал высокий уровень образования, большинство из них (имеются в виду мужчины) закончили университеты, некоторые имели не только специальное профильное, но и педагогическое образование, пройдя специальные курсы, готовившие к преподавательской работе в средних учебных заведениях. Основными поприщами героев настоящей публикации являлись: во-первых, руководящая работа в качестве директоров или инспекторов, во-вторых, образовательная и воспитательная деятельность в среде юного поколения, в-третьих, некоторые из них, составлявшие меньшинство, имея склонность к научной деятельности, находили время и возможности заниматься ею.

Государство проявляло немалую заботу о материальном обеспечении руководящего состава общеобразовательных учебных

заведений. Это касалось базового жалования, различных доплат к нему, премий, квартирных, лечебных денег и, что важно, очень значительной по размерам пенсии. Люди, принадлежавшие к этому профессиональному слою, чувствовали себя социально защищенными. Материальная обеспеченность и социальная защищенность составляли для большинства из них очень важную мотивацию служебной деятельности, но не единственную. Одновременно мотивом их деятельности выступало стремление дать качественное образование и воспитание молодому поколению. Вторая мотивация роднила исследуемый нами слой с интеллигенцией, первая делала их больше похожими на чиновников.

Некоторые руководящие кадры школы могут смело считаться субъектами нарождавшегося на рубеже XIX—XX вв. гражданского общества. Разумеется, это были общественно активные индивидуумы. К ним трудно отнести большинство руководителей казенных мужских учебных заведений, в большей степени являвшихся чиновниками, а не общественниками, хотя определенную культуртрегерскую миссию они всё же выполняли. К элементам гражданского общества с полным правом можно причислить руководительниц частных женских гимназий, которые прилагали много сил для выживания и успешной деятельности этих учебных заведений в непростой обстановке рыночных отношений.

Примечания

¹ *Ефремов Д. Д.* Краткий отчет за 25-летие существования Иваново-Вознесенского реального училища (1873—1898). Иваново-Вознесенск, 1898. С. 37, 40—48.

² Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 24.

³ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

⁴ *Ефремов Д. Д.* Указ. соч. С. 43, 47, 49.

⁵ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

⁶ *Васюков С. И.* Былые дни и годы // Исторический вестник. 1908. Т. 111. С. 123—124.

⁷ *Ефремов Д. Д.* Указ. соч. С. 40—41.

⁸ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 85. Л. 224, 316.

¹⁰ Там же. Л. 1—5, 335.

¹¹ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 34. Л. 17; Ф. 33. Оп. 1. Д. 447. Л. 16.

- ¹² Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 85. Л. 2—4, 316 ; Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 19.
- ¹³ Там же. Ф. 211. Оп. 1. Д. 181. Л. 242 ; Д. 447. Л. 45.
- ¹⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 85. Л. 224 ; Д. 447. Л. 73 ; Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.
- ¹⁵ *Ефремов Д. Д.* Указ. соч. С. 41, 49 ; ГАИО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 181. Л. 98.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 20. Л. 47 ; Д. 85. Л. 224.
- ¹⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.
- ¹⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 447. Л. 73.
- ¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 47, 55 ; Д. 447. Л. 73.
- ²⁰ Там же. Д. 85. Л. 224.
- ²¹ Там же. Л. 1—2, 56, 58.
- ²² Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 19.
- ²³ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 447. Л. 17, 27, 35 ; *Тихомиров А. М.* Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново, 2011. С. 107.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2, 13.
- ²⁵ *Сперанский Д.* Слово на погребении начальницы Иваново-Вознесенской женской гимназии Ольги Федоровны Киселевой 12 января 1903 года. Иваново-Вознесенск, 2003. С. 5.
- ²⁶ Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурьлина. Ф. 48. Оп. 13. Д. 83542/6.
- ²⁷ *Сперанский Д.* Указ. соч. С. 2—5 ; Владимирская газета. 1903. 15 янв.
- ²⁸ Иваново-Вознесенск. 1917. 6 (18) мая.
- ²⁹ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 24.
- ³⁰ Иваново-Вознесенск. 1917. 6 (18) мая.
- ³¹ Там же.
- ³² ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 24.
- ³³ Иваново-Вознесенск. 1917. 6 (18) мая.
- ³⁴ Цит. по: *Таганов Л. Н.* «Прости мою ночную душу...». Иваново, 1993. С. 26.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 665. Л. 1—2.
- ³⁸ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 115.
- ³⁹ Там же ; ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5397. Л. 1, 4.
- ⁴⁰ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного земского собрания 1914 г. С. 115.
- ⁴¹ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного земского собрания 1913 г. Шуя, 1914. С. 107.
- ⁴² Там же. С. 108 ; Журналы и доклады чрезвычайного и очередного земского собрания 1914 г. С. 112, 114.
- ⁴³ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5390. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же.

Ю. Г. Салова

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ЯРОСЛАВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-х ГОДОВ

Деятельность отечественных музеев в 1930-е гг. весьма слабо представлена в исследовательской литературе¹, лишь в XXI веке стали появляться немногочисленные региональные работы, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с позицией музейной интеллигенции в деле сохранения культурного наследия регионов и с кадровыми изменениями в музеях в этот период². В то же время, введение в научный оборот ранее засекреченных архивных документов позволяет по-новому взглянуть на внутримузейные конфликты и противостояния, часто определявшие все направления работы музея.

Поиск «врагов народа» для музеев стал актуальным задолго до массовых арестов второй половины 30-х гг. Особенно заметно это проявилось в региональных музеях, тесно связанных с краеведческим движением³. Первый музейный съезд стал важным этапом на пути кадровых чисток, поскольку именно на нем прозвучали знаменитые слова о том, что музей не только место «для хлама предметов», но и место «для хлама людского»⁴. Очевидно, что такое определение относилось, прежде всего, к старой интеллигенции, представители которой составляли основу штата музеев, особенно провинциальных.

Для Ярославского краеведческого музея кадровый вопрос наряду с реорганизацией отделов в свете таких установок становился одним из самых актуальных. К этому моменту в музее работали представители старой дореволюционной интеллигенции Н. Г. Первухин, И. А. Тихомиров, А. И. Малыгин, В. А. Перцев,

---

© Салова Ю. Г., 2017

Салова Юлия Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. yugs58@gmail.com

А. Е. Богданович, Н. В. Кузнецов⁵. Будучи людьми аполитичными, они видели своей задачей не пропаганду новой идеологии, а продолжение традиций музейного просветительства. Именно этим объясняется их активная работа в краеведческих организациях, взаимодействие с учебными заведениями. Участие в краеведческом движении стало для большинства музейных сотрудников причиной привлечения по делу Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества, сфабрикованному на рубеже 20—30-х гг.

К началу 30-х гг. из числа старых специалистов в музее остался только Николай Васильевич Кузнецов. В 1930 г. он был назначен заведующим отделом природы. В силу специфики отдела, в меньшей степени связанного с задачами идеологического воспитания, Н. В. Кузнецов фактически продолжил то направление, которое сформировалось еще до революции — работа с подрастающим поколением. Безусловно, он руководствовался поступавшими директивами, но наполнял их конкретным, интересующим детей материалом⁶.

С 1935 г. при музее стали организовываться школьные кружки юных краеведов. Как отмечал сам Кузнецов, это делалось для «создания из них актива друзей музея»⁷. В 1937 г. при музее была открыта школьная комната, работавшая по трем направлениям: геология, зоология, ботаника. К этому времени в отделе работали 3 сотрудника, проводившие занятия с детьми. Н. В. Кузнецов для расширения экскурсионной и практической работы привлек к сотрудничеству с музеем детскую туристско-экскурсионную станцию. При ее участии организовывались экспедиции. Одной из первых стала экспедиция в Молого-Шекстнинское междуречье, где совместно с сотрудниками музея школьники проводили фиксацию района, подлежащего затоплению⁸. Кроме того, под руководством заведующего отделом и его сотрудников устраивались выставки, проводилась лекционная работа по охране природы. С 1939 г. начал работать энтомологический кружок и стали проводиться совместные занятия с юннатами Ярославской биостанции. Для школьных учителей-биологов были организованы специальные семинары⁹. Большая часть работы заведующего отделом проходила в экспедициях, что избавляло его от участия в многочисленных собраниях и «проработках» неугодных новой власти сотрудников.

В начале 1931 г. в Ярославль из Ленинграда был выслан М. В. Фармаковский¹⁰. В 1933 г. он разработал для музея план создания раздела, посвященного капитализму. Этот план обсуждался на совете музея, рекомендовавшем внести в него исправления. Но проверочная комиссия, организованная горкомом ВКП (б), не приняла предложений, признала план контрреволюционным, поэтому экспозиция так и не была построена. Фармаковского обвиняли и в том, что он написал для экспозиции еще и картину с контрреволюционным лозунгом. Вероятно, это и послужило поводом для снятия с должности директора музея А. Я. Громова.

Период активного обновления кадров пришелся на 1930—1934 гг. Очевидно, что оно проходило под лозунгом «пролетаризации кадров». К 1934 г. из 40 сотрудников музея только один был из дворянской среды и трое — детьми служителей культа. Большую часть коллектива составляли выходцы из крестьян и рабочих — 26 человек. Причем только трое из них были членами партии¹¹. К концу 30-х гг. эта «нетерпимая» ситуация заметно изменилась. Партгруппа музея насчитывала уже 9 членов и 2 кандидатов в члены ВКП (б)¹².

Своеобразным явлением, судя по кадровым документам, стало самовыдвижение 2—3 человек так называемых «сочувствующих». Они постоянно участвовали в партсобраниях. Объясняется это, вероятно, тем, что слишком малочисленная партгруппа должна была привлекать на свою сторону в реализации необходимых руководству решений как можно больше сторонников. Один из таких сотрудников в своем заявлении писал: «...считаю, что принятие меня в сочувствующие даст мне возможность под руководством партийной организации активнее участвовать в деле нашего строительства, изжить ряд личных недостатков (недостаточная дисциплинированность и упорство в работе и т. д.)...»¹³ В феврале 1936 г. было принято решение о создании политкружка для работы с сочувствующими.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что практически каждая сторона жизни музея стояла в повестке дня партийных собраний. Особенно это касалось идеологического влияния на коллектив. Регулярно обсуждались выступления партийных руководителей на различных встречах, конференциях, пленумах и съездах. На партсобраниях, которые проводились

и в открытом режиме с присутствием коллектива, «прорабатывались» партийные решения, печатавшиеся в газетах, выступления руководителей партии. Практически постоянно в центре внимания была кадровая политика.

Весной 1936 г. на партсобрании был поставлен вопрос о том, что музей «засорен» и ему нужно «очиститься от ряда элементов и увеличить парт-комсомольскую прослойку». Директору рекомендовали «принять меры к замене ненужных нам работников так, чтобы это не носило характера чистки»¹⁴. Фактически это был первый шаг к тому, чтобы начать поиски врагов народа в собственном коллективе. Именно члены партгруппы отмечали, что к началу 30-х гг. в музее работали «реакционеры» Первухин и Перцев, а в естественном отделе «приютилась группа вредителей». И хотя на партсобрании отмечалось, что директор М. А. Иосман, занимавший эту должность с 1931 по 1933 г., «активно поработал, чтобы они отправились куда следует»¹⁵, впоследствии именно он был обвинен в попустительстве их деятельности.

Кадровый вопрос директора решали разными способами, в том числе обращались в Москву для направления специалистов с высшим образованием. Но, как отмечали сами сотрудники, «присылали нам студентов I курса, исключенных за неуспеваемость»¹⁶. Единственным новым сотрудником с соответствующим образованием, принятым на работу, стала А. А. Алехина. Она закончила музейно-краеведческое отделение Ленинградского историко-лингвистического института и имела квалификацию «музейный работник-искусствовед». Но это не спасло ее от обвинений. Подавая заявление в «сочувствующие», она была уличена в том, что скрывала свое истинное социальное происхождение — дочь торговца.

Заметную активность в «чистке» музея проявлял на партсобраниях А. П. Кузьмин. Заняв пост директора, он сразу же обвинил коллектив в притуплении бдительности, а себя стал позиционировать как главного борца с теми, кто «систематически выступает против решений партии, против решений правительства» в качестве дезорганизаторов и оппортунистов. В коллективе он сразу же «выявил девять человек чуждого элемента»¹⁷.

К категории чуждых элементов он отнес как научных сотрудников Н. Н. Забека, А. А. Алехину, С. С. Геммельмана,

Н. А. Соколова, так и технических служащих Л. А. Покровскую, Л. А. Мальцеву, Н. Г. Лапкина. Их обвинили в том, что они либо скрыли свое социальное происхождение, либо имели опыт «общения» с НКВД¹⁸.

Так, С. С. Геммельмана, единственного выходца из дворянского сословия, уличили в том, что он был городским головой г. Переславля-Залесского, а затем занимался торговлей. Ему поставили в вину выступление против социалистических форм труда и стахановских методов работы, их неприменимости в условиях музея. Из музея он был уволен.

Некоторых сотрудников уволили за то, что они происходили из семей духовенства. Смотрительница Л. А. Мальцева, например, при проверке оказалась дочерью и женой крупных торговцев, а ее дочь после белогвардейского мятежа 1918 г. вместе с мужем-белогвардейцем эмигрировала в Польшу. Матери предъявили обвинение в том, что она «имела связь с границей, откуда получала доллары»¹⁹, кроме того, еще и вышла замуж за бывшего торговца.

Столяр Н. Г. Лапкин уличался в том, что он, будучи красноармейцем, отбывал трехлетнее заключение за антисоветские лозунги, написанные им на стенах казармы, а до этого его «исключили из членов ВЛКСМ за троцкистское выступление». Н. Н. Забек был административно высланным на три года, он поместил в стенгазете антисоветскую карикатуру с лозунгом «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»²⁰.

Жесткая позиция директора по выявлению «чуждых элементов» поддерживалась партгруппой. Ее возглавляла Л. В. Садилова, занимавшая должность библиотекаря. На одном из партсобраний она четко обозначила свою позицию по поводу избавления музея от «засоренности»: «...я теперь приветствую начинания т. Кузьмина и помогу ему»²¹. Такая зависимость от директора не оставалась незамеченной сотрудниками, отмечавшими, что ее отчеты «наполнены мыслями Кузьмина». В 1937 г. на посту парторга Садилову сменил Ковалев.

Как следует из протоколов партсобраний, оказали «сопротивление чистке кадров» только С. Н. Рейпольский и А. А. Романычева. Именно благодаря их участию при увольнении Покровской и Алехиной были даны хорошие характеристики.

Много усилий директор приложил для выявления их «проступков». Видимо, для него было принципиальным избавление от старейших и опытных сотрудников, которые отмечали некомпетентность руководства в вопросах музейной работы. В своих претензиях он постоянно ссылался на выступления товарища Сталина, постановления ЦК ВКП (б) и ряд директивных статей в «Правде». Весной 1937 г. директор уличил «критиков» в «разлагательской работе», что явно грозило им обвинением во вредительстве и арестом. Спасло только то, что сам Кузьмин был арестован в июне 1937 г.

Частью кадровой работы стали самоотчеты, прежде всего коммунистов. Такие мероприятия играли очень важную роль в назначении на руководящие должности и увольнении сотрудников. Поскольку коммунистами были все директора музея, то их выступления воспринимались коллективом как руководство к действию. Любое негативное суждение о сотруднике или отделе, в котором он работал, становилось поводом для критики, выявления недостатков, призывов к бдительности и обвинений в скрытом или явном вредительстве.

Так, А. П. Кузьмин, проработав в музее около полугода и плохо представляя суть музейной деятельности, в своем самоотчете подверг резкой критике работу отдела социалистического строительства. Он отметил, что экспозиция отдела политически невыдержанна, поскольку не отражена борьба за диктатуру пролетариата, «зато годы неурожая, засухи и голода были показаны антисоветски. Показали хлеб из различных суррогатов, а рядом вооруженный и изнеможенный рабочий...»²². Заслуживает внимания следующее суждение: «Возьмите I и II пятилетки, экспозиция которых была построена в карикатурном виде. Я уже не говорю о том, что промышленность была представлена в виде складов утильсырья. Разве можно было оставлять отдел, в котором была антисоветская пропаганда и издевательство...»²³

Проблема руководства этим отделом оставалась актуальной на протяжении 1930-х гг. Необходимость постоянно заниматься политическими аспектами соцстроительства делала должность заведующего весьма опасной. Любые просчеты в отборе материалов для коллекций и, тем более, в построении экспозиции грозили обвинением в «идеологическом вредительстве». Наиболее

приемлемым кандидатом на этот пост всегда считался член партии. Но в условиях нагнетания «классовой бдительности» найти такого долгое время не представлялось возможным.

Сначала эту должность занимал Н. В. Трофимов. Его социальное происхождение соответствовало требованиям, поскольку он был выходцем из рабочей среды. Подчинение музея отделу народного образования приводило к тому, что сотрудники перемещались по его усмотрению. Так произошло и с Трофимовым, который был переведен на преподавательскую работу. Должность эту в начале 1936 г. занял Н. В. Червуков, выпускник педагогического института. Обсуждая его кандидатуру, партгруппа отмечала, что ближайшей для него задачей станет отражение в отделе стахановского движения. Но и новый заведующий недолго продержался, поскольку был переведен ГорОНО на педагогическую работу, не известившим, как отмечали на партсобрании, даже администрацию музея²⁴. В новых условиях обновления коллектива было решено просить райком и горком партии рекомендовать на эту должность члена партии.

Не менее критично А. П. Кузьмин отозвался и о других отделах. В историко-революционном он обнаружил «целый ряд политических извращений», отказ от использования материалов из выступлений и работ Ленина, Сталина, Кагановича²⁵.

Особое негодование Кузьмина вызывал заведующий библиотекой, который его активно критиковал. Ф. Ф. Грищенко был уличен в том, что он безответственно относился к обязанностям по изданию стенной газеты в музее. Директор отмечал, что газета «не развернула критики грубейших политических ошибок в отделе соцстроительства... не подвергла критике экспозиции историко-революционного отдела... не направила своего острия против классовых врагов, орудующих в музее... не разоблачила классового врага, выступавшего открыто против социалистических форм труда...»²⁶. После таких обвинений Грищенко вынужден был публично раскаиваться, и даже в том, что до поступления на работу в музей он был плохим директором школы. В 1937 г. Кузьмин публично характеризовал его как троцкиста²⁷.

Ф. Ф. Грищенко обвинялся и в том, что оказывал сопротивление в части приведения библиотеки в порядок. После такой «критики» Грищенко уже не мог отмалчиваться. В последовавшем

вслед за этим самоотчете он уже усиленно раскаивался и оправдывался, заявляя, что до 1929 г. «музей являлся поповским». Его задача состояла в чистке читательского состава библиотеки. Он пытался даже признаваться в своем оппортунизме, выразившемся в недостаточной бдительности по отношению к «чуждым элементам», признавался в том, что он плохой организатор и руководитель стенной газеты. Но и это его не спасло, он был обвинен в троцкизме и уволен.

Картинная галерея, по мнению директора, также была насыщена «многими картинами формалистического, футуристического и другого порядка». Такие «идеологические обвинения» не могли не сказаться на дальнейшей судьбе сотрудников. Обращает на себя внимание тот факт, что каждый из отчитывающихся стремился провести мысль о развале музея его предшественниками.

К 1937 г. в музее постоянно не хватало сотрудников. Долго оставались вакантными должности заведующего и научного сотрудника исторического отдела, сотрудников отдела соцстроительства, библиотеки. Помимо текучести кадров из-за перемещений, важным фактором становилась и зарплата. На собраниях часто отмечалось, что она ниже в два раза, чем в школах и других учреждениях города²⁸. Парторг констатировала, что из-за зарплаты планируют уйти из музея еще несколько сотрудников. Но, вероятно, что в середине 1936 г. эта причина не была главной.

В 1937 г. на собрании в музее уже отмечалось, что «в Ярославле врагов много. Есть они и в музее, нужно лишь изучить людей и быть бдительными. Для более лучшего и быстрейшего распознавания и разоблачения врага... крайне необходимо систематически повышать свой идейно-политический уровень...»²⁹. Такие призывы многие сотрудники взяли на вооружение. Всеобщая подозрительность приводила к ослаблению собственно музейной работы. Каждый боялся ошибиться в трактовке любого исторического факта при создании экспозиций и выставок, в лекционной и научной работе.

Репрессии, начавшиеся в 1937 г. среди партийного руководства города, повлекли за собой новую волну чисток в музее. На очередном партсобрании отмечалось то обстоятельство, что «музей был засорен, партгруппа срослась с торговцами, административно-высланными и пр., воспитание молодых работников

протекало в духе гнилого либерализма, никого ни из райкома, ни из горкома это не интересовало и не беспокоило. Вот почему в музее могли безнаказанно орудовать враждебно-классовые элементы»³⁰. К таким элементам был отнесен и мало что успевший сделать в профессиональном плане А. П. Кузьмин. Его арест вызвал целый ряд обсуждений положения музея, как на общих собраниях коллектива, так и на партсобраниях. Теперь уже его называли «маскирующимся врагом из лагеря троцкистов-вредителей». Сотрудники стали подавать в парторганизацию записки, в которых излагались факты о «вредительстве» Кузьмина. Его обвиняли в увольнении членов партии из музеев области³¹, сокрытии троцкизма в музеях, в пересказе антисоветских анекдотов.

Новым директором был временно назначен Коркин, а затем В. М. Ковалев³², усмотревший в деятельности своего предшественника «не что иное, как маскирующегося врага из лагеря троцкистов-вредителей... В музее, после того как взяли Кузьмина, сотрудники подают мне записки, в которых говорится о явном вредительстве Кузьмина...»³³. Партгруппа уже не доверяет сотрудникам музея и требует от городской парторганизации «присылки товарищей для проверки отделов музея, в части расположения материалов, цитат, исторической последовательности и пр.»³⁴.

Создание антирелигиозного музея изменило кадровую ситуацию. Руководить им стал Ковалев, а его место в краеведческом музее занял В. В. Катков. К этому времени из специалистов, начинавших свою работу в дореволюционные годы, уже никого не осталось. Весьма показательны выступления новых сотрудников на общих собраниях музея. В резолюциях таких собраний обновленный «от мусора людского» коллектив заверял партию и правительство, что «мы будем стараться быть еще более бдительными на всех постах и участках... работы в музее и вне его. Теснее сплотимся вокруг нашей партии и советской власти и будем беречь их от всяких чуждых людей»³⁵.

В 1938 г. из 15 научных сотрудников только двое — директор и его заместитель были членами партии, а двое сотрудников — кандидатами в члены ВКП (б), 8 имели высшее образование, остальные — среднее, в том числе и директор В. В. Катков. Самому молодому сотруднику было 30 лет, а самому старшему 62 года. Средний возраст — 41 год. Из всех сотрудников только Н. В. Кузнецов имел

стаж работы 16 лет. По 10 лет отработали в музее заведующий историческим отделом С. Н. Рейпольский и экскурсовод Л. М. Федоров. Одна сотрудница имела стаж — 8, двое — 7 лет³⁶.

Стаж работы остальных девяти сотрудников колебался от одного года до двух лет, таким образом, все они были приняты в музей в 1937—1938 гг. — период активной «кадровой чистки». Не имея профессиональных навыков, они не могли включаться в работу и проявлять хотя бы минимальную инициативу. О качестве работы, профессионализме новых кадров говорить не приходилось. Задача руководства сводилась к тому, чтобы хоть как-то повысить их уровень. В течение 1939 г. трое музейных сотрудников были отправлены на трехмесячные курсы при Наркомпросе и двое проходили практикум в центральных музеях.

Профессиональное обучение осуществлялось также через лекции и передачу практического опыта приглашаемыми работниками центральных музеев. Так, сотрудники Исторического музея Н. Р. Левинсон и Я. И. Якунина помогали осваивать методику атрибуции металлических предметов и тканей, сотрудники Института материальной культуры П. Н. Третьяков и Я. В. Станкевич — археологического материала, сотрудник Московского зоологического музея С. С. Туров помогал проводить работу с зоологическими коллекциями³⁷.

Руководителями отделов назначались лица из числа научных сотрудников, получивших уже некоторый опыт работы, поскольку систематической профессиональной подготовки музейных кадров в региональных вузах не велось. В 1939 г. на должность заведующего отделом социалистического строительства была назначена В. М. Выморкова, а литературным филиалом К. Н. Исаева³⁸.

К концу 1930-х гг. повышение квалификации персонала осуществлялось только через посещение музеев Москвы и Ленинграда, где сотрудники осваивали формы и методы работы. Практиковалось и посещение Всесоюзной сельскохозяйственной выставки для знакомства с практикой социалистического строительства, что было важно для налаживания работы соответствующего отдела. Командировки были краткосрочными — от 3 до 10 дней. За такое короткое время приобрести навыки работы было очень трудно, но других вариантов получить информацию о новых тенденциях в музейном деле для провинциальных музейщиков не было.

Подводя итоги работы с кадрами в 1939 г., директор отмечал весьма оптимистично, что «из 17 руководящих и научных работников музея 11 человек пришли работать в музей за последние два года... на более ответственную работу (экскурсоводы, зав. мастерской и т. д.) выдвинуто 6 товарищей»³⁹. Летом 1939 г. музей обследовала комиссия обкома партии, наметившая новые задачи, в частности такую, как «превратить музей в могучее оружие пропаганды марксизма-ленинизма»⁴⁰. Эту задачу решал уже обновленный коллектив, в котором члены партии стали играть решающую роль. Просветительские идеи старой музейной интеллигенции уже некому было развивать и поддерживать.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Ионова О. В.* Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ музееведения. М., 1961. Вып. 2. С. 140—145; *Закс А. Б.* Источники по истории музейного дела в СССР // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. 6; *Радченко Е. С.* Исторический краеведческий музей // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 177—244; *Ушаков А. В.* Краеведческая работа музеев (1917—1940) // Музейное дело в СССР. М., 1974. С. 5—54, 164—177; *Кузина Г. А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 96—172; и др.
- ² См., напр.: *Рубан Н. И.* Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920—1930-е гг.). Хабаровск, 2002; *Комоско О. Я.* Деятельность музеев в годы репрессий. URL: <http://геоамур.рф/sources/reprerssion> (дата обращения: 30.03.16); и др.
- ³ *Салова Ю. Г.* Ярославский краеведческий музей в 1930-е годы: (по материалам протоколов партсобраний) // XIV Тихомировские краеведческие чтения: материалы науч. конф. Ярославль, 2014. С. 323—334; *Рязанцев Н. П.* «Для них 1937-й наступил в 1929-м...» // Не предать забвению: книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль, 2015. Т. 9. С. 26—47; *Никитина Ю. Я., Яновская Е. В.* Михаил Иванович Смирнов // Не предать забвению. С. 17—25; и др.
- ⁴ Труды I Всероссийского музейного съезда. М., 1931. С. 21.
- ⁵ См.: *Пиширков Ю. С.* А. Е. Богданович. Минск, 1966; *Черняева Н. А.* Выдающийся краевед // Краеведческие записки. Ярославль, 1984.

- Вып. 5—6. С. 54—57 ; *Дубов И. В.* Роль И. А. Тихомирова в археологическом изучении Ярославского Поволжья // Краеведческие записки. Ярославль. 1991. Вып. 7. С. 31—46 ; *Рутман Т. А.* Н. Г. Первухин — исследователь культуры Ярославского края // Краеведческие записки. Вып. 7. С. 57—64 ; *Рязанцев Н. П.* «Тип культурного добровольца...» (Н. Г. Первухин и музейное дело в Ярославском крае в послереволюционные годы) // Социальная история российской провинции : материалы Всерос. науч. конф. Ярославль, 2006. С. 134—140.
- ⁶ Важным фактором развертывания работы со школой стало постановление ЦК ВКП (б) 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором рекомендовалось вводить в учебные программы элементы краеведения, использовать экскурсии. См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док., 1917—1973. М., 1974. С. 161—164.
- ⁷ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. 1400. Оп. 1. Д. 120. Л. 34.
- ⁸ В рамках создания новой энергетической базы и увеличения использования водных ресурсов страны СНК СССР и ЦК ВКП (б) 23 марта 1932 г. было принято постановление «О строительстве электростанций на Волге».
- ⁹ ГАЯО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 120. Л. 37.
- ¹⁰ Мстислав Владимирович Фармаковский — искусствовед, специалист в области материальной культуры. В начале 30-х гг. организовал историко-бытовой отдел в Государственном Русском музее. Разработал принципы создания бытового комплекса на экспозиции. В 1935 г. написал о музее статью: *Фармаковский М. В.* Краеведческий музей в Ярославле // Советский музей. 1935. № 2. С. 76—83.
- ¹¹ ГАЯО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 70. Л. 139 об. Образовательный уровень научных сотрудников и экскурсоводов соответствовал занимаемым ими должностям. Практически все они имели высшее образование, но директор музея А. Я. Громов указывал в отчетах в графе образование — «самообразование», что, вероятно, соответствовало уровню начальной школы.
- ¹² ГАЯО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 132. Л. 53.
- ¹³ Центр документов новейшей истории Ярославской области (далее — ЦДНИ ЯО). Ф. 1158. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 25 об.

- ¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 24 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 23.
- ²⁰ Там же. Л. 25.
- ²¹ Там же. Л. 9 об.
- ²² Там же. Д. 1. Л. 22.
- ²³ Там же. Д. 3. Л. 9—10.
- ²⁴ Там же. Д. 1. Л. 3 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 26.
- ²⁷ Там же. Д. 3. Л. 5—11. После февральского пленума ЦК ВКП (б) и речи Жданова о повышении революционной бдительности, исключения из партии Бухарина и Рыкова, последовали аресты руководителей Ярославского горкома партии. Эти события повлияли и на обстановку в музее, где всё более нагнеталась атмосфера подозрительности и поиски врагов народа.
- ²⁸ ЦДНИ ЯО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Д. 3. Л. 24.
- ³⁰ Там же. Л. 9.
- ³¹ Все районные музеи подчинялись краеведческому музею, поэтому его директор контролировал сотрудников, закрывал экспозиции, оказывал методическую и финансовую помощь.
- ³² В. М. Ковалев был организатором областного Союза воинствующих безбожников.
- ³³ ЦДНИ ЯО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 41.
- ³⁴ Там же. Л. 62.
- ³⁵ Там же. Л. 53.
- ³⁶ ГАЯО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 131. Л. 30.
- ³⁷ Там же. Л. 17.
- ³⁸ Там же. Л. 18.
- ³⁹ Там же. Д. 132. Л. 53.
- ⁴⁰ ЦДНИ ЯО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 5. Л. 32 об. — 33.

В. А. Порозов

«КАДРОВЫЕ ВОПРОСЫ» В СРЕДЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

Рассматриваемый в данном контексте подрегион Западного Урала — это территория, входящая в европейскую часть «опорного края державы», Предуралья, Прикамья. Его составляют Пермский край (с 1940 по 1957 г. — Молотовская область с Коми-Пермяцким национальным округом) и Удмуртия. По переписи 1939 г. (на 17 января), на этой территории (202,8 тыс. кв. км) проживало 3 млн 310 тыс. человек, в том числе в городах — 1 млн 149 тыс. жителей. Процент городского населения составлял в Пермской области 39,7, в Удмуртской АССР — 26,2, по региону — 34,7 (при 34 % в целом по РСФСР). Показатели Коми-Пермяцкого округа не имеют в данном исследовании принципиального значения, так как на его территории расположен единственный город — административный центр Кудымкар (в 1959 г. — 21,8 тыс. чел.)¹.

Крупнейшими городами региона являлись областной центр Пермь (в 1940—1957 гг. — Молотов) — в 1959 г. 637,2 тыс. жителей, столица Удмуртской АССР Ижевск — 285,3 тыс. и имевшие к концу 1950-х гг. более 100 тыс. жителей Березники, Губаха, Кизел, Чусовой. В дальнейшем «стотысячниками» стали Воткинск, Глазов, Лысьва, Сарапул². В целом для первых послевоенных лет характерно сокращение общей численности населения: так, в Удмуртии довоенное число постоянных жителей восстановилось лишь к середине 1950-х гг.³ Довоенные показатели населения городов для военных и послевоенных лет для второй половины 1940-х гг. также не характерны: точные, чрезвычайно динамичные данные этого периода отсутствуют.

© Порозов В. А., 2017

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. porozov_va@perm.ru

Край представлял собой одну из основных баз тяжелой индустрии страны, прежде всего металлургии и машиностроения. В годы Великой Отечественной войны вместе со всей страной уральцы проявили массовый героизм, как на полях сражений, так и в небывалой битве за металл и оружие, топливо и сырье, хлеб и культуру. В число гигантов уральской промышленности, и обобщенной прежде всего, следует включить западноуральские легендарные, с дореволюционной славой, Ижмаш, Ижсталь, Мотовилиху (Пермский машиностроительный завод, именовавшийся в досоветские времена пушечным), Воткинский машиностроительный завод, созданные в годы первых пятилеток Пермский моторостроительный завод (производство авиадвигателей), химические предприятия Березников и Соликамска. В начальный период Отечественной войны срочно были построены уникальный по мощности и масштабам Пермский пороховой завод (известный в дальнейшем как научно-производственное объединение им. С. М. Кирова), Соликамская ТЭЦ. В 1941—1942 гг. в Пермскую область были эвакуированы более 120 предприятий, в Удмуртскую АССР — 40⁴. Эти предприятия в сжатые сроки восстановились и значительно превзошли довоенные объемы производства.

С пермскими моторами летали истребители Ла-5 и Ла-7, бомбардировщики Ту-2 и Пе-8, штурмовики Су-2. Машиностроительный завод в Мотовилихе (рабочий поселок, центр Мотовилихинского района г. Перми) произвел не менее четверти всех пушек, выпущенных в стране за годы войны. Каждую десятую пушку дал город Воткинск. Героически трудились угольщики Кизеловского бассейна, нефтяники. Ижевск выпустил за период войны 231 440 пулеметов, 131 310 противотанковых ружей, сотни тысяч единиц другого стрелкового оружия⁵. Наркомат вооружений и боеприпасов и наркомат угольной промышленности СССР в 1941—1943 гг. находились в городе Перми.

Всё это еще более усилило мощь Урала, сделало его основным поставщиком промышленной продукции, изготовление которой в крае к концу войны в 3,6 раза превысило уровень 1940 г. На Урале сосредоточилось более трети советского машиностроения и металлообработки, 58 % чугуна и свыше 50 % стали, 100 % ряда легких и цветных металлов, более 17 % союзной добычи угля, 28,3 % выработанной электроэнергии⁶.

Организация строительства, реконструкции, перепрофилирования масштабных производств немыслима без самоотверженной, многоплановой, творческой работы интеллигенции: инженерно-технической, научной, управленческой. В сложнейших условиях решали задачи поддержания приемлемого, хотя бы для экстремальных условий военного времени, цивилизованного уровня жизни населения представители юридической, педагогической, художественно-творческой интеллигенции. При этом нужно учесть наличие трех важнейших составляющих данного социального слоя в плане его появления и формирования в регионе.

Во-первых, это коренная интеллигенция, сложившаяся на уральских горных заводах в дореволюционный период: местная «крепостная» интеллигенция; дворянская и разночинская интеллигенция центральной России, прибывшая для работы или «поправки» своего финансового положения; «ссылная» интеллигенция — как правило, за участие в революционном движении. Во всех категориях выделялась зачастую инородческая интеллигенция, квалифицируемая по национальному признаку — формировавшаяся знать и мусульманское духовенство местных народов, поляки, немцы, евреи и т. п.

Во-вторых, «новая интеллигенция» советских лет периода индустриализации, первых, довоенных, пятилеток, которая опять же формировалась как выходцы из «нижних чинов» местного населения дореволюционных лет, ставших выпускниками местных и центральных вузов и техникумов; выпускники различных учебных заведений страны, приехавшие с целью индустриального освоения известных богатств края; направленные правительственными органами партийные и советские работники, деятели науки и культуры.

В-третьих, опять же, представители ссыльного — лагерного и спецпереселенческого контингента, попавшие в маховик сталинских репрессий.

Наконец, в-четвертых, это волна эвакуированных в военные годы. Анализ каждого из этих компонентов выходит за рамки данного исследования, но воздействие на дальнейшее развитие региона прибывших сюда в годы Великой Отечественной войны

ученых, инженеров и техников, деятелей художественной культуры было огромным.

Прибывшими вместе со своими предприятиями, организациями, учреждениями, вывезенными с оказавшихся под угрозой оккупации территорий, из блокадного Ленинграда, из столицы на Урале оказались несколько миллионов человек. Все они были приняты и трудоустроены. В регион эвакуировалось более 420 тыс. человек⁷. Города края в годы войны заметно выросли, в частности Воткинск и Сарапул в Удмуртии, численность населения которых достигла соответственно 50 и 40 тыс. человек⁸.

В уральской провинции жили и творили в течение нескольких лет деятели столичной культуры. В Ижевск, столицу Удмуртии, эвакуировалось МВТУ (институт) им. Баумана, в Молотов — Ленинградский военно-инженерный институт, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова. В Перми—Молотове работали композиторы С. С. Прокофьев, А. И. Хачатурян, писатели В. А. Каверин, В. Ф. Панова, И. С. Соколов-Микитов, Ю. Н. Тынянов, художники Б. В. Иогансон, Г. Г. Рязжский, шахматист М. М. Ботвинник, давали концерты Э. Г. Гилельс, Д. Ф. Ойстрах, Г. Г. Нейгауз.

Воздействие таких контактов — зачастую «вынужденных» для приезжавших, но чрезвычайно плодотворно влиявших на местную региональную культуру — огромно, и его трудно переоценить. Оценки эти не раз давались историками, культурологами, работниками культуры, общественными деятелями, подчеркивавшими, что «элитный» уровень культуры столиц стал доступен городам, считавшимся до войны глухой провинцией. Однако в этом контексте речь идет, как правило, о корифеях отечественной культуры, чьи имена и результаты деятельности общеизвестны. Однако среди тысяч новоприбывших было немало людей, которые либо делали свое дело скромно и незаметно, либо по каким-то причинам не вписывались в систему, обеспечивавшую необходимые для попадания в подобные списки звания, награды и официальное прижизненное признание заслуг. Вместе с тем они вносили в провинциальную жизнь те свойства интеллигентности, без которых, может быть, невозможно ни воспроизводство этого специфического социального слоя, ни его дальнейшее развитие.

Роль западноуральских городов в экономике и культуре страны была так велика, а «внешний вид» даже областного и республиканского центров был так жалок, что правительство, напрягавшее все силы, сосредоточивавшее все средства на решении военных задач, сочло возможным разрешить в трудные военные годы строительство таких заметных для своего времени учреждений культуры, как Дом офицеров в Перми и здание стационарного цирка в Ижевске.

Но вот пришла долгожданная Победа, и тут встали вполне уместные вопросы. Первый — житейского плана: оставаться ли на данном спартанском положении с военными условиями производства, предельно «уплотненным» домашним метражом, суровым климатом и неразвитой инфраструктурой или вернуться в сказочные города детства, являвшиеся к тому же и привилегированными столицами, — Москву, Ленинград, Киев или Баку? И второй вопрос, вначале, может быть, задаваемый нечасто: что стоит за приведенными выше грандиозными индустриальными показателями? Ведь танки, пушки и пулеметы — а порой кроме них не производилось вообще ничего — вряд ли могут быть основой нормальной жизни нормального города, а может быть, и «нормального» общества. Условия же, в которых приходилось жить и работать, были зачастую ужасны⁹.

Соответственно условиям вели себя и многие «интеллигент»: антипедагогическое воздействие учителей на учащихся, бездушное отношение врачей к пациентам, обворовывание воспитанников детских домов, элементарная безграмотность и отсутствие работы по самообразованию были явлениями если не типичными, то весьма обыденными. Во многом это объяснялось низким образовательным и квалификационным уровнем и власти, и интеллигенции. Из 2,5 тысяч всевозможных руководителей областного центра, входящих в номенклатуру горкомов и райкомов правящей партии в 1947 г., высшее образование имели лишь 30 %, среднее — 31 %, а 17 % (более 400 человек) окончили лишь начальную школу¹⁰.

Давно уже признано, что всё это объяснялось существенными причинами возникновения самого сталинизма как исторического явления. В этих условиях расширялись очередные «трещины» в традиционно декларировавшемся единении интеллигенции

и народа: интеллигенты были вынуждены открыто и беззастенчиво пользоваться «полагающимися льготами», будь то относительно высокий уровень оплаты труда или продукты из спецраспределителей. О духовном единении общества на основе скреп патриотизма сказано и написано немало, но, с другой стороны, разрыв между «элитными» слоями и месяцами не выходящими из цехов «бойцами фронтовых бригад» явно увеличивался. Когда, уже весной 1944 г., командир одной из таких бригад Геннадий Семенов решил-таки сводить своих бойцов-подростков в кино, их не пустили: слишком грязно одеты¹¹. Никто из наслаждавшихся ленинградским балетом и шедеврами кинематографии (а залы были полны!) за них не вступился.

Однако многим казалось, что в мирное время отношение к людям могло бы быть иным. «В гражданских условиях я работаю очень недавно и никак не могу понять, неужели можно допустить, чтобы рабочие и служащие нашего района из-за отсутствия транспорта рожали и гибли на квартирах, а дети их мерзли в холодных яслях», — писал в 1947 г. заведующий Кировским райздравотделом г. Молотова¹². Тем более не хотели мириться с трудностями военной жизни в глухой провинции после окончания войны работники, эвакуированные из столицы. Вот какое коллективное письмо написали служащие из г. Сарапула в апреле 1946 г. на имя «заведующего агитацией и пропагандой при ЦК ВКП (б)» Александрова и секретаря Удмуртского обкома ВКП (б), депутата Верховного Совета СССР от Сарапула Чекинова:

«Мы, работники дважды орденоносного завода им. Орджоникидзе, эвакуированного осенью 1941 года из г. Москвы в г. Сарапул УАССР, обращаемся к Вам с просьбой об улучшении культурно-массовой работы в г. Сарапуле и в частности — о создании лучших условий и возможности пользоваться печатной периодической и художественной литературой. Имеющиеся здесь культурные и зрелищные предприятия наперечет: театр, кинотеатр, городской парткабинет — вот и всё. Театр постоянной труппы не имеет и на длительные периоды бывает закрыт. Кинотеатр работает регулярно, но неразборчиво подает звукооформление, — часто жалеешь о “немых” фильмах. Единственный книжный магазин ни художественной, ни научно-технической литературы

не имеет; торгует куклами и прочими промтоварами. Библиотек в городе, по существу, нет, так как одна единственная книг не имеет и не выдает. Уличные газетные витрины заброшены. Радиостанция или молчит, или невнятно хрипит. Остается — читальный зал городского парткабинета. В годы войны это было единственное место в городе, где можно было прочитать не только свежую газету и периодику, но и “толстый” беллетристический журнал и даже иметь некоторый выбор книг политического и исторического направления. К сожалению, помещение читального зала очень мало и постоянно было переполнено, но с этим обстоятельством приходилось мириться».

Суть письма сарапульской интеллигенции состояла в жалобе на ухудшение работы библиотеки парткабинета в связи со сменой его руководства и в конкретных предложениях по изменению ситуации. Некоторые из аспектов данного письма и содержащихся в нем предложений представляют особый интерес. «“Новое время” и “Британский союзник” в читальный зал не выдаются — вероятно, считается, что здешний контингент для чтения их политически “недосозрел”, — продолжали авторы письма. — Кроме того, как москвичи, мы хотим читать “Московский большевик” и, конечно, “Вечернюю Москву”, а их нет».

Далее подчеркивалось: «Мы, в большинстве своем, люди, жившие всю жизнь в Москве, очень сильно ощущаем свою оторванность от нее, и это положение усугубляется тем, что мы лишены возможности удовлетворять в необходимой степени свои культурные запросы; не можем и не желаем заменять их танцульками или выпивкой, в чем известные тенденции среди отдельных групп здесь имеются, а возможностей для этого уже создано в городе достаточно. Почему же создалось такое положение? Нам думается, что одна из причин заключается в том, что на Сарапул продолжают смотреть как на “уездный заштатный городок”. Люди, кому это полагается знать, не замечают, что за годы революции и, особенно, в военный период времени Сарапул превратился в промышленный город с крупными, эвакуированными и вновь созданными, предприятиями. В городе появились значительные кадры высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, которые имеют повышенную потребность в литературе и проч.».

Письмо лично подписали 39 человек, в том числе пять начальников отделов, семь начальников цехов, шесть начальников КБ и лабораторий, главный механик, парторг технического отдела, конструкторы, инженеры, экономисты, технологи...¹³ Документ был «спущен по инстанциям», дана соответствующая отписка, в которой сказано об успешном развитии культуры в городе, о том, что звуковое сопровождение кинокартин признано вполне приемлемым. О мерах по улучшению работы библиотек и парткабинета не говорилось ни слова¹⁴, тем более о пропагандировавшем западный образ жизни и мыслей «Британском союзнике», попавшем в систему лимитов и сокращений¹⁵.

В справках и постановлениях руководящих органов в этот период систематически в адрес нижестоящих управленцев указывается, что они «не принимали мер по закреплению руководящих кадров, особенно инженерно-технических работников, приехавших по эвакуации»¹⁶. Однако эффективные меры не принимались, в частности, из-за отсутствия средств. Вопрос чаще всего пытались решать административными мерами, отказывая в разрешении на выезд.

В целом в послевоенные годы для региона были характерны отток интеллигенции, ее постоянная «текучесть» и значительное сокращение. Многие, видя препятствия для отъезда, пользовались старыми столичными связями. Многих сознательно и патриотично настроенных специалистов министерство «перебрасывало» на новые и реконструируемые, в частности, в бывшей зоне оккупации предприятия. На весь пермский завод № 629 в 1947 г. было 18 инженеров и 20 техников, что составляло лишь 15 % общего состава инженерно-технических работников. Между тем за 1946 г. министерством было отозвано с завода 7 инженеров и 8 техников. В цехах трудились по преимуществу «практики» без специального образования. Из 38 дипломированных специалистов этого предприятия 26 работали в заводууправлении, что было типично и для других предприятий. На заводе № 10 инженеров было 101, техников — 164. За 1946 г. ушли с завода 13 инженеров и 28 техников, т. е. 41 человек. При этом министерство отозвало лишь пятерых, остальные нашли другие пути и способы. На одном из пермских предприятий в 1946 г. точных данных о количественном и качественном составе ИТР в отделе кадров

вообще не оказалось. Директором одного из небольших заводов оказался... журналист (впрочем, опять же по опыту прежней работы), а после его увольнения долго не могли найти замену¹⁷.

За один только 1946 г. с девяти крупнейших предприятий Перми выбыло 16 % общего количества специалистов, в том числе 162 инженера. Некоторые предприятия за два послевоенных года потеряли половину и более специалистов¹⁸. Мотивировка при увольнении была различной: семейные обстоятельства, переезд, призыв в армию, потеря трудоспособности и др. Репрессированные служащие попадали под графу «прочие причины». Однако делать акцент только на этом факторе без анализа объективных обстоятельств не совсем правомерно. Среди других причин указываются также выдвижение на руководящую работу, направление на учебу, партийные мобилизации на стройки или в силовые структуры, состояние здоровья, систематические нарушения правил внутреннего распорядка, увольнение как несправившихся или скомпрометировавших себя. Однако имелся и такой термин, как «дезертирство»: Моторостроительный завод № 19 им. Сталина за 1945—1946 гг. покинуло таким образом 11 инженеров: это каждый 25-й из специалистов с высшим образованием.

Некоторые предприятия потеряли за 1945—1946 гг. от 25 до 63 % общего количества имеющихся в наличии ИТР¹⁹. На заводе им. Сталина в 1949 г. 63,7 % инженерно-технических работников составляли практики, не имеющие специального образования, да и общее среднее в числе последних имели только 5,7 %²⁰.

На Ижевском машиностроительном заводе (№ 74 — Ижмаше) в сравнении с довоенным временем к 1948 г. осталось лишь 56 % инженеров, по ряду производств было допущено сокращение в два — три раза. В 1948—1953 гг. число дипломированных специалистов на заводе продолжало уменьшаться. Из 2 956 инженерно-технических должностей 2 229 были заняты «практиками». Из 998 мастеров 288 имели образование четыре класса, а 21 — два-три класса. На весь завод оставалось 198 инженеров и 529 техников²¹.

Ежегодно «терял» инженеров Воткинский машиностроительный завод. За пять — семь послевоенных лет состав руководящих и инженерно-технических работников обновился почти полностью. При этом число работников с высшим образованием

уменьшилось. К руководству, от сменных и старших мастеров до начальников цехов и их заместителей, пришли новые, в основной массе молодые, зачастую не имеющие достаточного опыта руководящей работы люди. На начало 1952 г. из 74 руководителей (начальников цехов, отделов и выше) 45 человек имели стаж работы в занимаемой должности до трех лет и только 16 человек — свыше пяти лет. Из 124 старших мастеров 73 работали меньше трех лет и только 28 — свыше пяти. В 1949 г. контрольные исследовательские испытания на заводе вели лишь четыре инженера, тогда как во время войны этой работой занимались более десяти²².

Собственной системы подготовки инженерно-технических кадров не существовало, надежды на приезд новых молодых специалистов из столичных вузов становились всё более призрачными. В системе ФЗО 39 % мастеров школ и училищ Удмуртии имели лишь начальное образование или были «малограмотными», то есть не имевшими никакого, более половины руководителей этих учебных заведений не имели педагогического образования²³.

В такой ситуации, которая в условиях грядущей НТР могла иметь катастрофические последствия, руководящим органам периодически приходилось выполнять разнарядки по отбору инженерно-технических работников то в МТС и отстающие колхозы, то в лесное хозяйство, то в органы внутренних дел. Бичом всех городских предприятий, учреждений, организаций в течение всего изучаемого периода было постоянное отвлечение сотрудников, учащихся и студентов на сельскохозяйственные работы. Разумеется, усилия в этом направлении признавались, как правило, неудовлетворительными: отпускать с производства специалистов, пусть даже имевших образование не по профилю, никто не хотел²⁴.

Сложные кадровые проблемы наблюдались в сферах научной и художественно-творческой деятельности. Пермь за один только 1946 г. потеряла четырех профессоров, два из которых были докторами наук (в начале года в городе работали 50 профессоров, 31 — с докторской степенью). Из всех кафедр марксистско-ленинизма вузов города лишь на одной оставался единственный кандидат наук, профессоров вообще не было. В Пермском педагогическом институте в 1947 г. при потребности

15 профессоров и 52 доцентов имелось лишь 7 профессоров и 25 доцентов. Из 25 доцентов кандидатами наук были лишь 18 человек. Из семи профессоров докторами наук являлись три, а «бесспорную документацию» на звание профессора имели только пять. На некоторых кафедрах вообще не было преподавателей с учеными степенями²⁵.

В пединституте Ижевска в 1945/46 учебном году на физико-математическом факультете не было ни одного научного работника с ученым званием. Не проводились занятия по истории СССР: преподавать было некому. На соответствующем уровне велась научная работа: за год не было защищено ни одной диссертации. 1947/48 учебный год вуз встречал с единственным профессором вместо положенных по штату четырех, с 12 доцентами вместо 39²⁶. В городах областного подчинения условий для развития науки и учреждений высшего образования не было вообще. В Кизеловском филиале Всесоюзного научно-исследовательского угольного института (ВУГИ), где к 1955 г. получали зарплату 53 человека, остался лишь единственный кандидат наук и вообще было мало специалистов по угольной промышленности²⁷.

Более стабильной сложилась кадровая ситуация в медицинских институтах. В Ижевском мединституте в 1948 г. 785 студентов обучали 143 преподавателя, в том числе 15 докторов и 28 кандидатов наук; в 1951 г. институт имел 16 профессоров — докторов наук и 32 доцента — кандидата²⁸. Вследствие постоянного внимания к этому вопросу год от года менялась и общая ситуация. В Пермском мединституте, например, за шесть послевоенных лет было защищено 10 докторских и 50 кандидатских диссертаций, так что в 1952 г. 53 % преподавателей имели ученую степень (25 докторов и 76 кандидатов наук)²⁹. И хотя количество профессоров в целом по городу практически не изменилось (их было 52), докторов наук стало больше в полтора раза (их насчитывалось 48). Число кандидатов наук выросло до двухсот — это на 775 человек профессорско-преподавательского состава области, число защит возросло до 40 с лишним в год³⁰.

В целом в категории «кадров культуры, просвещения и здравоохранения» в послевоенные годы также наблюдалась

тенденция сокращения доли лиц со специальным образованием. Многие работники не имели даже среднего образования, и если в 1945 г. в городе Перми таковых насчитывалось 18 %, то в 1946 г. — 23 %. Высшего образования не имела половина руководителей органов здравоохранения³¹.

Тяжелые условия труда и быта приводили к большой текучести кадров среди творческих работников. В театре «шахтерской столицы» — города Кизела к началу нового сезона труппа обновлялась почти полностью и оставалась без репертуара. Чуть ли не ежегодно менялись директора, что было характерно и для лысьвенского театра³². Недостаток кадров естественно приводил к их перегрузке. При этом значительная часть «штатных единиц» заполнялась лишь формально, «творческие простои» по разным причинам и тогда были делом обычным.

«Неудобно в официальном отчете, но приходится сообщить (ибо, как я считаю, это поможет обкому глубже вникнуть в положение дел), — писал в сентябре 1946 г. ответственный редактор газеты “Соликамский рабочий” Алексей Хоробрых, — что основные работники редакции все больны (в основном сердечники)... Я 10 лет не был в отпуску и постоянно прихварываю. Если учесть, что кроме меня в редакции никто пока не может написать передовой статьи или выправить серьезной корреспонденции, то станет понятной причина невыхода ряда номеров газеты в дни моих заболеваний». Действительно, и рады бы послать товарища Хоробрых на курорт, подтверждали работники горкома, да заменить некем³³.

Столичные деятели культуры, пережив эвакуацию и высоко подняв планку художественного уровня произведений искусства и запросов «потребителей» — местной интеллигенции, при первой же возможности возвращались в столицы, родные города. Опубликованные фрагменты писем выдающихся деятелей — композитора Арама Хачатуряна, педагога-хореографа Екатерины Гейденрейх — свидетельствуют о том, что они и мысли не допускали связать дальнейшую жизнь и творчество с Пермским краем³⁴.

«Я считаю справедливым, — писал в первые годы оттепели из Березников художник Леонид Старков, — что на склоне лет...

я буду жить в Москве, среди старых моих друзей и товарищей-художников, с моими дочерьми, от которых я оторван на протяжении 18 лет. Условия моей жизни в Березниках таковы, что я не могу не только жить сносно материально, но лишен возможности работать творчески. Областной центр г. Молотов находится от меня на расстоянии 300 км. Как член Молотовского отделения ССХ и художественного фонда, я не имею права заключать трудовые договоры помимо них. В Березниках я являюсь единственным художником с высшим образованием. В Березниках нет никакой художественной организации, художественного совета, которые бы могли принять мою работу... В течение 15 лет я пытался организовать в Березниках филиал художественного фонда, изостудию, художественное училище, но все мои усилия терпели неудачу из-за непонимания и равнодушия местных руководителей. Исключение из партии, ссылка и многолетние лишения... подорвали мои силы и здоровье... я чувствую себя по-прежнему изгнанным из Москвы, оторванным от музеев и художественной среды, необходимых каждому художнику»³⁵.

Основанное ленинградцами Пермское хореографическое училище — явление, безусловно, выдающееся. Но, во-первых, его основательница Е. Н. Гейденрейх вынуждена была после войны задержаться здесь не по своей воле (она и попала-то в Пермский край как политзаключенная), а во-вторых, это скорее исключение: в общей картине преемственность местных научных и художественных школ с деятельностью эвакуированных в годы войны ученых, музыкантов, мастеров сцены пока не прослеживается.

Исключение это, вероятно, не единственное. Так, на несколько лет в пермской опере задержалась звезда Мариинского (Кировского) театра Агния Лазовская, но, получив здесь заслуженные звания, всё-таки вернулась в Ленинград. В то же время, даже включив в военные годы в свой коллектив самых выдающихся пермских артистов, руководство Мариинки на родную сцену их не выпускало. Об этом прямо писал в своих воспоминаниях выдающийся певец Михаил Шуйский: «В Кировском театре мы, ответственные работники молотовской оперы, провели около двух лет. Наша прикрепленная группа была использована

Кировским театром главным образом для обслуживания госпиталей, военных частей, фронта. И мы честно исполняли наши обязанности, за что кировцы имели массу благодарностей... Начались сравнения, и не в пользу кировцев»³⁶ (впрочем, последнее только об опере — не о балете).

Коллектив флагмана региональной музыкальной культуры — Пермского театра оперы и балета, выжившего в годы войны благодаря энтузиазму своих работников, на 1 января 1946 г. насчитывал 360 человек, в том числе 202 творческих работника. Из них высшее и незаконченное высшее образование имели лишь 40 человек, среднее специальное — 89. 215 работников имели стаж работы в искусстве менее пяти лет³⁷. Ни один из трех режиссеров Пермского областного драматического театра в начале 1950-х гг. не имел высшего образования³⁸. Многие из приезжавших, даже добровольно, из столичных городов деятелей культуры по-прежнему рассматривали край как место ссылки. Певица Александра Григорьева, ставшая здесь лауреатом Государственной премии СССР и заслуженной артисткой России, вспоминала о своем приезде в 1950 г.: «Пермь... ассоциировалась у нас с чем-то далеким, где-то в Сибири, с городом ссыльных политических преступников... Город мне показался жалким, особенно его окраины, все дома деревянные»³⁹.

Низким был образовательный уровень служителей культа. Из 45 православных священников Удмуртии на 1948 г. лишь один имел высшее духовное образование и семеро — среднее духовное. Ни один священник не имел даже среднего светского образования⁴⁰.

Значительно возросший в годы Великой Отечественной войны экономический и культурный потенциал Западного Урала входил в явное противоречие с уровнем подготовленности интеллигенции к решению в регионе поставленных временем задач. Наблюдался отток ее представителей, оказавшихся в крае вынужденно в годы войны и связанных со столицами, центральными и западными регионами. Диапазон уровня материальной обеспеченности, образа жизни и ценностей различных представителей интеллигенции был весьма широким. Миф о ее народном характере и «прослоечном» статусе расходится с объективными и субъективными условиями деятельности.

Остро встали вопросы как подготовки собственных кадров, «коренизации» не только управленческих кругов, но и широких слоев интеллигенции, так и изменения условий их жизни и деятельности — если не приближения к столичным стандартам, то хотя бы движения в этом направлении.

Примечания

- ¹ Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти : стат. сб. Пермь, 1967. С. 9, 10, 12 ; Народное хозяйство Удмуртской АССР за 70 лет. Ижевск, 1991. С. 5, 16.
- ² Народное хозяйство Пермской области... С. 11 ; Народное хозяйство Удмуртской АССР... С. 19.
- ³ Удмуртская Республика : энцикл. Ижевск, 2000. С. 40.
- ⁴ История Урала : в 2 т. 2-е изд. Пермь, 1977. Т. 2. С. 290 ; Удмуртская Республика. С. 67.
- ⁵ Пермь от основания до наших дней : ист. очерки. Пермь, 2000. С. 242 ; Удмуртская Республика. С. 66.
- ⁶ Урал — фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985. С. 308.
- ⁷ История Урала. Т. 2. С. 290.
- ⁸ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее — ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 4414. Л. 53.
- ⁹ См.: *Порозов В. А.* Материальные условия жизни и деятельности городской провинциальной интеллигенции в 1946—1953 гг. : (на материалах Западного Урала) // Интеллигенция и мир. 2005. № 3—4. С. 56—72.
- ¹⁰ Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 13. Д. 223. Л. 9.
- ¹¹ *Семенов Г. Ф.* И стал нам полем боя цех : дневник фронтовой бригады. Пермь, 1990. С. 180.
- ¹² ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 171. Л. 38.
- ¹³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4537. Л. 59—62.
- ¹⁴ Там же. Д. 4410. Л. 75—77.
- ¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 436. Л. 13—24.
- ¹⁶ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 222. Л. 101.
- ¹⁷ Там же. Л. 68—69.
- ¹⁸ Там же. Оп. 13. Д. 223. Л. 20.
- ¹⁹ Там же. Д. 222. Л. 132 ; Д. 223. Л. 20, 93, 94.

- ²⁰ Там же. Оп. 15. Д. 155. Л. 99.
- ²¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5203. Л. 118 ; Д. 6696. Л. 52, 156.
- ²² Там же. Ф. 724. Оп. 4 Д. 66. Л. 4 ; Оп. 6. Д. 4. Л. 22.
- ²³ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4391. Л. 27.
- ²⁴ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 68. Л. 17.
- ²⁵ Там же. Оп. 12. Д. 6. Л. 26 ; Оп. 13. Д. 222. Л. 23, 24, 131.
- ²⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4542. Л. 9 ; Д. 4544. Л. 53, 56 ; Д. 4892. Л. 5.
- ²⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 66. Л. 33.
- ²⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5188. Л. 172, 173 ; Д. 6185. Л. 94.
- ²⁹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 351. Л. 8.
- ³⁰ Там же. Д. 2. Л. 76, 128.
- ³¹ Там же. Оп. 13. Д. 222. Л. 150.
- ³² Там же. Оп. 22. Д. 26. Л. 28, 29 ; Д. 152. Л. 50.
- ³³ Там же. Оп. 12. Д. 407. Л. 57.
- ³⁴ *Юзефович В. А.* Арам Хачатурян. М., 1990. С. 145 ; *Стецура Ю.* Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх. Пермь, 1997. С. 106.
- ³⁵ Березниковский историко-художественный музей им. И. Ф. Коновалова. Ф. 139. Л. 1 об. — 2.
- ³⁶ Русский певец Михаил Шуйский : документы. Материалы. Воспоминания / сост., ред., предисл. *В. А. Порозова*. Пермь, 2012. С. 121.
- ³⁷ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 466. Л. 7.
- ³⁸ Там же. Ф. 105. Оп. 21. Д. 248. Л. 29.
- ³⁹ *Григорьева А. П.* Путем Станиславского : воспоминания оперной певицы / подгот. текста, ред. и предисл. *В. А. Порозова*. Пермь, 2010. С. 65—66.
- ⁴⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5065. Л. 103.

А. В. Зябликов

**«КУЛЬТУРНЫЕ ДИВЕРСАНТЫ»:
ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА В СОВЕТСКОМ КИНО
1930—50-х ГОДОВ**

Одной из главных целей кинопропаганды 1930—50-х гг. было возбуждение сплоченной коллективной ненависти к внешним и внутренним врагам советской власти, главным средством борьбы с которыми мыслилось разоблачение и уничтожение. Кто же охотнее всего отряжался на роль явных и тайных недоброжелателей советской власти? В довоенном кино социальный их срез предсказуем: переодевшиеся в штатское белогвардейские офицеры, прикидывающиеся попутчиками интеллигенты «из бывших», кулаки и подкулачники. Патологическая ненависть к крестьянину как к носителю и хранителю «частнособственнической» психологии стала одной из явных и грубых примет сталинского правления. В довоенном «антивредительском» кино выходцам из крестьянского сословия чаще всего отведены роли самых примитивных и бестолковых «врагов»: убийц, громил, поджигателей.

Но главный предмет ненависти вовсе не кулаки, а отщепенцы-оппозиционеры всех мастей: троцкисты, зиновьевцы, рыковцы. Бывшие политические единоверцы — самые опасные, и спрос с них — самый высокий! Поэт Сулейман Стальский в поэме «Дагестан» (в переводе С. Липкина) эмоционально формулирует отношение к такого рода публике:

Нас Троцкий предавал в бою,
Он грелся в трудовом краю,
Трусливо притаивши жало.
Я стар, меня гнетет недуг,

© Зябликов А. В., 2017

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета. a.zyablikov@yandex.ru

Но если б мне попалась вдруг
Гадюка эта из гадюк, —
Ее, не выпустив из рук,
Сразил бы лезвием кинжала!

Для сравнения приведем кусочек из «Краткого курса истории ВКП (б)», где речь идет о процессе 1936 г. над участниками «контрреволюционного московского центра»: «Главным вдохновителем и организатором всей этой банды убийц и шпионов был иуда Троцкий. Помощниками Троцкого и исполнителями его контрреволюционных указаний были Зиновьев, Каменев и их троцкистское охвостье»¹. Это тоже своего рода поэзия. Поэзия виселицы и плахи, захлебывающаяся в ненависти и фарисейской гневливости.

Основной идейный оппонент Шахова в фильме «Великий гражданин» (1937—1939, реж. Фридрих Эрмлер) председатель губкома Карташев (актер Иван Берсенев) загримирован «под Троцкого»: шапка волос, интеллигентская борода, замашки поэта и велеречивого демагога. В 1925 г., рассуждая о новой тактике борьбы с режимом, Карташев вспоминает о троянском коне («Улисс был не меньшим героем, чем Ахилл или Гектор»). Вот так: под «их» лозунгами — к «нашим» целям! Карташев — это теоретик, идеолог, мозговой центр. Истеричный, заламывающий руки председатель губкома при всем его хитроумии и коварстве подвержен приступам политической ипохондрии, склонен впадать в самоедство и сентиментальную грусть. На этот случай рядом есть расчетливый и циничный подручный Боровский (актер Олег Жаков). Подельники ненавидят, презирают и даже подсиживают друг друга. При этом они на редкость трусливы. Непонятно, каким образом эти хлипкие ребята сколотили такую разветвленную, действенную и живучую «контрреволюционную организацию»! Спустя десять лет они всё еще при власти и при деле. Некоторые пробрались на очень ответственные посты.

Местом конспиративных встреч является Музей революции, где пристроился директором бывший троцкист Брянцев (актер Петр Кириллов). Этой подробностью подчеркнут ужасающий цинизм заговорщиков, которые плетут паутину своих злодеяний среди священных красных реликвий. Брянцев-то, кстати, и привел в исполнение приговор «подполья» в отношении Шахова.

Само убийство не показано, но мы можем догадаться, кто приложил к нему руку.

Второй секретарь крайкома Земцов (актер Юрий Толубеев) — хорошо законспирированный враг с дореволюционным стажем провокаторской деятельности. Любые логические попытки объяснить, как смог такой субъект совершить головокружительный карьерный взлет, останутся тщетными. Есть в этом что-то воистину иррациональное, мистическое. То ли революционная бдительность у граждан совсем притупилась, то ли «враг» обладает тремя волшебными золотыми волосками, оберегающими его от невзгод. Надо же, сдюжил, пережил не одну партийную «чистку», пролез куда надо и дальше, бог даст, пролезет. Сгорел Земцов, как всегда, по глупости, по случайному недоразумению. Символично, что его разоблачение происходит в кабинете Шахова, под огромным портретом Сталина.

В фильмах, где звучит тема «врагов народа», обращает на себя внимание, сколь высокие должности занимают законспирированные «шпионы», «контрреволюционеры» и «вредители». Нередко они входят в самую что ни на есть номенклатуру — советскую, хозяйственную, партийную. Мы понимаем, почему директор базы Петухов в гайдаевской комедии «Операция “БГ”» (1965) стремится инсценировать ограбление вверенного ему объекта («всё уже украдено»). Другое дело — верхушка шахтоуправления, планирующая диверсию на собственной шахте («Шахтеры», 1937, реж. Сергей Юткевич), или железнодорожное начальство, инспирирующее аварию паровоза, чтобы помешать скоростному пробегу («Честь», 1938, реж. Евгений Червяков). Начальник райземотдела Сташков (актер Василий Меркурьев) и агроном Кривошеев (актер Иван Назаров) препятствуют распространению прогрессивного метода вспашки («Член правительства», 1940, реж. Александр Зархи, Иосиф Хейфиц). Они действуют столь демонстративно и грубо, что у председателя колхоза Александры Соколовой не остается никаких сомнений насчет того, кто скрывается под личиной этих сельскохозяйственных деятелей. «Вы против народу идете, вот что, — потрясенно констатирует Соколова. — Вы против народу идете. Вы изменники... Тут преступление кроется. Вы — враги наши». После брошенных им в лицо обвинений поделщики пускаются во все тяжкие. Сташков,

используя административный ресурс, звонит на электростанцию и просит выключить в районном центре уличное освещение (ночью, дескать, энергию нужно экономить), а щуплый и трусливый Кривошеев в наступившем мраке стреляет в разоблачительницу из револьвера.

В картине Бориса Барнета «Ночь в сентябре» (1939) начальник шахты Поплавский (актер Владимир Баталов) делает всё, чтобы сорвать зарождение стахановского движения (Алексей Стаханов, к слову, заявлен в титрах как консультант фильма). Для этого в забой поставляются гнилые бревна, дырявые шланги. Гнилые и дырявые людишки тоже находятся — им поручается подготовка диверсии в ночную смену. Вредители трясутся от страха и всё же идут на преступление. На волоске висит жизнь свидетельницы вредительского акта диспетчера Дуни (актриса Зоя Федорова). На нее силком надели смиренную рубашку и упрятали в бокс. «Подозрение на *delirium tremens*», — объясняет подельник Поплавского врач Старковский (актер Николай Коновалов) приехавшему из области «нейрохирургу» (артист Андрей Тутьшкин) и его напарнику. После того как Дуня была найдена и отвязана от кушетки, «нейрохирург» снял белый халат, под которым обезумевший доктор Старковский увидел форму майора НКВД (вторым мнимым врачом оказался парторг шахты Павел Луговой). Мотив двух ряженых медработников и нечистого на руку интригана, который отправляет опасного свидетеля лечиться от белой горячки, спустя 25 лет был использован Леонидом Гайдаем в культовой комедии «Кавказская пленница».

Логика абсурда, которой подчинено сознание киношного «вредителя», не мешала советскому зрителю уверовать в то, что в издержках и просчетах индустриализации и коллективизации повинны, прежде всего, не идеологи этих обескровливающих страну начинаний, а бесчисленные «враги» и «саботажники». В кино общее мнение на их счет обычно выражает какой-нибудь старый заслуженный рабочий. В фильме «Шахтеры» седовласый горняк отпускает в адрес схваченного «врага» Красовского (актер Марк Бернес): «Ишь, гад, сколько яду накопил! Уничтожать таких беспощадно!» «Чему нас учит товарищ Сталин? — напоминает шахтерам партийный секретарь Семен Примак

(актер Борис Пославский). — Нам вредили, вредят и будут вредить!» Потому каждый советский человек должен быть «зорким часовым»!

Диверсант — дежурный атрибут предвоенных фильмов. Ему находится место даже в комедиях. «Девушка с характером» (1939) режиссера Александра Юдина начинается с двух эпизодов-прологов. В первом мы становимся свидетелями перепалки Кати Ивановой (актриса Валентина Серова) с директором зверосовхоза Мешковым (актер Александр Антонов). Второй — пленение Катей вражеского диверсанта, который зачем-то сидел на чердаке, спрятавшись в солому. С опереточным увальнем-«вредителем» всё ясно — даже борода у него фальшивая (свою что ли вырастить не мог?). А вот сценка с Мешковым заслуживает более пристального внимания.

Ясно, что директор зверосовхоза — очковтиратель и бюрократ, который думает о плане в ущерб качеству продукции. Зачем девушка отправляется в Москву? Чтобы вывести Мешкова на чистую воду. Чтобы доказать всем, что директор осознанно подрывает экономические основы государства. Конечно, у него могут найтись свои контрдоводы. Примечательна фраза, которую бросает Кате старик-сторож: «Очень уж ты его довела! Смотри, как бы он на тебя не наклепал чего!» «А чего ему на меня клепать? — отвечает Катя. — Кто ему поверит-то?» Этот маленький диалог отражает подлинную атмосферу тех лет, когда чудовищный смерч доносов и заведомой клеветы затягивал в свою воронку людей — независимо от профессий, чинов, званий и заслуг. В какой-то момент государство даже вынуждено было инициировать антиклеветническую кампанию и урезонить наиболее активных разоблачителей. Вот и Мешков с Ивановой оказались у такого барьера: а тут — кто на кого правильнее и убедительнее «наклепает»? На стороне Мешкова — опыт и лукавство старого хозяйственника, на стороне Ивановой — комсомольский задор и молодая прыть. Судя по тому, с какой энергией взялась Катя за дело, Мешков обречен и уголовной статьей, скорее всего, не отделается.

В годы Великой Отечественной войны на роли предателей и шпионов охотнее всего отряжались люди с сомнительным довоенным и даже дореволюционным прошлым. За каждым из них

тянулся шлейф из дурной социальной наследственности. Таковы классовые враги-недобитки в картине Абрама Роома «Нашествие» (1944), среди которых выделяется бывший городской голова купец Фаюнин в блестящем исполнении Василия Ванина. В фильме Владимира Легошина «Поединок» (1944) есть эпизод, хорошо иллюстрирующий, кого советская власть считала основной питательной почвой для взращивания изменников и вражеских пособников. Матерый нацистский разведчик Вейнингер-Петронеску (актер Владимир Белокуров) готовит диверсионную группу для заброски в советский тыл. Цель — похищение изобретателя секретного оружия Л-2 инженера Леонтьева. Вейнингер придумывает историю с маскарадной делегацией из города Иванова, якобы везущей гостинцы на фронт. Для этого он просит гестаповского полковника Крашке (актер Осип Абдулов) подобрать двух молодых дам на роль комсомолок, парня на роль молодого рабочего, а также «пожилого рабочего» и кого-нибудь «из интеллигентов». Крашке устраивает для Вейнингера смотрины, сопровождая представление кандидатур важными для нас комментариями: «Тоня, дочь петлюровского офицера, бежавшего в Германию <...> Ирина — до войны служила в Смоленске в ателье мод, после прихода немцев сошлась с офицером и начала работать на нас <...> Иван Кутырин — конторщик Минского кожевенного завода, старый провокатор царской охранки <...> Савранский Игнатий Аполлонович — бывший адвокат, репрессирован советской властью за взятки и злоупотребления <...> Зубков — сын кулака, дезертир...»

Компания сколочена по хорошо апробированному в довоенные годы принципу. Пожалуй, только Ирина являет новый социальный феномен — тип морально неустойчивого коллаборациониста. Обратим внимание на род ее деятельности: не ткачиха, не станочница — «модистка»! Профессия, что и говорить, с душком! В черном списке профессий, от которых «один шаг» до измены, широко представлены различные творческие специализации. Наталья Оленина (актриса Нина Алисова), выслеживающая местоположение секретного оружия, — эстрадная певица («Поединок»). Заметим, что к работе над ролью Олениной Нина Алисова приступила сразу после «Радуги» (1943) Марка Донского, где актриса великолепно сыграла Пусю, глуповатую

и подленькую содержанку немецкого коменданта Вернера (актер Ганс Клеринг). В фильме «Высокая награда» (1939, реж. Евгений Шнейдер) шпион, охотящийся за чертежами самолета, скрывается под маской клоуна. Законспирированный троцкист-зиновьевец Волков (актер Эраст Гарин) публикует стихи «под Есенина» во владивостокской газете, в которых содержится зашифрованная информация для агентуры («На границе», 1938, реж. Александр Иванов).

Среди активных членов «пятой колонны» нашлось бы место и режиссерам, и киноактерам. Хотя в пространстве экрана представители этих профессий нечасто носили постыдное клеймо, в реальной жизни им доставалось не меньше других. Как известно, многие деятели кино были репрессированы². Вот красноречивый отрывок из вступительной статьи к подарочному изданию киносценария «Ленин в Октябре» (1938, реж. Михаил Ромм): «“Ленин в Октябре”, как и другие лучшие произведения советской кинематографии... создан под руководством партии, вопреки и несмотря на подрывную работу разоблаченных в кино вредителей»³. В 1938 г. был арестован и расстрелян начальник Главного управления кинопромышленности Борис Захарович Шумяцкий, при котором создавалась классика «антивредительского» кино.

Даже если «враг» профессионально не связан с художественной сферой, в кино у него нередко обнаруживаются артистические наклонности: Куганов («Партийный билет», 1935), Бутешкин («Вражья тропа», 1935, актер Петр Репнин), Ляготин («Большая жизнь», 1939, актер Лаврентий Масоха).

На идеологическом карандаше находятся представители «интеллигентных» профессий: инженеры, техноруки, агрономы. Диверсант может выдавать себя за врача («Гость», 1939, реж. Адольф Минкин и Герберт Раппопорт), а может быть им («Ночь в сентябре»). Вражий оскал может таиться за невинной внешностью сельской учительницы («Застава у Чертова брода», 1936, реж. Мирон Билинский и Константин Исаев). В фильме «Два друга» (1941, реж. Лев Брожовский) врагами являются лесничий и начальник метеостанции: они хотят уничтожить лошадиный табун в 497 голов, идущий для пополнения кавалерийского полка. В фильме «Опасные тропы» (1954, реж. Александр и Евгений

Алексеевы) шпион носит маску советского бактериолога. В картине «Застава в горах» (1953, реж. Константин Юдин) прикрытием целому шпионскому синдикату служит «археологическая экспедиция». В картине Леонида Лукова «Об этом забывать нельзя» (1954) один из замаскировавшихся врагов — букинист. Профессия помогает Николаю Николаевичу Вольскому (актер Юрий Лавров) отравлять сознание студентов университета (действие происходит на западе Украины), подсовывая им запрещенные книги историков-националистов. В преступном тандеме с букинистом работает доцент Ярчук (актер Николай Плотников), который на своих лекциях столь обильно цитирует М. С. Грушевского (как бы критикуя его!), что писатель-коммунист Гармаш (актер Сергей Бондарчук) начинает подозревать доцента в антисоветской проповеди. Ярчук сначала пробует оправдываться, а потом является в дом Гармаша как американский гангстер, в нахлобученной на глаза кепке, в пальто с поднятым воротником, в темных очках и с пистолетом в руках. Вот только процесс интеллектуальных разборок уже давно контролируется компетентными органами. «Философ!» — презрительно бросает схваченному на месте преступления незадачливому доценту полковник госбезопасности Марьян Максимович (актер Борис Тенин).

Грань, за которой профессиональный спор переходит в идеологическую тяжбу, едва различима. Момент, когда производственный конфликт оборачивается злокозненным умыслом недруга, еле заметен. В редких случаях физиономия антагониста не имеет вражьего прищуря. В картине Александра Зархи и Иосифа Хейфица «Драгоценные зерна» (1948) выведен образ председателя райисполкома Королева, полагающего, что ради дела можно поступиться некоторыми принципами и правилами. Королев в исполнении актера Бориса Жуковского — это генерал Горлов из васильевского «Фронта», только в «штатской» ипостаси. «Ты у меня на цыпочках ходить будешь!» — грозно предупреждает он молодую журналистку, которая осмелилась подвергнуть критике королевские методы руководства. Увлечся начальник борьбой за показатели и потерял голову, зазнался, зарвался, утратил здоровую самооценку. Много наломал Королев дров, но он не враг. Не враг! В фильме «Алмазы» (1947, реж. Иван Правов, Александр Оленин) начальник геологической

экспедиции Палехов (актер Евгений Агуров) — всего лишь перестраховщик и бюрократ. Он вставляет палки в колеса энтузиасту-искателю Нестерову (актер Всеволод Санаев) не по заданию иностранной резидентуры, а в силу своей душевной и умственной приземленности. Рискнем предположить, что если бы «Алмазы» снимались не в 1947, а в 1937 г. — быть Палехову японским шпионом!

Функции «вредителей» или как минимум их невольных пособников охотно «поручаются» научным деятелям. В фильме Владимира Шмидтгофа «Макар Нечай» (1940) мы наблюдаем борьбу «прогрессивного» агронома с рутинерами и бюрократами от науки, ведущими сомнительные разговоры о законах наследственности. Прототипом Макара Нечая, этого человека «от земли», судя по всему, является Трофим Денисович Лысенко, один из идейных вдохновителей погрома советской генетической школы. «Я прочел все ваши труды, — говорит Макар Нечай (актер Виктор Добровольский) своему главному оппоненту академику Адамову (актер Василий Зайчиков). — Там многое противоречит Дарвину и Энгельсу». Если Адамов в итоге снял шляпу перед самоучкой-селекционером и признал его правоту, то профессор Горский (актер Георгий Куровский) по-прежнему считает Нечая шарлатаном. Горский показан в фильме как «почти враг». Скользкая дорожка, на которую встал профессор, неизбежно подтолкнет его на путь измены. О том, как это происходит, будет показано уже в послевоенном кино, в пору очередной охоты на политических ведьм.

В фильме Иосифа Хейфица и Александра Зархи «Во имя жизни» (1946) поведана история трех молодых ученых, исследующих проблему регенерации нервных клеток. Идет время, опыты не удаются, и вскоре ученый триумvirат распадается. Один из троих, Рождественский (актер Олег Жаков), едет набираться ума-разума в Филадельфию. В уста героя вкладывается фраза, вокруг которой должны сломаться политические копыя: «Не всё ли равно, кто первым добьется успеха — американцы или мы!..» Нет, не всё равно, убежден доктор Петров (актер Виктор Хохряков), упорно продолжающий лабораторные эксперименты и в итоге добивающийся успеха. Полемика Петрова и Рождественского еще не перерастает в политические обвинения.

Хейфиц и Зархи не торопятся срывать с Рождественского маску «безродного космополита», но то, что ученый изрядно пропитался за границей неприятным душком, — факт.

Идейный и жизненный тупик, в который ведет западопоклонническая логика, красочно обрисован в фильме «Суд чести», снятом режиссером Абрамом Роомом в 1948 г. (сценарий Александра Штейна). «Суд чести» стал одним из лидеров проката 1949 г., был удостоен Сталинской премии 1-й степени, однако ни это, ни блестящий актерский состав не спасли картину от заслуженного забвения. Обладающий весьма скромными художественными достоинствами «Суд чести» интересен сегодня лишь как документ эпохи.

Фабула фильма строится вокруг неблагонадежного поступка профессора-биолога Лосева (актер Николай Свободин), решившего опубликовать данные о своем научном открытии (обезболивающее лекарство) в американском журнале. Лосеву покровительствует академик Добротворский (актер Николай Анненков), даже в фамилии которого усматривается намек на свойственную некоторым интеллигентам политическую мягкотелость и прекраснодушную одержимость ложно понимаемым гуманизмом. На протяжении полутора экранных часов мы слышим трескучую и унылую полемику, идущую между ученым-патриотом академиком Верейским (актер Борис Чирков), который предстает перед нами то в белом генеральском кителе, то в русской вышитой косоротке, и Добротворским, которому отведена роль «безродного космополита». Сентенции Добротворского о «науке, не знающей географических границ» тонут в бурных потоках зубодробительной большевистской риторики Верейского, клеймящего позором и американских «гуманистов-рецидивистов», и некоторых их пособников из числа идейно близоруких (если не сказать больше!) советских ученых.

Кульминацией фильма является сцена суда чести, которому предают Лосева и Добротворского. Любопытная деталь: один из членов академического ареопага зачитывает собравшимся справку, предоставленную «одним государственным учреждением» (видимо, МГБ), о том, что американский ученый, допущенный Добротворским в свою лабораторию (кстати, с дозволения вышестоящего медицинского начальства), на поверку оказался американским

агентом с четырьмя или пятью фамилиями. Получается, что несчастные медики-профессора вынуждены нести ответственность за просчеты и непрофессионализм советских спецслужб, проглядевших научного диверсанта.

Длинное и пафосное обвинительное выступление Верейского — идеологическая калька разоблачительных речей, авторами которых были А. Я. Вышинский и А. А. Жданов. Технология подобных риторических опусов отработывалась годами — от «Шахтинского дела» (1928) и дела «Промпартии» (1930) до ежовских процессов над «троцкистско-зиновьевскими изменниками» и послевоенной публичной политической «порки» известных деятелей искусства. Добавим к этому тысячи и тысячи открытых писем и выступлений «простых советских граждан», осуждающих и бранящих явных и тайных «врагов народа» и требующих для этих врагов лютой смерти.

Развязка фильма: академик Добротворский посыпает голову пеплом, признает ошибки, за что «старый друг» Верейский вновь открывает ему свои объятия, а профессора Лосева, судя по всему, ждут испытания куда более суровые...

Фильм «Суд чести» отражает реальные события послевоенной истории. 28 марта 1947 г. появилось инициированное И. В. Сталиным постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) о судах чести, на которые возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»⁴. Конечно, И. В. Сталину и его окружению концепт суда чести был интересен не как форма общественной полемики и не как способ нравственного оздоровления социума, а как еще один инструмент идеологического диктата и контроля, как средство, сгущавшее и без того насыщенную атмосферу страха и подозрительности.

В июне 1947 г. состоялся первый в СССР суд чести, а на скамье подсудимых оказались профессора-микробиологи Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин, занимавшиеся разработкой антиракового препарата «КР-1». За несколько месяцев до этого американцы обратились в Минздрав СССР с официальным предложением об объединении

научных усилий в борьбе с болезнью века, и в США был отправлен академик-секретарь В. В. Парин, который захватил с собой (опять-таки с одобрения Минздрава) книгу Ключевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» и несколько ампул нового чудодейственного лекарства. В результате «американского шпиона» В. В. Парина осудили на 25 лет лагерей, Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскину было вынесено общественное порицание «за пособничество изменнику», а у советских кинематографистов появилась хорошая возможность изготовить (на живом примере!) очередную верноподданническую агитку. Идеологический контекст, в котором рождалась картина А. Роома, киновед Г. Кремлев (и фамилия подходящая!) охарактеризовал так: «Партия нанесла сокрушительный удар по всем проявлениям низкопоклонства и призвала мастеров советского искусства активно бороться против чуждого советским людям духа раболепия перед иностранщиной, смело бичевать реакционную буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления. <...> Фильм “Суд чести” предназначен для действия на направлении главного удара, которое было точно выбрано и указано партией»⁵.

На направлении главного удара действовали и создатели фильма «Великая сила» (1950). Фридрих Эрмлер предложил публике очередной фильм-диспут или, говоря словами одного из его героев, «теоретический митинг» — на этот раз о космополитах-генетиках, вставляющих палки в колеса «передовой» мичуринской науке. «Если ты коммунист, почему ты ползаешь на брюхе перед буржуазными авторитетами?» — такой неприятный вопрос задает профессор Павел Лавров (актер Борис Бабочкин) директору института Милягину (актер Виктор Хохряков). Павла Степановича бросает в дрожь одно упоминание о *мировой* науке, не знающей политических и национальных границ. Герой Бориса Бабочкина — убежденный лысенковец, мужественный «гвардеец из армии Мичурина», по выражению эмиссара ЦК Остроумова (актер Николай Боголюбов). Он выводит кур высокой яйценоскости и плодовитости и готов вывести на чистую воду любого, кто хотя бы заикнется о необходимости изучать зарубежный опыт. Стилль полемики Лаврова прост: профессора всё время тянет дать возражениям своих оппонентов «политическую оценку». То и дело он устраивает коллегам классовую взбучку. «А ведь

вы веруете в Бога!» — заявляет он старому академику Рублеву, что-то лопочущему о непознаваемых тайнах наследственности. «А ведь ты не веришь в коммунизм!» — припечатывает Лавров своего давнего друга Милягина, прозревая в нем и что-то другое, гораздо более страшное. В части мракобесного неприятия чужого мнения Лавров затыкает за пояс даже профессора Вейрейского из фильма «Суд чести». Тот, по крайней мере, оставлял шанс на покаяние и прощение «оступившемуся» Добролюбовскому. Герой Бабочкина шансов не дает никому. Запоздалое раскаяние Милягина на ученом судилище не вернет ему ни дружбы Лаврова, ни директорского кресла, ни партийного доверия. Так передовая сталинская наука, по выражению кинорецензента И. Гринберга, берет верх над «трусливой и косной лженаукой, протаскивающей растленные идейки буржуазного космополитизма и поповской мистики»⁶.

В специальном «Закрытом письме ЦК ВКП (б) о деле профессоров Клюевой и Роскина» от 16 июля 1947 г. констатируется, что антипатриотические настроения в образованной среде носят не единичный и не случайный характер и свидетельствуют «о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, *особенно работающей в области культуры*»⁷ (курсив мой. — А. З.). И еще один не самый обнадеживающий для деятелей культуры пассаж: «Агенты иностранных разведок усиленно ищут слабых и уязвимых мест и находят их в среде некоторых слоев нашей интеллигенции, зараженных болезнью низкопоклонства и неверия в свои силы»⁸.

Не случайно в военное и послевоенное время на экране в качестве вражеских агентов всё чаще стали встречаться женщины, более того — благообразные седовласые старушки. Мария Сергеевна Зубова, бабушка — божий одуванчик, оказывается зловещим немецким «агентом 117» Амалией Карлсон («Поединок»). Под именем интеллигентной Марии Спиридоновны Бантыш плела свою паучью сеть глубоко законспирированная шпионка — «агент № 13» («Об этом забывать нельзя»). Вносимая гендерная поправка объяснялась меняющимися геополитическими реалиями, новыми идейными и культуртрегерскими вызовами, перед которыми оказались советские люди, вошедшие на западных рубежах в прямой и тесный контакт с носителями других

традиций и других политических представлений. Враг менял свое лицо, становился изощреннее, хитрее и подлее. Зубова и Бантыш — это не Федька Самохин («Светлый путь», 1940, реж. Григорий Александров), не Серега Чеканов («Комсомольск», 1938, реж. Сергей Герасимов), у которых на физиономии написано, что, когда у них в руках будет емкость с керосином, они употребят ее на недоброе дело.

Интеллигентофобия верховной власти раскрывается в кино 1930-х — начала 1950-х гг. вполне отчетливо. Как известно, образовательный и культурный ценз партийной и советской элиты был невысок. В искусстве поощрялись простые и ясные формы, без изысков, подтекстов и антиномий; грубоватые, но «честные» нравы. В этом смысле «колхозные» комедии Ивана Пырьева, например, безупречны. Рафинированная ученость, интеллектуальный блеск и эстетическое изящество имели в тоталитарном кино подозрительный привкус чужого и даже враждебного. Интеллигент с его неистребимой рефлексией был удобен в качестве объекта, на котором проверяется классовое чутье. Сталин тоже считал интеллигенцию неблагонадежной стратой, отводя ей функцию подконтрольного исполнителя государственного, политического, социального заказа. При случае Иосиф Виссарионович охотно отпускал в адрес образованного сословия шпильки самого циничного и сомнительного свойства. Он исхитрился злобно лягнуть интеллигенцию даже в речи, произнесенной 7 ноября 1941 г. на Красной площади во время знаменитого парада Красной армии: «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики»⁹. А было время, когда в регистрационных анкетах партконференций Сталин, указывая свое социальное положение, писал «интеллигент».

Самое масштабное наступление на интеллигенцию было развязано после войны, в пору борьбы с «формализмом» и «безродным космополитизмом». Безапелляционное и грубое вмешательство в научный и творческий процесс стало главным инструментом партийного «контроля». Агитпроповские письма и постановления о «вредных» веяниях в литературе, музыке, изобразительном искусстве, в театре и кино следовали одно за другим. В Политбюро и партийному начальству разного ранга шли эпистолы от бдительных «друзей народа» с требованием

призвать к ответу идейно «износившихся» писателей, критиков, композиторов, кинорежиссеров. «Товарищ Сталин! В искусстве действуют враги. Жизнью отвечаю за эти слова»¹⁰, — в таком лапидарном стиле начинает свое пространное письмо вождю сотрудница газеты «Известия» Анна Бегичева (декабрь 1948 г.). В разряд пошлых, пустых и безыдейных легко зачислялись фильмы, которые — в отличие от обласканного критикой унылориторического «Суда чести» — пережили свое время и по сей день пользуются заслуженной народной любовью. Речь идет о таких картинах, как «Сердца четырех» (1941, в прокате с января 1945 г., реж. Константин Юдин), «Небесный тихоход» (1945, реж. Семен Тимошенко), «Беспокойное хозяйство» (1946, реж. Михаил Жаров). За «бескрылый натурализм» и «фальшивую формалистическую условность» были обруганы картины «Простые люди» (1945) Григория Козинцева и Леонида Трауберга, «Солистка балета» (1947) Александра Ивановского, «Страницы жизни» (1948) Бориса Барнета и Александра Мачерета. Особенно досталось картине «Поезд идет на Восток» (1947, реж. Юлий Райзман), которую приводили как вопиющий пример аморальной бессодержательности и низкопоклонства перед «деградирующим американским кинематографом»¹¹.

На страницах печати громилась «идеологическая агентура старого буржуазного мира», в том числе киноведа, критики, сценаристы Николай Оттен, Михаил Блейман, Николай Коварский, Владимир Сутырин, на которых нацепили ярлык «оруженосцев Голливуда»¹². В газете «Правда» 3 марта 1949 г. появилась статья министра кинематографии Ивана Большакова с выразительным заголовком «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве». Этот опус по сути является доносом на группу творческих работников, которую министр квалифицировал как «буржуазных диверсантов в киноискусстве»¹³. Лидером этой антипатриотической группы космополитов назван Леонид Трауберг, автор кинопентологии о Максиме и лауреат Сталинской премии. Не стесняясь в выражениях, министр поносил Трауберга за надругательство над классикой, за глумление над советским киноискусством, называл режиссера клеветником и творческим банкротом. Досталось и другим деятелям кино, которые, по выражению Большакова, «вместе вели подрывную работу против передового

советского искусства»¹⁴. Этих обвинений было достаточно, чтобы на долгие годы отлучить талантливых людей от любимого дела, обречь их на изгойство и молчание. В 1952 г. министр И. Г. Большаков, анализируя достижения послевоенного советского кино, отдельные «творческие провалы и неудачи» объяснил просто и ясно: «Некоторые работники кинематографии забывают указания партии по вопросам литературы и искусства»¹⁵. Возможно, только смерть Сталина помешала продолжить и укрупнить тему культурных «диверсантов», закрепить на киноэкране зловещий образ предавшего свои национальные интересы интеллигента (в послевоенных историко-биографических фильмах таких героев немало).

Создаваемый в советском кино 1930-х — начала 1950-х гг. образ «врага» стал мощным мобилизационным ресурсом социальной и политической активности, важным фактором манипулирования общественным сознанием. Технология объединения «против» была политическим коньком Сталина, который, как никто другой, умел сталкивать лбами своих конкурентов, устранять одних руками других, а в нужный момент выходить из-за кулис в маске миротворца и вершителя правосудия. Сталин умел складывать десять мелких тактических побед в одну стратегическую победу — над целой страной и ее народом. Пропагандистское кино цементировало тоталитарную основу сталинизма, делая политических «отщепенцев» и «вредителей» ответственными за все издержки и просчеты социалистического строительства, превращая «врагов» в идеальную мишень для социального возмущения и гнева. Фактор «врага», подкрепляемый фактором страха, способствовал высвобождению самых темных и разрушительных народных инстинктов, умело направлявшихся пропагандой в нужное русло.

Примечания

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М., 1945. С. 312.

² См., напр.: *Бернштейн А.* Сочли врагами народа // *Искусство кино.* 1993. № 3. С. 92—98.

³ *Вайсфельд И.* Замечательный фильм // *Ленин в Октябре.* М. ; Л., 1938. С. V.

- ⁴ Сталин и космополитизм, 1945—1953 : док. Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 109.
- ⁵ *Кремлев Г.* «Суд чести» : о фильме и его создателях. М., 1949. С. 6—7.
- ⁶ *Гринберг И.* Великая сила // Искусство кино. 1950. № 6. С. 41.
- ⁷ Сталин и космополитизм. С. 124.
- ⁸ Там же. С. 126.
- ⁹ *Кардашов В. И., Семанов С. Н.* Иосиф Сталин: жизнь и наследие // Иосиф Сталин. М., 1998. С. 470.
- ¹⁰ См.: Сталин и космополитизм. С. 195.
- ¹¹ *Юрнев Р.* Вслед за тихоходами // Искусство кино. 1948. № 4. С. 17.
- ¹² *Щербина В.* О группе эстетствующих космополитов в кино // Искусство кино. 1949. № 1. С. 14.
- ¹³ Сталин и космополитизм. С. 305.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Большаков И. Г.* Советское киноискусство в послевоенные годы. М., 1952. С. 5.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)53-283.2

А. А. Соловьев

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Провинциальная интеллигенция — это особый слой, являющийся выразителем регионального менталитета и генератором чрезвычайно важных для культурного самоопределения жителей края процессов. Библиотечное строительство в конце XIX — начале XX в. стало одним из важнейших направлений в деле просвещения местного населения. Роль библиотечных учреждений в развитии культуры того или иного региона России всегда была велика. Библиотеки, приобщая население к чтению, выполняли миссию сохранения и передачи через поколения общечеловеческих ценностей, а также трансляции культурных традиций.

Основу для оформления интеллигенции в Ярославской губернии заложил еще в 1840-е гг. известный российский педагог, писатель и общественный деятель К. Д. Ушинский, преподававший тогда в Ярославском Демидовском юридическом лицее¹. Появление местной интеллигенции относится к 1860-м гг. Прежде

© Соловьев А. А., 2017

Соловьев Алексей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. Д. К. Беляева. aleksey.s37@yandex.ru

всего, интеллигенция как особая общность людей с похожим мировоззрением и культурной практикой сложилась в эти годы в Ярославле.

В XIX — начале XX в. большую роль в расширении библиотечной сети, учреждении и развитии отдельных библиотек играли представители учительской интеллигенции. Начало формирования учительской интеллигенции в Ярославской губернии, безусловно, было связано с работой Демидовского юридического лицея.

Деятельность библиотек при учебных заведениях и их роль в культурно-просветительной жизни Ярославской губернии XIX — начала XX в. до сих пор изучены недостаточно. Между тем, библиотека Демидовского лицея являлась крупнейшим книгохранилищем не только Ярославского края, но и всего Верхневолжского региона.

После преобразования в лицей Ярославского высших наук училища, открытого в 1805 г., стало очевидно, что назрела необходимость изменить книжный фонд лицейской библиотеки как в количественном, так и качественном отношении.

Основоположник российской педагогической науки Константин Дмитриевич Ушинский некоторое время после окончания Московского университета преподавал в Ярославском лицее. В 1847 г., приступив к чтению лекций, он недоуменно писал по поводу неудовлетворительного пополнения фонда лицейской библиотеки: «В течение 10 лет не выписано почти ни одной юридической книги, ни одной энциклопедии для законоведения и ни одной для финансов, библиотека не имеет даже Свода законов, а существующие книги, кроме отдела римского права, самые жалкие, тогда как кафедры других наук каждый год прибавляют много дельного и даже роскошного к богатому уже собранию»².

Составленный К. Д. Ушинским список необходимой для лицея юридической литературы был примерно в два раза урезан по приказу попечителя Московского учебного округа, так как он посчитал многие сочинения из этого списка вредными и опасными для студентов.

В результате в 1870 г., когда был создан Ярославский юридический лицей, в его библиотеке из 11 тыс. томов только 4 тыс. книг, брошюр и журналов относились к юридическому профилю, что являлось недостаточным³.

Огромный вклад в развитие лицейской библиотеки внес крупный представитель ярославской учительской интеллигенции второй половины XIX в. Михаил Николаевич Капустин (1828—1899) — новый директор лицея, который сумел существенно обогатить фонд библиотеки. Кстати, он был учителем известного российского юриста А. Ф. Кони. М. Н. Капустин занимал должность директора лицея с 1870 по 1883 г. В первый же год директорства по его инициативе в Германии было заказано более 2 тыс. юридических сочинений на иностранных языках и организована регулярная подписка на зарубежные журналы юридического профиля. Михаил Николаевич сам лично переписывался с крупнейшими книгопродавцами, составил инвентарную книгу библиотеки, т. е. вникал в тонкости ее деятельности. Естественно, будучи доктором международного права, М. Н. Капустин обладал хорошей личной юридической библиотекой, из которой неоднократно жертвовал ценные издания в фонд лицейской библиотеки. Так, в 1870 г. он передал в дар фундаментальной библиотеке лицея 250 книг по юриспруденции⁴.

Следует признать, что новый директор лицея преуспел в пополнении библиотеки серьезными юридическими трудами. Общие затраты на покупку подобных изданий составили около 90 тыс. руб. Кроме того, фундаментальная лицейская библиотека обогащалась за счет даров выпускников и обмена литературы на «Временник Демидовского юридического лицея». В фонде при М. Н. Капустине было много библиографических редкостей, а также несколько ценных юридических изданий, совокупная цена которых составляла 1 тыс. руб. В результате профессорско-преподавательский состав и студенты получили возможность работать с различными законодательными материалами, которые представляли значительный интерес для научных изысканий. В конце 1870-х — начале 1880-х гг. стараниями М. Н. Капустина фундаментальная библиотека Ярославского юридического лицея превратилась в одну из лучших среди библиотек высших учебных заведений России. Известный ярославский краевед, сотрудник лицея К. Д. Головщиков справедливо отмечал: «Близкие с лицейской библиотекой вполне могут оценить ее внутреннее богатство. Посторонние посетители, между которыми бывали и ученые иностранцы, удивлялись внешнему изяществу лицейского

книгохранилища. Красивая внешность... не принеся в жертву существо дела, придает особенно привлекательный вид библиотеке»⁵.

В 1883 г. М. П. Капустин покинул должность директора лицея. По меткому выражению С. П. Покровского — автора книги по истории лицея, «время директорства Капустина необходимо признать первой, в то же время блестящей страницей Демидовского лицея»⁶. Созданная им фундаментальная библиотека привлекала в Ярославский лицей всё новые научные кадры. Молодые преподаватели благодаря ценнейшей литературе, собранной в библиотечном фонде, могли готовить здесь диссертации. Однако, чаще всего, после получения ученой степени они покидали провинциальный Ярославль, устрояясь в университеты. Впрочем, данный факт не умаляет ценности лицейской библиотеки, которая в 1886 г. уже насчитывала 30,5 тыс. томов, не считая учебников. Следует согласиться с К. Д. Головшиковым, который писал: «Для специальной библиотеки это значительное число книг, удовлетворявшее самым взыскательным требованиям. И если бы книги одной фундаментальной библиотеки лицея уставить одну подле другой, то для этого, по точному исчислению, понадобилось бы пространство с лишком в версту»⁷.

Усилия М. П. Капустина по созданию и успешному развитию библиотеки Демидовского юридического лицея не пропали даром. Действительно, в 1913 г. лицейская библиотека по количеству литературы в своем фонде выглядела очень впечатляюще. В ней насчитывалось уже более 100 тыс. томов. По своему богатству в отношении юридического отдела она занимала среди университетских библиотек того времени второе место в России, уступая лишь фундаментальной библиотеке Московского университета⁸.

К сожалению, во время эсеровского восстания 1918 г. в Ярославле фундаментальная и студенческая библиотеки лицея полностью сгорели. Сохранились лишь те книги и журналы, которые находились на руках у преподавателей и студентов.

Не менее ярким представителем учительской интеллигенции был преподаватель и журналист Петр Андреевич Критский (1865—1922), оставивший заметный след в библиотечном деле Ярославской губернии. Он родился в городе Юрьевец Костромской губернии, окончил Московский учительский институт. Первоначально работал учителем истории и географии в Галиче, а в 1895 г.

переехал в город Углич Ярославской губернии и начал преподавать в городском трехклассном училище⁹. Петр Андреевич наряду с местными купцами-предпринимателями Евреиновыми и другими представителями местной интеллигенции стал одним из инициаторов открытия публичной библиотеки в Угличе.

Устав Угличской библиотеки, учреждение которой приурочили к коронации Николая II, был утвержден ярославским губернатором в ноябре 1896 г. Читальня открывалась «под личную ответственность учителя городского училища П. А. Критского». Именно Петр Андреевич стал первым заведующим библиотекой, торжественное открытие которой состоялось в июле 1897 г.¹⁰

С января по июнь 1897 г. (т. е. до открытия читальни) работал так называемый организационный комитет библиотеки, одним из активных членов которого являлся П. А. Критский. По инициативе данного комитета была организована выписка периодических изданий (в 1897 г. в читальном зале абсолютно бесплатно горожане могли полистать 32, а в 1898 г. — уже 46 разных журналов и газет) и закупка книг (в том числе удалось оформить подписку на Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Члены оргкомитета выработали правила внутреннего распорядка для подписчиков. Годовой абонемент для подписчиков первого разряда, желавших брать литературу на дом, стоил 5 руб., для подписчиков второго разряда — 2 руб. 50 коп. Предоставлялась возможность оформлять подписку на 1 месяц, что обошлось бы подписчикам соответственно в 50 и 25 коп. Залог за чтение книг не предусматривался. Установили следующий режим работы библиотеки: с 11 до 14·30 и с 18 до 21·30¹¹. Для рабочих, любивших посещать бесплатный читальный зал, подобный график был очень удобен. Однако в 1899 г. посещение читального зала стало платным (15 коп. в месяц или 1 коп. в день), что привело к оттоку рабочих из этого просветительного заведения. Поэтому к началу XX в. основной контингент читателей составляли купцы, чиновники и мещане. Так, в 1900 г. отчеты зафиксировали всего 203 подписчика¹². Ситуация типична для платных библиотек того времени.

На момент открытия фонд Угличской библиотеки насчитывал 4,5 тыс., к концу 1898 г. — более 7,5 тыс., а в 1912 г. — уже почти 20 тыс. томов. Бюджет читальни складывался из пособий

со стороны городской думы (100 руб.), губернского и уездного земств (по 150 руб.), абонементской платы подписчиков и пожертвований. Бесплатно пользовались библиотечной литературой учителя, учащиеся местных учебных заведений, служащие городской и земской управ. Заведующему П. А. Критскому приходилось работать в весьма напряженном режиме. Так, за первые 10 месяцев работы библиотеки отчеты зафиксировали более 5 тыс. посещений. Самым востребованным оказался отдел беллетристики. Наиболее читаемыми авторами являлись классики отечественной литературы: Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, а также малоизвестные сегодня, но популярные в конце XIX — начале XX в. писатели-беллетристы Семен Амфитеатров и Анастасия Вербицкая¹³.

П. А. Критский стал создателем первого каталога Угличской библиотеки. В обработке книг из духовно-нравственного отдела ему помогал священник о. Иоанн (Розов). В 1899 г. Петр Андреевич для ознакомления с имеющейся в фонде библиотеки литературой бесплатно разослал 60 экземпляров данного каталога земским учителям. Оставшийся тираж был распродан по 40 коп. за экземпляр. В октябре 1899 г. П. А. Критский переехал в Ярославль. Его усилия по организации работы библиотеки и ее обустройству не остались незамеченными. Городская дума выразила ему письменно благодарность «за участие в просветительных начинаниях в городе»¹⁴.

Писатель А. М. Державин (надзиратель угличского духовного училища и один из членов-учредителей читальни) в поэме «Городок» так писал об Угличской общественной публичной библиотеке:

Вот за оврагом у моста
Библиотека... Слава Богу,
Народ находит к ней дорогу,
И не совсем она пуста.
Как хорошо мне там бывало
В соседстве книг, по вечерам!
Как незаметно время там
Среди занятий протекало...¹⁵

Читальня не прекратила своего существования. В наши дни она называется Угличская центральная библиотека имени И. З. Сурикова. Имя крестьянского поэта-земляка Ивана Захаровича Сурикова ей было присвоено вскоре после Октябрьской революции 1917 г.

Уехав в Ярославль, П. А. Критский продолжил заниматься культурно-просветительной деятельностью. По его инициативе начали выходить путеводители по Ярославлю и Ярославской губернии. Рукопись П. А. Критского по истории края в 1900 г. заняла первое место как лучшая краеведческая работа на земском конкурсе, определявшем наиболее ценные краеведческие сочинения. В 1907 г. она стала основой для его книги «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения». Петр Андреевич был членом Ярославской губернской ученой архивной комиссии, активно участвовал в работе Ярославского естественно-исторического общества. Его просветительские публикации регулярно выходили на страницах «Вестника Ярославского земства», а также местных газет «Голос» и «Северный край». Он редактировал журнал «Русский экскурсант» (первое в России периодическое издание для туристов, выходившее в Ярославле с 1914 по 1917 г.)¹⁶.

В 1899 г. П. А. Критский, являясь членом Общества содействия народному образованию, принял активное участие в создании в Ярославле первой бесплатной народной библиотеки-читальни имени Н. А. Некрасова. В январе 1900 г. Петр Андреевич вошел в состав библиотечной комиссии данного просветительского заведения. Он инициировал создание в библиотеке специальной библиографической подкомиссии (нечто наподобие современных библиографических отделов). При П. А. Критском ввели карточную систему выдачи книг, в читальном зале появились не только периодические издания, но и книги, возникла идея создания специального отдела для детей и подростков, которые составляли внушительный процент среди подписчиков «Некрасовской» библиотеки¹⁷.

В 1899 г. в дни празднования 100-летнего юбилея со дня рождения великого поэта А. С. Пушкина в Ярославле зародилась идея о создании городской общественной Пушкинской библиотеки. Начался сбор частных средств для ее открытия. Городская дума выделила одновременно 1 тыс. руб. для обустройства

читальни и предоставила в безвозмездное пользование несколько комнат в здании городского театра. Ярым сторонником учреждения подобной читальни в Ярославле выступил городской голова Иван Александрович Вахромеев, пожертвовавший 500 руб. на ее развитие (впоследствии долгие годы он входил в правление библиотеки). В 1901 г. был утвержден библиотечный устав.

Торжественное открытие Пушкинской библиотеки состоялось в марте 1902 г. В своей речи редактор «Северного края» В. М. Михеев произнес знаменитые слова А. С. Пушкина: «На поприще ума нельзя нам отступать». Они превратились в своеобразный девиз данного просветительного заведения¹⁸.

Для заведования Пушкинской библиотекой был приглашен П. А. Критский, который занимал эту должность до 1906 г. На момент открытия, благодаря усилиям правления читальни и частным пожертвованиям, удалось довести библиотечный фонд почти до 6 тыс. томов. К концу 1903 г. в библиотеке насчитывалось уже более 8,5 тыс. томов, был создан каталог. В дальнейшем, хотя средств катастрофически не хватало, правлению читальни удавалось поступательно увеличивать количество книг в фонде. К 1914 г. в каталоге библиотеки состояло уже более 20 тыс. книг¹⁹.

Сумев правильно организовать работу библиотеки и читального зала, П. А. Критский привлек к чтению достаточно много горожан. Пока он руководил данным просветительным заведением (до 1906 г.), отчеты регистрировали порядка 750 подписчиков в год. Основной контингент читателей составляли служащие государственных и общественных учреждений Ярославля, а также гимназисты и студенты. Рабочие, ремесленники и другие представители простого городского населения пользовались, как правило, только бесплатным читальным залом. Кстати, при Критском в 1902—1906 гг. посещаемость читального зала была очень хорошей и превышала 15,5 тыс. раз ежегодно. Подобная популярность вполне объяснима, т. к. оформить годовой абонемент стоимостью в 3 руб. мог себе позволить далеко не каждый горожанин²⁰.

В 1906 г. П. А. Критский перестал заведовать библиотекой и работал учителем в торговой школе. В годы революции 1905—1907 гг. Пушкинская библиотека превратилась в очаг большевистской пропаганды и рассадник вольнодумства. Так, членом

правления библиотеки в это время был известный большевик, руководитель местной революционной организации В. Р. Менжинский. В помещении читальни он даже хранил партийный архив. В 1907 г. в читальном зале рядом с бюстом А. С. Пушкина появился портрет К. Маркса. В том же году полиция провела обыск в библиотеке и конфисковала 280 нелегальных книг. С 1912 г. заведующим читальни стал Л. Ф. Кононов (в действительности это был большевик В. Н. Доринский), который продолжил революционную деятельность в стенах библиотеки. В 1915 г. его арестовали, а читальню «за вредное направление» закрыли на три месяца. В том же году на должность заведующего Пушкинской библиотекой вернулся П. А. Критский, и это просветительное заведение продолжило свою работу, лишившись общественного управления и перейдя под личный контроль губернатора²¹.

Следует констатировать, что к 1917 г. Пушкинская библиотека превратилась в солидное культурно-просветительное заведение Ярославля, для развития которого немало сил потратил П. А. Критский, руководивший читальней до 1919 г. В это время количество подписчиков составляло около 2 тыс. человек в год, а число посещений ежегодно исчислялось почти 25 тыс. раз. Правление с гордостью отмечало, что «по интенсивности своей деятельности библиотека занимает одно из первых мест в числе двенадцати крупнейших библиотек России»²². Преемницей Пушкинской библиотеки в наше время является Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова.

Таким образом, П. А. Критский волею судьбы оказался у истоков становления трех крупнейших общественных библиотек Ярославской губернии. В развитие каждой из них он внес свою посильную лепту. При всех талантах этого незаурядного человека современники, тем не менее, отмечали, прежде всего, одну его черту: «Он горячо любил книгу и, как книголюб, был еще прекрасный библиотеквед и опытный библиотечарь-организатор. Беседовать о книге он был великий мастер...»²³ Имя Петра Андреевича Критского не забыто. В его честь назван один из переулков в современном Ярославле.

Безусловно, библиотеки — это неотъемлемая часть отечественной культуры. Они представляют собой социокультурный институт, а информация, хранящаяся в библиотеках, является

отражением культуры. Библиотечное дело всегда было одной из важнейших составляющих культурного пространства России. Библиотеки, как в прошлом, так и в настоящем (пусть несколько в меньшей степени), оказывают заметное влияние на мировоззрение своих читателей, на формирование отдельной личности и общества в целом, являясь основой для культурного прогресса. Хотя в настоящее время кому-то может показаться, что библиотеки уходят в прошлое, а через 5—10 лет в результате дальнейшей информатизации и компьютеризации нашего общества вообще окажутся невостребованными. Нам представляется, что библиотеки, безусловно, будут существовать и в дальнейшем, используя в своей деятельности новейшие интернет-технологии и другие инновации.

Президент России В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что «считает необходимым укрепить роль библиотек как центров образования и просвещения»²⁴. На VII съезде Российского книжного союза еще в сентябре 2011 г. он заметил, что библиотеки, от которых «зависит культура страны в целом», являются одной из очень значимых тем, заявив при этом: «Мы продолжим расширение библиотечной сети, прежде всего в отдаленных городах и поселках, будем повышать социальный статус библиотекарей. Подчеркну: этот вопрос должен находиться под постоянным контролем и вниманием властей всех уровней — и федеральных, и региональных, и муниципальных»²⁵.

Во второй половине XIX — начале XX в. немалый вклад в развитие библиотечного дела вносила местная интеллигенция. Учительская интеллигенция как никто лучше понимала, что библиотеки были востребованными культурно-просветительными заведениями, важным элементом сферы образования, науки, культуры, интеллектуального и культурно-досугового обслуживания. Там находили необходимую информацию для удовлетворения своих читательских предпочтений представители различных сословных, возрастных и гендерных групп населения российской провинции. Можно утверждать, что к 1917 г. благодаря существовавшим тогда библиотекам постепенно начали складываться условия для того, чтобы превратить печатное слово в обычный атрибут повседневной жизни и важный элемент досуга не только интеллектуальной аристократии, но и простого жителя.

Следует констатировать, что до 1917 г. на территории Верхнего Поволжья в целом и Ярославской губернии в частности, поступательное развитие библиотечного дела происходило главным образом за счет инициативы на местах, где именно наиболее передовые представители местной интеллигенции играли не только не последнюю, а порой и определяющую роль. Следовательно, библиотечное пространство в дореволюционной России, прежде всего, создавали энтузиасты-общественники, а не государство. Одновременно в ходе библиотечного строительства шло формирование элементов гражданского общества.

Примечания

- ¹ *Соловьев А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 21.
- ² *Иванов А. Н.* Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле: исследование и док. о науч.-пед. и лит. деятельности. Ярославль, 1963. С. 188—189.
- ³ *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в городе Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803—1903 год): ист. очерк. Ярославль, 1903. С. 4.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ *Головщиков К. Д.* История Демидовского юридического лицея в Ярославле (1803—1899 гг.). Ярославль, 1900. С. 76.
- ⁶ *Покровский С. П.* Демидовский лицей в городе Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 197.
- ⁷ *Головщиков К. Д.* Указ. соч. С. 77.
- ⁸ Ярославль в его прошлом и настоящем: ист. очерк-путеводитель. Ярославль, 1913. С. 178.
- ⁹ *Гуляева С. Л.* Петр Андреевич Критский — первый заведующий Ярославской общественной городской Пушкинской библиотекой // История ярославских библиотек в лицах: II гор. чтения. Ярославль, 2002. С. 24.
- ¹⁰ *Ерохина С. В.* К предыстории открытия Угличской городской публичной библиотеки // Книжная культура Ярославского края — 2008: материалы науч. конф. Ярославль, 2008. С. 49.
- ¹¹ *Критский П. А.* Угличская публичная библиотека. Ее организация и отчет за первый год существования. Углич, 1899. С. 3.

- ¹² Резвина К. Я. Угличская городская библиотека имени И. З. Сурикова // Слово о библиотеке : ст. и публ. к 110-летию Центр. б-ки им. И. З. Сурикова. Рыбинск, 2008. С. 12, 14—15.
- ¹³ Кузнецова К. В. Старейшая в губернии: история создания библиотеки имени И. З. Сурикова // Из истории библиотек Ярославского края : материалы библиотечных чтений, посвящ. общерос. дню б-к. Ярославль, 2004. С. 22—23.
- ¹⁴ Резвина К. Я. Указ. соч. С. 11, 14—15.
- ¹⁵ Кузнецова К. В. Указ. соч. С. 22—23.
- ¹⁶ Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 7. Д. 560. Л. 190—193.
- ¹⁷ Климова Л. М. Первая народная имени Н. А. Некрасова // Из истории библиотек Ярославского края. Ярославль, 1999. С. 18.
- ¹⁸ Отчет Ярославской общественной городской Пушкинской библиотеки за 1901 и 1902 гг. Ярославль, 1903. С. 8—11.
- ¹⁹ Отчет Ярославской общественной городской Пушкинской библиотеки за 1903 г. Ярославль, 1904. С. 17.
- ²⁰ Отчет Ярославской общественной городской Пушкинской библиотеки за 1903 г. С. 23 ; Отчет Ярославской общественной городской Пушкинской библиотеки за 1906 г. Ярославль, 1907. С. 8.
- ²¹ Федюк Г. П. «На поприще ума» : столетняя история Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова. Ярославль, 2002. С. 21—22.
- ²² Кузнецова Е. А., Гуляева С. Л. Ярославская областная библиотека // Из истории библиотек Ярославского края. Ярославль, 1999. С. 15.
- ²³ Гуляева С. Л. Указ. соч. С. 26.
- ²⁴ Владимир Путин считает необходимым укрепить роль библиотек как центров образования и просвещения. URL: <http://blog.shikate.ru/3726/vladimir-putin-schitaet-neobходимым-ukreplit-rol-bibliotek-kak-centrov-obrazovaniya-i-prosveshheniya/#sthash> (дата обращения: 18.02.2017).
- ²⁵ В. Путин о библиотеках, об электронной и бумажной книге, о защите прав писателей от нелегального распространения их произведений в сети Интернет. URL: <http://www.aselibrary.ru/blogs/archives/863/> (дата обращения: 18.02.2017).

Л. В. Климович

**ГРИГОРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЛОЗИНСКИЙ:
ИНТЕЛЛИГЕНТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ**

Революционные события в России 1917 г. и дальнейшая Гражданская война заставили покинуть Родину представителей как старшего, так и младшего поколения российских подданных. Массовый отток из России шел до середины 1920-х гг., он сформировал подобие российского общества в изгнании, в котором были представлены все слои русского дореволюционного общества. Социальный состав был достаточно пестрым, и интеллигенция насчитывала не более трети эмигрантов. Но именно она сыграла роль в формировании феномена «Зарубежная Россия». Находясь в эмиграции, интеллигенция осознавала свою историческую миссию — сохранить дореволюционную культуру, традиции для будущей России.

Среди знаменитых эмигрантов ученых стоит назвать имена авиационного конструктора И. И. Сикорского, разработчика телевизионных систем В. К. Зворыкина, химика В. Н. Игнатьева и многих других. По данным Русского научного института в Белграде, на 1931 г. было зарегистрировано 1612 русских ученых-эмигрантов, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе пять академиков¹.

© Климович Л. В., 2017

Климович Людмила Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета. lusek84@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках гранта Министерства образования и науки Российской Федерации и DAAD по программе «Иммануил Кант».

Автор выражает благодарность архивариусу Марии Классен (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen — FSO) за помощь в организации архивных поисков.

Воспитание молодежи в духе любви к Родине, знание культуры и истории России являлись одной из приоритетных задач, стоящих перед высокообразованной частью эмиграции. Особую роль в этом деле сыграли педагоги — школьные учителя, вузовские преподаватели.

Одним из таких людей был Григорий Леонидович Лозинский. Родился он в Петербурге 7 января 1883 г. в семье известного цивилиста присяжного поверенного Леонида Яковлевича Лозинского. По воспоминаниям сестры, он рано начал проявлять педагогические способности и смог обучить грамоте свою няню. В 17 лет закончил Санкт-Петербургскую первую гимназию с золотой медалью. В 1910 г. окончил юридический факультет, в 1915 г. романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1910 г. проходил стажировку в Париже в *Ecole des Hautes Etudes* при Сорбонне, освоил курс румынского языка. После возвращения в Россию продолжил заниматься романской и германской филологией, с 1915 г. работал во Французском институте и читал лекции по старофранцузскому языку на Высших педагогических курсах *Alliance Francaise*. Революция 1917 г. внесла свои коррективы в карьеру Лозинского, в 1918 г. он был избран приват-доцентом Петроградского университета, преподавал португальский язык и литературу, параллельно романскую филологию в Высшем женском педагогическом институте.

Он активно занимался переводами для издательства «Всемирная литература». При его участии в издательстве вышли сочинения итальянских, португальских и аргентинских классиков. С 1918 г. работал в Петербургской библиотеке (в настоящее время Российская национальная библиотека). В 1921 г. был вынужден эмигрировать сначала в Финляндию, затем в Париж. Уезжал он тайно, некоторые подробности отъезда освещены в документальном фильме Ивана Толстого² «Забытый Лозинский»³, бегство было связано с «делом Гумилева»⁴. Переехал он вместе с матерью к сестре Елизавете Леонидовне Миллер (супруге В. А. Миллера). В Советской России остался его брат Михаил Григорьевич Лозинский с семьей, встретиться им больше так и не удалось.

Именно в Париже он посвятил себя педагогической деятельности, был преподавателем и инспектором Русской средней школы-гимназии в Париже. Как вспоминает сестра: «Для Г[ригория] Л[еоновича] началась материально тяжелая, но морально свободная жизнь русского ученого эмигранта»⁵.

В России известен его брат Михаил Лозинский — поэт и переводчик. Имя же Григория Леонидовича забыто⁶. Интересный факт доказали исследователи: он внес свою лепту в знаменитый перевод «Дон Кихота» Сервантеса, уже будучи во Франции. Проблемой авторства перевода занималась Мария Толстая⁷. Коллеги по издательству «Всемирная литература», которое в 20-е гг. закрылось и возродилось под именем «Academia», предложили ему принять участие в переводе. Согласился он не сразу, над текстом трудился коллектив переводчиков. Работа продвигалась быстро, но сразу стало ясно, что указать открыто имена переводчиков в издании не удастся. Первый том вышел в 1929 г., на титульном листе значилось: «Перевод под редакцией и с вступ. статьями Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова»⁸, имена переводчиков указаны не были.

В личном фонде Г. Л. Лозинского, который хранится в архиве Исследовательского центра стран Восточной Европы при Бременском университете (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen — FSO), отложились документы о его общественной и преподавательской деятельности. Документы представлены как в виде ксерокопий, так и оригинальными материалами. В архив они были переданы его дочерью Мариной Лозинской (Гросс) в 1994—1996 гг., 1997, 2004 гг. Марина родилась в 1929 г. в браке с Марией Сергеевной Кореновой. Дочь также посвятила себя педагогической деятельности.

Всецело отдаваясь педагогической деятельности, Лозинский стремился помочь русской молодежи получить полноценное европейское образование. С 1922 по 1940 г. он читал лекции по старофранцузскому языку на историко-филологическом отделении Русского научного института при Сорбонне. На его курс записывались не только русские эмигранты, но и студенты-французы⁹. Помимо преподавания Лозинский занимался административной деятельностью на посту секретаря этого института, а после смерти декана Николая Карловича Кульмана был избран

деканом историко-филологического факультета. Отдавая всё свое личное время ученикам, он по вечерам готовил к экзаменам русских юношей в Народном университете, которые не могли посещать занятия днем и сдавали экзамены экстерном, а также занимался с французскими детьми, выбравшими вторым языком русский.

Г. Л. Лозинский вел активную педагогическую деятельность в Русской средней школе-гимназии в Париже, был ее инспектором. Гимназия, основанная в 1920 г., представляла полный восьмиклассный курс. Программа школы соответствовала дореволюционной, «но поставленная в связи с главнейшими требованиями французской средней школы (лицеями) — усиленное преподавание французского языка и литературы и начал высшей математики, на французском языке в старших классах»¹⁰. Изначально школа была учреждена при российском посольстве при содействии М. А. Маклаковой¹¹.

Архивные материалы, касающиеся преподавательской деятельности Лозинского, разнообразны: это подготовленные им учебные планы и программы по русскому языку и литературе, по народной словесности, по древней письменности и литературе конца XVIII—XIX в., латинскому языку. Темы сочинений, разработанные Лозинским, требовали от учеников глубоких знаний не только по содержанию произведения, но и по истории России. Сохранились в архиве экземпляры самодельного журнала «Молодые побег», на страницах которого воспитанники печатали свои произведения.

Интерес представляет переписка Г. Л. Лозинского с бывшими учениками, с которыми он поддерживал теплые отношения, интересовался их дальнейшей судьбой. Письма учеников, с благодарностью или вопросами, позволяют говорить о нем как о педагоге, сумевшем установить контакт с детьми: «Я много вынесла из Ваших уроков и сохраню о них самые лучшие воспоминания»¹².

В своих письмах ученики советовались с ним. Он чувствовал проблемы детей, за советом к нему обращались и родители. Например, мама Киры Чернышовой, Софья Андреевна, просила его о встрече, поскольку Кира не получила стипендию и семье нечем платить за обучение¹³. К сожалению, документы не дают возможности установить, как был решен проблемный вопрос.

Сестра Лозинского вспоминает, что он занимался с выпускниками дополнительно бесплатно, чтобы они смогли сдать вступительные экзамены в университеты: «Эти знания очень ценились учениками и давали им очень много»¹⁴. Все детские письма он бережно хранил, в них также содержатся просьбы о дополнительной консультации: «Мы очень просим прийти завтра, как Вы предложили нам, в 2 часа в гимназию, так как мы хотим попросить Вас разъяснить некоторые вопросы по литературе»¹⁵. В этих письмах отражается непосредственность детей, наивность: «Мне хотелось бы брать уроки как можно чаще, но я не могу много платить»¹⁶. Школьники на дом высылали Лозинскому свои сочинения на проверку: «Посылаю Вам мое сочинение. Я его переписал в школе»¹⁷. Он никому не отказывал в помощи — и советом, и делом.

Его авторитет педагога был бесспорен: к нему обращался за консультацией великий князь Владимир Кириллович. Переговоры с Лозинским вела учительница Екатерина Антоновна Шамье¹⁸, называя великого князя своих в письмах «мой ученик»: «Через Екатерину Антоновну Шамье было получено Ваше принципиальное согласие дать Великому Князю Владимиру Кирилловичу несколько уроков французского языка перед экзаменом»¹⁹. Она обговаривала с ним количество и время занятий по французскому языку: «Хотела бы иметь от Вас ответ относительно дней и часов занятий и очень Вам благодарна за всё»²⁰.

Атмосфера, царившая в школе во многом благодаря ее педагогам, способствовала консолидации учеников и после ее окончания. Выпускниками было создано Общество бывших воспитанников Русской средней школы в Париже, которое выпускало свой Бюллетень, в фонде Лозинского хранятся два номера за 1927 и 1928 гг. Общество вело культурную деятельность и поддерживало связь с учителями, приглашая их на свои мероприятия. Например, в феврале 1933 г. Лозинский был приглашен на организуемую обществом вечеринку²¹. Доходы, полученные от балов и вечеринок, делились поровну между обществом и школой²². Общество существовало в основном на членские взносы в размере 5 франков в год. Но столь малая сумма взноса являлась «главным образом актом солидарности»²³.

Лозинский входил в состав Педагогического совета школы и проработал в ней до конца своих дней. Как вспоминала его

сестра, он посвятил «все свои силы воспитанию русского юношества, лишенного родни. Уже будучи смертельно болен, он с трудом добирался до школы, не желая, как он говорил, “подвести” своих учеников накануне выпускного экзамена»²⁴.

Кроме непосредственно преподавания, Г. Л. Лозинский занимался решением социальных проблем учеников. С 1931 г. он состоял в Обществе помощи детям беженцев из России²⁵, в 1932 г. был избран членом Совета данного общества²⁶. До 1936 г. Общество возглавляла Мария Алексеевна Маклакова, родная сестра Василия Алексеевича Маклакова. На заседаниях общества обсуждались вопросы, в том числе и педагогического плана: восстановление уроков истории Франции в 5-м классе, изменение учебного плана в связи с требованиями Французского министерства народного просвещения²⁷, распределение учебной нагрузки между преподавателями²⁸, празднование 15-летия гимназии²⁹. На заседаниях Общества было одобрено постановление министра народного просвещения Франции об утверждении Бориса Андреевича Дурова директором Русской гимназии³⁰, он возглавлял ее до самого закрытия в 1961 г.

Повестки заседаний Совета Общества показывают, что оно ведало вопросами организации Русской школы в Париже. У Лозинского на счет работы Общества были свои соображения, он критиковал непериодичность и неоперативность созыва заседаний Совета для решения таких вопросов, как распределение учебной нагрузки. В подтверждение он приводит тот факт, что утверждение учебной нагрузки, программы, приглашение новых преподавателей произошло только 25 октября. Он предлагает проводить заседания в июле, чтобы к новому учебному году уже было известно о программе и нагрузке преподавателей: «На них и до разъезда членов Совета будут решены все вопросы, вытекающие из опыта закончившегося учебного года и касающиеся будущего, с таким расчетом, чтобы преподаватели и администрация заранее знали, как сложится их работа в предстоящем году»³¹. В фонде сохранились повестки заседаний за 1931—1938 гг.

Свое педагогическое мастерство Лозинский постоянно подкреплял научными изысканиями. Он был членом научно-философского общества, печатал научные статьи и рецензии на разных языках на страницах периодических изданий. Статьи на французском

языке о русской истории и культуре способствовали ознакомлению французов с русской литературой, которую французская публика знала мало³². Сестра Лозинского вспоминает, что он работал над интересным исследованием «Русский Глозель», но смог опубликовать только первую часть на французском языке, вторая часть так и не вышла в связи с условиями военного времени. Судьба рукописи неизвестна, в архиве FSO ее обнаружено не было. Возможно, она хранится в документах Е. Л. Миллер в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в США. Часть печатных материалов, в их числе магистерская диссертация, в 1962 г. была передана его дочерью Мариной в Библиотеку Колумбийского университета³³.

Г. Л. Лозинский был эрудированным человеком, знал 18 языков, на некоторых говорил свободно. В 1939 г. он защитил магистерскую диссертацию по старофранцузскому языку³⁴: «Хотя я не нашел в сегодняшней газете сообщения о Вашем диспуте, но не сомневаюсь, что Вы блестяще защитили диссертацию, и от души Вас поздравляю»³⁵.

К нему обращались за советом другие учителя, в том числе его бывшие гимназистки. Так, сохранилось письмо некоей Ирины Винтельфельдт (фамилия установлена неточно) с просьбой дать совет, как лучше обучать латинскому языку, необходимо ли давать углубленное изучение римской истории, как объяснять переводы ученикам. Письмо заканчивается словами: «Но ведь право, Вы единственный человек, у которого я могу это спросить»³⁶.

Являясь членом академической группы в Париже, Лозинский участвовал в съездах русских академических организаций в Праге в 1924 г. и Белграде в 1927 г., «где читал доклады и участвовал в выработке программ занятий с русскими детьми для борьбы с денационализацией»³⁷. На съезде 1927 г. им был прочитан доклад «Россия в средневековой французской литературе».

Преподавательскую деятельность Лозинский совмещал с издательской: готовил материалы для издания брошюры «Преподавание русского языка и литературы в воскресных и четверговых школах», о чем сообщается в письме Василия Зеньковского от 7.12.1932 г.³⁸ Требования к изданию предъявлялись строгие: «Программы по языку и систематическому обучению литературы должны быть отдельны, но в программу по отечественному

чению должны входить отрывки из лучших произведений русской литературы... очень прошу Вас написать брошюру в три дня, т. к. к 15/1 она должна быть уже в типографии»³⁹.

Издание авторской программы Лозинского еще раз подчеркивает его важность среди педагогических кругов эмиграции. Василий Зеньковский, возглавлявший Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей в Праге, привлекает именно его к изданию программы.

Лозинский продолжал сотрудничать с издательством «Петрополис», которое после революции в России тоже переместилось в эмиграцию. Он был сотрудником парижского ежемесячника «Le Mois», товарищем председателя Общества друзей русской книги и редактором «Временника общества друзей русской книги». Как знаток русской литературы участвовал в подготовке книги на французском языке «История Русской литературы с ее возникновения до наших дней»⁴⁰.

Все значимые мероприятия эмигрантской общины проходили с его участием, так было и с юбилеем А. С. Пушкина в 1937 г. Григорий Леонидович входил в Центральный Пушкинский комитет, образованный в конце февраля 1935 г. Вопросы работы комитета он обсуждал в переписке с товарищем председателя Михаилом Михайловичем Федоровым, являлся его генеральным секретарем и входил в состав Президиума. Лозинский занимался сбором средств в «Пушкинский фонд», 7 марта 1936 г. ему был выдан подписной лист № 9⁴¹. Он входил в редакционную комиссию Пушкинского комитета, принимал участие в подготовке юбилейного издания произведений А. С. Пушкина⁴².

Его важность и значимость отмечена приглашением в Литературную комиссию при Пушкинском комитете, которая занималась вопросом освещения юбилея Пушкина во французской печати и знакомства французского читателя с наследием Пушкина: «Необходимо появление не только в русской зарубежной, но и в иностранной печати статей, посвященных творчеству Пушкина и значению юбилея, как в самый день столетия его смерти, так и до того, для подготовки надлежащего торжественного ознаменования этого дня»⁴³. Им был написан ряд статей для французской печати, вышла его книга⁴⁴.

Один из малоизвестных интересов Лозинского — история и культура русской Аляски, «с продажей которой Америке он никогда

не мог примириться»⁴⁵. Он вел переписку с православными священниками с Аляски, посылал им русские книги и учебники. Им была подготовлена статья «Русская печать в Аляске и для Аляски» в альманахе «Временника Общества друзей русской книги»⁴⁶.

С началом Второй мировой войны Лозинский оказался в оккупированном Париже, положение его было очень тяжелым. Война прервала привычный ход жизни: закрывались издательства, «связанное с войной резкое ухудшение материального положения ввиду закрытия вышеупомянутых издательств, непосильная работа, полное отсутствие отдыха»⁴⁷ — всё это сказалось на его здоровье. Скончался Григорий Леонидович Лозинский 12 мая 1942 г. после тяжелой болезни, отпевание прошло в Александро-Невском кафедральном соборе.

Архивное собрание, сохранившееся в Бремене, является уникальным, так как основной массив архивных документов Лозинского погиб во время пожара в доме его дочери в Мюнхене в 2012 г.⁴⁸

Личность Г. Л. Лозинского один из примеров самоотверженного труда педагога. Для русских эмигрантов этот поистине нелегкий труд оказался сложным, так как приходилось не только давать детям знания, но и прививать любовь к родной истории и культуре, к России, которую они никогда не видели и не знали.

Важное место в сохранении русской культуры сыграли интеллигенты-эмигранты из России. Каждый старался внести свой вклад, Григорию Леонидовичу Лозинскому это удалось как на преподавательском поприще, так и на научном.

Примечания

¹ Колчинский Э. И. Наука и эмиграция: судьбы, цифры и свершения // Наукоеведение. 2003. № 3. С. 205.

² Толстой Иван Никитич (р. 1958) внук Михаила Леонидовича Лозинского, брата Г. Л. Лозинского.

³ Исторические путешествия Ивана Толстого. Серия 4 : «Забывтый Лозинский». URL: <http://www.ruarchive.com/archives/12226> (дата обращения: 04.02.2017).

⁴ 3 августа 1921 г. Николай Гумилев был арестован по подозрению в заговоре Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева. Михаила Леонидовича Лозинского за попытку выручить Гумилева арестовали, но вскорепустили. Н. Гумилев в конце августа 1921 г. был расстрелян.

- ⁵ Архив исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете, Германия (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen — FSO). F. 01—045 (Г. Л. Лозинский). Картон 2 (Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском). Дата написания предположительно 1959 г.
- ⁶ Обнаруженные нами опубликованные сведения о Г. Л. Лозинском: *Dolinina A. A. Forgotten name: Grigory Lozinsky's life and scholarly work // Культурология : the Petersburg Journal of Cultural Studies. 1993. Vol. 1. № 3. P. 91—98*; Незримый Лозинский : к 120-летию со дня рождения Григория Леонидовича : передача на «Радио Свобода» от 16.02.2009 г. URL: <http://www.svoboda.org/a/1494875.html> (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁷ *Толстая М. А.* К проблеме авторства перевода романа Сервантеса «Дон Кихот» для издательства «Academia» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 3. С. 56—59.
- ⁸ *Сервантес С. М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Л., 1929. Т. 1. В 1932 г. вышел второй том. Этот перевод выдержал несколько изданий.
- ⁹ FSO. F. 01—045. Картон 2.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.Р-5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Подробнее см.: *Климович Л. В.* Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20—30-е гг. XX века : (на материалах Русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. № 8. С. 134—146.
- ¹¹ Маклакова Мария Алексеевна (1877—1957) — сестра публициста и общественного деятеля В. А. Маклакова, с 1917 г. жила в Париже. Возглавляла Комитет временной помощи русским во Франции, была одной из основательниц Русской гимназии в Париже. Участвовала в работе многих общественных и благотворительных организаций. В годы Второй мировой войны основала Общество помощи бедным русским.
- ¹² FSO. F. 01—045. Картон 1 (Письмо ученицы Е. Алексеевой Г. Л. Лозинскому) [б. д.].
- ¹³ Там же. Письмо С. А. Чернышевой Г. Л. Лозинскому от 13.08.1931 г.
- ¹⁴ Там же. Картон 2 (Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском).
- ¹⁵ Там же. Картон 1 (Письмо учеников Г. Л. Лозинскому от 21.06.1925 г.).
- ¹⁶ Там же. Письмо Т. Шоллар Г. Л. Лозинскому от 25.08 [?].
- ¹⁷ Там же. Картон 2 (Письмо Н. Туяновского (фамилия установлена не точно) Г. Л. Лозинскому) [б. д.].
- ¹⁸ Шамье Екатерина Антоновна (1889—1950). Была одной из ближайших сотрудниц М. Кюри. Участвовала в создании Русской гимназии

- в Париже и преподавала в ней. После Второй мировой войны работала в Русском высшем техническом институте. Автор монографий: «Новые принципы психологии, их приложение к изучению систем знаний и личности» (1937), «Психология познания, формирование, структура и эволюция научного знания» (1950).
- ¹⁹ FSO. F. 01—045. Картон 5 (Письмо Г. К. Графа [предположительно] Г. Л. Лозинскому от 19.09.1936 г.).
- ²⁰ Там же. Письмо Е. А. Шамье Г. Л. Лозинскому от 25.09.1936 г.
- ²¹ Там же. Картон 1 (Приглашение инициативной группы бывших воспитанников Русской гимназии в Париже Г. Л. Лозинского на вечеринку 11 февраля 1933 г.).
- ²² Там же. Письмо Н. Гронского Г. Л. Лозинскому от 14.03.1929 г.
- ²³ Там же. Бюллетень общества бывших воспитанников Р[усской] С[редней] Ш[колы] в Париже. № 1. 30.12.1927. Рукописный вариант. С. 4.
- ²⁴ Там же. Картон 2 (Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском).
- ²⁵ Там же. Картон 1 (Извещение за подписью секретаря Совета Общества помощи детям беженцев из России С. Г. Попича об избрании Г. Л. Лозинского в члены Общества от 19 марта 1931 г.).
- ²⁶ Там же. Извещение за подписью председателя Е. Ковалевского и секретаря С. Г. Попича об избрании Г. Л. Лозинского членом Совета Общества помощи детям беженцев из России от 18.04.1932 г.
- ²⁷ Там же. Извещение о проведении заседания Совета Общества помощи детям беженцев из России от 10.02.1932 г.
- ²⁸ Там же. Извещение о проведении заседания Совета Общества помощи детям беженцев из России от 14.09.1932 г.
- ²⁹ Там же. Извещение о проведении заседания Совета Общества Помощи Детям Беженцев из России от 05.10.1934 г.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Соображения о реорганизации внутреннего распорядка Совета Общества помощи детям беженцев из России. Ноябрь 1933 г.
- ³² См.: *Lozinski G.* La première littérature russe: histoire d'un plagiat // *Revue des études slaves.* 1936. Vol. 16, № 1. P. 5—17; *Lozinski G.* Le «Musée slave» de Pierre Dubrovskij: un Glozel slavons // *Revue des études slaves.* 1938. Vol. 18, № 3. P. 214—223; *Lozinski G.* Remarques sur l'origine du préfixe français mes-, me- // *Romania.* 1924. Vol. 50, № 200. P. 515—540; *Lozinski G.* Un fragment du Bestiaire d'amour de Richard de Fournival // *Romania.* 1925. Vol. 51, № 204. P. 561—568; *Lozinski G.* Philologie romane et philologie japhétique // *Romania.* 1933. Vol. 59, № 233. P. 96—119; *Lozinski G.* Encore un manuscrit du Petit Artus de Bretagne // *Romania.* 1938. Vol. 64, № 253. P. 104—107; *Miracles de*

- Sainte Geneviève, éd. Cl. Sennewaldt // *Romania*. 1940. Vol. 66, № 264. P. 538—540 ; La bataille de Caresme et de Charnage : édition critique avec introduction et glossaire par Gregoire Lozinski. Paris, 1933.
- ³³ Описание документов, переданных М. Лозинской (Гросс). URL: http://www.columbia.edu/cu/libraries/inside/working/RBML_Finding_Aid/s/ldpd_bak_4077778.pdf (дата обращения: 02.02.2017).
- ³⁴ *Lozinski G.* De Saint Bon, évêque de Clermont, miracle versifié: par Gautier de Coinci, édition critique d'après tous les manuscrits connus. Helsinki, 1938.
- ³⁵ FSO. Ф. 01—045. Картон 5 (Письмо С. Яблонского Г. Л. Лозинскому от 10.07.1939 г.).
- ³⁶ Там же. Картон 2 (Письмо И. Винтельфельдт [предположительно] Г. Л. Лозинскому) [б. д.].
- ³⁷ Там же. Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском.
- ³⁸ Там же. Картон 1 (Письмо В. Зеньковского Г. Л. Лозинскому от 07.12.1932 г.).
- ³⁹ Там же. Письмо В. Зеньковского Г. Л. Лозинскому [январь 1933 г. — предположительно].
- ⁴⁰ Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours / *M. Hofmann, avec la collab. de G. Lozinski et C. Motchoulski*. Paris, 1934.
- ⁴¹ FSO. Ф. 01—045. Картон 2 (Сбор в «Пушкинский фонд». Подписной лист № 9, выданный 7 марта 1936 года Пушкинским комитетом Г. Л. Лозинскому).
- ⁴² *Пушкин А. С.* Евгений Онегин : роман в стихах / коммент. М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря и Г. Л. Лозинского ; под ред. М. Л. Гофмана. Париж, 1937.
- ⁴³ FSO. Ф. 01—045. Картон 2 (Информационная справка. Пушкинский комитет) [б. д.].
- ⁴⁴ *Lozinski G.* La Littérature française et Pouchkine // *Revue de littérature comparée consacrée à Pouchkine 1799—1837 pour le centenaire de sa mort*. 1937. № 65 (janvier — mars). P. 37—63 ; *Lozinski G.* Une facétie pouchkinienne sur Bulgarin // *Revue des études slaves*, 1937. Т. 17. Fasc. 3 et 4. P. 248—252.
- ⁴⁵ FSO. Ф. 01—045. Картон 2 (Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском).
- ⁴⁶ *Лозинский Г.* Русская печать в Аляске и для Аляски // *Временник общества друзей русской книги*. 1938. Вып. 4.
- ⁴⁷ FSO. Ф. 01—045. Картон 2 (Воспоминания Е. Л. Миллер о Г. Л. Лозинском).
- ⁴⁸ *Толстой И.* Дон Кихот — русский и тайный. URL: <http://www.svoboda.org/a/27071884.html> (дата обращения: 03.02.2017).

В. М. Тюленев

ТРАДИЦИИ РИМСКОЙ ШКОЛЫ И ВИВАРИЙ КАССИОДОРА

Пожалуй, трудно переоценить роль Магна Флавия Кассиодора — когда-то квестора, затем магистра оффиций в Остготской Италии, наконец ставшего частным лицом, сошедшим с политической сцены, — в деле становления средневековой западноевропейской культуры. Несмотря на существование весьма полярных оценок его как мыслителя и писателя, от восхищения¹ до отказа ему в оригинальности мысли², бесспорным остается его вклад в становление христианской педагогики на христианском Западе VI в.³ Когда же речь заходит об этом «педагогическом» вкладе Кассиодора, обычно и вполне справедливо исследователи обращаются к опыту создания им ок. 554 г. Вивария — монастыря и одновременно крупного интеллектуального центра на юге Италии, с богатейшей по тем временам библиотекой, а также к его сочинению «Наставления в науках божественных и светских»⁴.

Судя по предисловию Кассиодора к «Наставлениям», еще до основания Вивария он намеревался при поддержке папы Агапита (примерно в 536 г.) открыть в Риме богословскую школу (*Cassiod. Inst. I. Pr. 1*), а потому сами «Наставления» можно рассматривать как сочинение, предназначенное не только для монахов Вивария, но и отражающее понимание Кассиодором того, как должна быть устроена богословская школа вообще и какое место в ней должен (и должен ли) занять накопленный античной культурой багаж.

© Тюленев В. М., 2017

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. tyulenev.vl@yandex.ru

Исследование проведено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и социальных наук РФФИ (проект № 16-06-00461а «Римская школа и античная образованность в Южной Галлии и Италии на рубеже V—VI вв.»).

Проблема отношения христианства к системе знаний и форме мышления, сформированной в языческой греческой и римской культурах, возникла, пожалуй, как только христианство еще в апостольские времена покинуло Иерусалим, а затем и Палестину⁵. По мере распространения христианства в неиудейской среде и по мере обращения в него представителей интеллектуальной элиты эллинистического мира этот вопрос занял важное место в апологетической христианской литературе, что, безусловно, отражало острую полемику, возникшую в Церкви вокруг него. Уже во времена гонений в Церкви сложилось два основных направления, в рамках которых этот вопрос получал то или иное решение.

С одной стороны, такие яркие писатели, как Юстин Мученик, Климент Александрийский и Лактанций, в своих сочинениях выступали за сближение христианства с греко-римской культурой, подчеркивая сопричастность самой греческой философии к библейской мудрости. И если Климент убеждал своих читателей в том, что греческие философы — «воры и разбойники», укравшие идеи у Моисея (*Clem. Strom.* I.87.2), выдав их за свои, само это обвинение демонстрировало, что в сочинениях Пифагора и Платона можно найти не только вымыслы и ложь, но и крупинцы истины, рассмотреть которые является задачей читателя.

С другой стороны, в раннем христианстве существовало и явное неприятие не просто язычества, но всей системы знания и мышления, сложившейся в эллинском мире. Известное противопоставление Тертуллианом «Афин» и «Иерусалима», разума и веры, философии и религии (*Tertull. De prescr.* 7) — пожалуй, самый яркий, но далеко не единственный пример отрицания интеллектуального опыта Греции и Рима.

Очевидно, что и такие ригористы, как Тертуллиан, и христианские авторы, подвизавшиеся в свое время в качестве учителей грамматики или риторики, видели качественную разницу между «высокой» литературой Греции и Рима и «простым языком» Писания. Не случайно Лактанцию приходилось оправдывать «невежество» апостолов, указывая на то, что именно в простоте содержится правда, в то время как изощренность в образовании открывает путь измышлениям (*Lact. Div. inst.* V.3.1—2).

В результате в христианской литературе складывается устойчивое представление о торжестве «непросвещенной учености»

или «святой простоты» над «лукавым мудрствованием» и утонченным знанием⁶. Вспомним хотя бы рассказ Руфина Аквилейского о Никейском соборе, сюжет которого строится вокруг победы неискушенного в логике исповедника христианства над философом-диалектиком, защищавшим Ария (*Rufin. HE I.3*).

Два направления мысли — примиряющее христианство с языческим знанием и отвергающее последнее для христианина — продолжали уживаться одно с другим и в V—VI вв. Несмотря на утверждение христианства и заметное отеснение им язычества, несмотря на появление в числе христианских писателей и руководителей христианских общин образованных аристократов типа Сидония Аполлинария, для которых имена языческих богов, судя по всему, перестали нести традиционную смысловую нагрузку, обретя скорее аллегорический смысл, душа рефлексирующего христианина не освобождалась от внутренних терзаний. Так, Эннодий, старший современник Кассиодора, постоянно разрывался между стремлением к безмолвию, освобождающему душу для мыслей о Боге, и к эпистолографии, обеспечивающей сохранение социальных связей и место в обществе⁷.

Кассиодор, интересующий нас в данном случае, был, вне всякого сомнения, хорошо знаком с аргументами как одной, так и другой стороны. Он не просто прекрасно знал Августина, потратившего немалую долю своего таланта на обоснование пользы риторики для христианского проповедника, но во многом следовал именно этому отцу Церкви⁸. С другой стороны, Виварий создавался Кассиодором действительно как монастырь, для насельников которого аскетический идеал не должен был стать простой лишь формой. Но именно в кругах теоретиков монашества идея отрицания языческой литературы оказалась наиболее устойчивой и получила наиболее последовательное обоснование. Западное монашество V—VI вв. немислимо без Иоанна Кассиана, и Кассиодор, наставляя насельников Вивария, в числе первых авторов, необходимых для монаха, называет именно Иоанна (*Cassiod. Inst. I.29.2*). Между тем, в беседе с аввой Нестером Иоанн Кассиан, говоря о своих переживаниях по поводу довлеющего над ним знания языческих поэм, ставит классическую античную литературу в резкую оппозицию монашескому служению: «...когда я пою псалмы и молюсь о прощении грехов, то на память мне

неволью приходят поэмы, либо перед глазами у меня встают образы сражающихся героев, и появление таких видений, постоянно обманывая меня, не допускает, чтобы дух мой возносился к горнему созерцанию, так что даже каждодневными слезами нельзя избавиться от этого» (*Cass. Coll. XIV.12*).

Кассиодор, приступая к наставлению монахов, именно тезис преподобного Кассиана о роли откровения в постижении истины ставит во главу угла. В предисловии к первой книге «Наставлений» он вспоминает рассказ Иоанна о том, как необученный грамоте муж, «исполнившись божественного вдохновения», отвечал на сложные вопросы Писания. Но, что не менее важно, вспомнив этот рассказ, Кассиодор предостерегает читателей: «не следует ожидать частых происшествий подобного рода» (*Cassiod. Inst. I. Pr. 7*). В результате, с одной стороны, опираясь на слова апостола Павла, он говорит о том, что совершенная мудрость даруется каждому Богом, и «многие неграмотные достигают верного понимания и по вдохновению свыше обретают правильную веру» (*Cassiod. Inst. I.28.2*). С другой стороны, он вспоминает Киприана Карфагенского, Лактанция, Викторина Петавийского, Илария Пиктавийского, Амвросия Медиоланского Августина, Иеронима, которые пришли к христианству украшенными мирским знанием (*Cassiod. Inst. I.28.4*). «Давайте же, — призывает Кассиодор, — в подражание им (пусть и осторожно, но обязательно), поспешим, если сможем, изучать и ту и другую науку, — ибо кто дерзнет поколебаться, имея многочисленные примеры такого рода мужей?» (Там же). Более того, Кассиодор, воспринимая греко-римскую языческую культуру не столько чуждой (враждебной) христианству, сколько чужой (иной), для защиты тех, кто обращается к ней, приводит вслед за Августином в пример Моисея, который, несмотря на свою принадлежность к избранному народу, тем не менее «постиг всю мудрость египтян» (Там же). Предлагая монахам того или иного писателя и давая ему характеристику, Кассиодор нередко соединяет воедино «простоту» и «мудрость», еще недавно резко противопоставленные в христианской литературе друг другу. Так, он подчеркивает, что в Дионисии Младшем, его современнике, «соединялась простота с великой мудростью, смирение с ученостью, лаконичность с красноречием» (*Cassiod. Inst. I.23.2*).

Первым из западных подвижников Кассиодор попытался на практике достичь баланса между откровением, получаемым через молитву, веру, и знанием, преподаваемым в школах разного уровня. В предисловии к своим «Наставлениям» он довольно четко определяет свое намерение создать школу, качественно отличающуюся от традиционной римской школы, где ведется преподавание мирских наук (*studia saecularium litterarum*), создав учебный центр, где преподавание строилось бы на изучении «Божественных Писаний» (*Cassiod. Inst. I. Pr. 1*).

До Кассиодора монастырь уже стал учебным центром, но в монастырях того времени акцент делался на изучение текстов Писания, «Правил» Василия Великого, Пахомия Великого, сочинений Иоанна Кассиана и творений других Отцов Церкви⁹. Основатель же Вивария намеревался оставить в системе теологического образования место светскому знанию, которым в прочих обителях по большей части пренебрегали. Выбирая между Иоанном Кассианом, видевшим опасность мирской науки для монахов, и Августином, считавшим, что светские науки могут помочь постижению религиозной мудрости, Кассиодор, безусловно, встает на сторону гиппонского епископа.

Оправдывая необходимость опыта римской школы для монахов Вивария, Кассиодор повторяет в принципе тезисы, уже давно сформулированные в святоотеческой литературе, прежде всего тезис о божественном происхождении самого знания. Так, он знакомит своих читателей с тем, что Августин «показал, что общие обороты речи, то есть выражения грамматиков и риториков, произошли оттуда (из Священного Писания. — *B. T.*)» (*Cassiod. Inst. I.1.4*). По мнению Кассиодора, преподаваемые в светской школе грамматика и риторика генетически связаны со Священным Писанием, а потому их изучение направлено в том числе на постижение религиозной истины. В заключительных главах «Наставлений» Кассиодор повторяет этот тезис и еще раз утверждает, что светское знание должно способствовать толкованию священных текстов: «Мы полагали, что должно быть уяснено следующее: поскольку в священных текстах, как и в учнейших изложениях, мы можем многое понять через иносказания, многое через определения (*per definitiones*), многое через искусство грамматики, многое через искусство риторики, многое через диалектику,

многое через дисциплину арифметику, многое через музыку, многое через дисциплину геометрию, многое через астрономию, то уместно в следующей книге затронуть наставления светских учителей, то есть искусства и дисциплины с их разделами» (*Cassiod. Inst.* I.27.1).

Кассиодор не только рассуждает об общей пользе мирских знаний для монахов, но и обосновывает эту пользу требованиями монастырской жизни или необходимостью грамотного прочтения и копирования священных текстов. Так, отдельную главу «Наставлений» он посвящает книгам по медицине и подчеркивает, что важнейшей составляющей монашеского служения является странноприимство и забота о здоровье ближнего. Для этого он специально оставляет в библиотеке Вивария книги Гиппократ и Галена, переведенные на латинский язык, «Гербарий» Диоскорида, «О медицине» Целия Аврелия (*Cassiod. Inst.* I.31.2), а также показывает, что в книгах, посвященных садоводству, можно найти немало советов, следование которым укрепит телесное здоровье (*Cassiod. Inst.* I.28.6).

Чтение священной истории и понимание того, что произошло в истории евреев или истории Церкви и где, требует от читателя как знаний по истории (историкам Кассиодор посвящает отдельную главу), так и по географии. Поэтому он рекомендует познакомиться не только с описаниями Константинополя и Иерусалима, сделанными христианским хронистом Марцеллином Комитом, но и с кодексом язычника Птолемея. Он, увещевает монахов Кассиодор, «настолько ясно описал все места, что вы сочтете, будто каждая область была для него родной. Благодаря ему вы, находясь в одном месте (как положено монахам), душой сможете обозреть то, что другие с большим трудом усвоили в ходе своих путешествий» (*Cassiod. Inst.* I.25.2).

О Виварии и его насельниках мы можем судить исключительно по «Наставлениям» Кассиодора и лишь по сделанным в них оговорках можем представить, какого рода людей видит автор в числе адресатов своих увещаний. Очевидно, что монастырь принял в лоно свое людей самого разного социального происхождения и соответственно в разной степени образованных. Так, Кассиодор допускает, что кто-то из братии «не сможет вполне изучить ни человеческих, ни божественных наук», но и таких

он погружает в мир книжной культуры. Он не просто рекомендует им заняться садоводством и прочими видами аграрной жизни (тем более что вилла, отданная под монастырь, находилась в весьма благоприятном для таких занятий месте), но призывает идти к такого рода трудам через чтение соответствующей литературы. Он рекомендует прочесть сочинение о садах Гаргилия Марциала, особо обращая внимание на то, что труд его не только обстоятелен, но и красиво написан; называет Луция Колумеллу «красноречивым и изысканным писателем» (*Cassiod. Inst.* I.28.6).

Кто-то из обитателей Вивария был достаточно просвещен, хотя подавляющее большинство братии (что также отражает состояние тогдашней римской школы¹⁰) не знало греческого языка. Поэтому Кассиодор особенно позаботился о том, чтобы важнейшие греческие тексты были переведены на латинский язык. Он называет имена своих друзей Беллатора, Епифания, Муциана, чье знание греческого языка позволило обеспечить библиотеку Вивария латинскими переводами восточных Отцов. Биограф и исследователь Кассиодора Дж. О'Доннелл даже предполагает, что эти ученые мужи могли некоторое время жить в Виварии и составлять основу преподавательского штата¹¹. Тем не менее, оговариваясь, что некоторые места Писаний, если они окажутся темными в латинской версии, можно было бы уточнить, обратившись к греческому тексту, Кассиодор оставляет в библиотеке греческие кодексы, в том числе знаменитый пандект из семидесяти пяти библейских книг (*Cassiod. Inst.* I.14.4). Кассиодор явно рассчитывал, что кто-то из братии окажется в состоянии самостоятельно работать с греческими писаниями.

Некоторые отрывки «Наставлений» убеждают нас в том, что Кассиодор обращался и к вполне искушенному в латинской грамматике читателю. Именно для такого читателя должны быть понятны пояснения к особенностям латинского текста Священного Писания, которые дает Кассиодор. Стародавняя проблема, касавшаяся несовершенства языка Библии, на что обращали внимание языческие критики христианства, получила у Кассиодора новое решение. Он уже не использует прежних аргументов и говорит о том, что истина проста, а изощренность лжива. Он относит отступления библейского слога от школьной нормы к числу божественных тайн и показывает, что божественный авторитет

следует ставить в данном случае выше правил грамматики, придуманных людьми. В главах, касающихся особенностей языка Библии, он особо говорит об идиомах, встречающихся в псалмах и не используемых в обычной речи (*Cassiod. Inst. I.15.2*), и приводит примеры: «слабы очи мои для слова Твоего» (Пс. 118:82), «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс. 62:9), «изливайте пред Ним сердце ваше» (Пс. 61:9). Особо он говорит, обращаясь к переписчикам, что «не следует изменять те слова, которые, хотя порой и кажутся написанными вопреки человеческому искусству [грамматики], но защищены авторитетом многочисленных кодексов» (*Cassiod. Inst. I.15.5*). Кассиодор указывает на то, что в Писании нередко существительные или местоимения получают падеж или число, а глаголы — времена и наклонения вопреки грамматической норме. Так, он вспоминает фразу из Псалтыри: «блажен народ, у которого Господь есть Бог их» (Пс. 143:15), в которой одно и то же существительное «народ», стоящее в единственном числе, выражено местоимениями, которые стоят в единственном числе («у которого») и во множественном («их») (*Cassiod. Inst. I.15.6*).

Очевидно, что в этом «конфликте» школьных правил и божественного авторитета Кассиодор встает на сторону последнего и призывает своего просвещенного читателя: «не во всем следуй правилам латинского красноречия... ибо необходимо иногда пренебрегать нормами человеческой речи и, скорее, держаться строя божественного красноречия» (*Cassiod. Inst. I.15.7*). Однако не следует думать, что «римская школа» полностью капитулирует у него перед Священным Писанием. Кассиодор призывает тщательно следить за соблюдением грамматических правил, исправлять ошибки прежних переписчиков и сверять различные рукописи между собой, чтобы понять, является ли встреченное отступление от нормы особенностью библейского языка или результатом невнимательности копииста. Он постоянно подчеркивает велеречивость отцов и учителей Церкви, отмечая практически у каждого из них «изысканный слог», «сладостное красноречие». Иероним «блистательно обогатил латинский язык» (*Cassiod. Inst. I.5.4*), Амвросий — «ручей сладостного красноречия» (*Cassiod. Inst. I.20.1*). Августин восхищается его не только своими глубокими толкованиями, но и знанием математики, которую тот освоил, правда, без помощи учителей (*Cassiod. Inst. I.22.1*). К тому же

Кассиодор специально оговаривается, что все его собственные рекомендации пренебрегать грамматическими правилами касаются исключительно работы с текстами Священного Писания, в мирской же литературе законы грамматики по-прежнему должны оставаться нормой.

Ничто так не показывает степень интеграции традиционной римской школы в христианское образование, как использование в процессе обучения языческой «учебной» литературы. Текст «Наставлений» позволяет создать, пусть и неисчерпывающий, но довольно полный список книг виварийской библиотеки¹², в том числе кодексов, которые могли быть использованы как учебники по светским наукам. Конечно, Кассиодор, обращаясь к монахам, стремится всякий раз (даже когда речь не идет о вопросах теологии) опереться на авторитет христианских писателей, многих из которых именует учителями (*magistri*). Но их учительство он понимает всё-таки в рамках теологического просвещения. Он, конечно, вспоминает, что блаженный Августин написал небольшое сочинение по грамматике, но весь свой экскурс в грамматическую науку во второй книге «Наставлений» строит на *Ars grammaticae* Доната (*Cassiod. Inst.* II.1.1), где даются базовые знания по латинскому языку. Дальнейшее изучение грамматики строилось на знакомстве с классической римской литературой. Не случайно человека, достигшего в грамматике достаточных высот, Кассиодор называет «идущим вслед квадриге Мессия» (*Cassiod. Inst.* I.15.7), намекая на автора трактата «Примеры выражений из Вергилия, Саллюстия, Теренция и Цицерона» (*Exempla elocutionum ex Virgilio, Sallustio, Terentio, Cicerone*).

Несмотря на наличие в Виварии августиновской «О христианской науке», где гиппонский епископ дал множество советов для церковного проповедника, весь свой небольшой раздел о риторике Кассиодор строит на данных сочинений Цицерона и Квинтилиана. Он также был бы не против знакомства монахов с сочинением Марциана Капеллы, далеко не христианина, однако труд Капеллы «О браке Филологии и Меркурия», который Кассиодор именует нейтрально — «О семи науках», оказался ему недоступен (*Cassiod. Inst.* II.2.17). Диалектику он излагает на основе Аристотеля, неоплатоников Порфирия и Мария Викторина; арифметику — по Пифагору; музыку — по Эвклиду, Птолемею,

Цензорину; геометрию — по тому же Цензорину, а также по Эвклиду; астрономию — по Варрону и Птолемею.

Использование в Виварии труда Доната по грамматике, сочинений Цицерона и Квинтилиана по риторике вовсе не означало, что монахи погружались в мир образов и героев языческой религии. Самое общее знакомство современного читателя с «Искусством грамматики» Доната и с прозаическими частями «Грамматики» Марциана Капеллы (если бы поэма всё-таки оказалась в распоряжении Кассиодора) способно убедить его в том, что довольно сухой материал справочного характера вряд ли мог нанести какой-либо урон монашескому благочестию. В то же время эти тексты давали необходимые для христианина сведения о нормативной стороне латинского языка и, в конечном счете, позволяли непросвещенному читателю начать свой путь к истине.

Подводя итог нашему небольшому исследованию, необходимо еще раз обратить внимание на особую роль Кассиодора, который одним из первых на христианском Западе не просто примирил античную школу с религиозным служением, но и попытался этот союз осуществить на практике, утвердив школу в монастыре как важную помощницу в постижении истины и в поиске пути ко спасению. Если его современник Эннодий оставлял школу, прежде всего, для желающих прославиться на форуме, в суде и при дворе, подчеркивая, что невозможно разделить единую душу на две части (для Христа и для свободных искусств)¹³, то Кассиодор, напротив, увидел единство человеческого знания, восходящего к единому источнику.

Примечания

¹ См., напр.: *Jones L. W. Influence of Cassiodorus on Medieval culture // Speculum. Vol. 20. 1945. P. 433—442*; *Courcelle P. Late Latin Writers and Their Greek Sources. Cambridge, 1969. P. 336—338.*

² См., напр.: *Momigliano A. Cassiodorus and Italian culture of his time // Proceeding of the British Academy. 1955. Vol. 41. P. 208—209.*

³ *Dales R. C. The Intellectual Life of Western Europe in the Middle Ages. Leiden, 1992. P. 51*; *Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989. С. 124—132.*

- ⁴ Ссылки на это произведение будут даны в тексте с указанием номера книги, главы и отрывка по изданию: *Cassiodori Senatoris Institutiones* / ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1963.
- ⁵ Напряжение, неизбежно возникшее между представителями разных культур, можно видеть уже в истории разговора ап. Павла с философами-эпикурейцами и стоиками на афинском ареопаге (ср. Деян. 17:15—32).
- ⁶ *Gigon O.* Die antike Kultur und das Christentum. Gütersloh, 1969. S. 106—120 ; *Heck E.* Lactanz und die Klassiker // *Philologus*. 1988. Bd. 132, Heft. 1. S. 169—172.
- ⁷ *Schröder B.* Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert : Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin, 2007. S. 63.
- ⁸ О влиянии дидактических идей Августина на Кассиодора см., в частности: *Vuković M.* The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics. Budapest, 2007. P. 58—62.
- ⁹ *Riché P.* Education and Culture in the Barbarian West. Columbia : University of South Carolina Press, 1976. P. 118—119.
- ¹⁰ Уже в V в. знание греческого языка становится элитарным, а человек, не владеющий греческим, уже не считался необразованным. См.: *Riché P.* Op. cit. P. 44—45.
- ¹¹ *O'Donnell J. J.* Cassiodorus. Berkeley : University of California Press, 1979. P. 106.
- ¹² *Vuković M.* Op. cit. P. 42.
- ¹³ *Тюленев В. М.* «Школа Эннодия» в Милане: миф и реальность // *CURSOR MUNDI* : человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 42.

ББК 67.3(0)4

И. Д. Назаров

ДВА «ЛИЦА» СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОСУДИЯ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Падение Западной Римской империи, завоевание ее территории германскими племенами изменило существующий общественный, а также правовой и нравственный порядок. Развитие римского права продолжилось только на территории Византийской империи, а население западной ее части было вынуждено смириться с новыми условиями существования.

Формирование средневекового правового порядка на ранних этапах осуществлялось параллельно со становлением зарождающейся средневековой интеллигенции. Указанный процесс сопровождался прямым отказом от элементов римской юридической культуры, за исключением латыни.

Расселившись по завоеванным территориям, вступая в новые экономические отношения, варвары осознали необходимость в кодификации существовавших у них обычаев. Используя латинский язык, они сформировали свое право, оставив в забвении классические конструкции и порядок судопроизводства, характерные для античного периода. Многообразии племен, а следовательно, и обычаев привело к тому, что у каждого племени возникли свои законы. Так, у салических (приморских) франков появилась «Салическая правда», у рипуарских (речных) франков — «Рипуарская правда», у древних саксов — «Саксонская правда» и т. д.

© Назаров И. Д., 2017

Назаров Илья Дмитриевич — аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета. nazarov_37@mail.ru

Несмотря на незначительные ритуальные особенности, существовавшие у каждого конкретного племени, процесс судопроизводства практически всегда осуществлялся в одной и той же форме. Следует отметить, что форма и некоторые атрибуты средневекового правосудия присущи судопроизводству отдельных стран и поныне.

Отличительной особенностью средневекового правосудия является его подчеркнутый морально-нравственный, а потом и религиозный акцент.

Тесные родоплеменные связи, отсутствие четких, сложившихся правовых норм, примитивная юридическая и правоприменительная техника — всё это способствовало тому, что в период раннего средневековья отправлением правосудия расценивалось как право всех свободных членов общины. Данные представления находили свое отражение и в период позднего средневековья, однако на тот момент они носили лишь формальный характер, поскольку реальная судебная власть неизбежно перешла от общины к представителям новой правовой интеллигенции.

Интересен сам процесс выбора общиной судей. Поскольку не все представители родовой общины являлись знатоками в области обычаев, выбор судей имел очень большое значение. Рахинбурги (судьи) и тунгин (главный судья) выбирались из так называемых «лучших» людей, представителей общины, знавших старинные обычаи, нравы и поверья своих предков¹. Можно предположить, что на первых этапах развития средневекового правосудия судьи действительно избирались из «лучших» людей, наделенных высокими моральными качествами (доблестью, честностью, беспристрастностью и т. д.). Средневековый судья представлял собой зарождающийся тип человека-интеллекта, способного разрешать дела не столько при помощи грубой физической силы, но посредством проверенного временем алгоритма поведения — обычая. Однако, по свидетельству А. Л. Рогачевского, «позднее административные полномочия в большинстве общин перешли к государственному совету... Шеффенский суд традиционно оставался оплотом городской верхушки, хотя в принципе все полноправные (т. е. имеющие городское гражданство) бюргеры считались людьми шеффенского сословия и формально имели право стать членами суда»². Таким образом, в отношении

деятельности по отправлению правосудия происходит абсолютно закономерный процесс перехода властных полномочий в руки состоятельных членов общества (экономической интеллигенции). Формальное право участия в отправлении правосудия любого свободного гражданина на практике выражается в том, что судопроизводство осуществляют не самые лучшие, знающие, понимающие — *intelligens*, а самые богатые. При таких обстоятельствах на первый план выходит проблема противоречий между интеллигенцией, обладающей знаниями и мотивацией к развитию правоприменительной системы, стремящейся к достижению публичных интересов, и интеллигенцией, ставящей в приоритетное положение удовлетворение собственных интересов и обладающей умением «делать» деньги.

Социальное расслоение проявлялось и в выносимых судами решениях. Так, в титуле LXIII «Салической правды» было указано: «Если кто лишит жизни свободного человека... и убитый не состоял на королевской службе, убийце присуждается к уплате 24 000 ден., что составляет 600 сол. Если же убитый состоял на королевской службе, уличенный в убийстве присуждается к уплате 1800 сол.»³. Из приведенного титула следует, что жизнь простого франка ценилась вдвое меньше жизни королевского слуги, что не соответствовало моральным убеждениям родовой общины. Идеи равенства и справедливости постепенно уходили в небытие, освобождая место для произвола власть имущей интеллигенции.

Развитие феодализма привело к тому, что в основу права был положен не отраслевой, а лично-сословный принцип, отражающий социальную стратификацию средневекового общества. В связи с тем, что каждым королевством, феодем, леном, баронией, маркой правил собственный властелин, право отличалось крайней неоднородностью (каждая местность жила по собственным обычаям). Подтверждение этому можно найти в произведении крупнейшего средневекового легиста Филиппа Бомануара «Кутюмы Бовези»⁴. Параграф 1043 главы 34 «О суверене» говорит: «Во всех местах, где король не называется, мы подразумеваем тех, кто держит баронию, так как каждый барон является сувереном в своей баронии»⁵. Существование данного правопорядка мешало развитию экономических отношений между отдельными регионами. Развивающиеся ремесла и торговля требовали

единой, четкой и понятной правовой базы, позволяющей оформить существующие правоотношения и обеспечить процесс рассмотрения и разрешения спорных ситуаций. Выход был найден в частичной реставрации римского права, которое нашло свое отражение в Магдебургском праве (праве свободных городов).

Образование городского права в качестве специфического вида средневекового права тесно связано с формированием городов. Находясь в постоянной борьбе с феодалами, города постепенно освободились от их влияния, а городские жители стали считаться лично свободными. Подтверждением такой победы, в частности, было право на самостоятельное отправление правосудия в собственном городе. Следует отметить, что символом независимого городского суда являлась статуя Роланда⁶. Образ благородного рыцаря или заменяющие его ветви «судебной» липы соответствовали старинным обычаям судопроизводства, характерного для самоуправляющейся родоплеменной общины. Тем не менее, эти символы представляют собой лишь тени былых времен. Руководство процессом отправления правосудия переходит в распоряжение профессиональных интеллигентов-легистов (юристов). Указанный переход обуславливался следующими обстоятельствами. В большинстве городов шеффены (судьи) находились на своих постах пожизненно, а в случае смерти кого-либо из них вакантное место занималось путем кооптации⁷. В соответствии со словарем иностранных слов, термин «кооптация» (*cooptatio*) переводится с латинского языка как дополнительное избрание, довыборы. Суть указанных довыборов заключается в том, что пополнение выборного органа осуществляется его собственным решением без проведения новых выборов⁸. Следует обратить внимание, что согласно положению «Саксонского зеркала» к шеффенскому сословию (*Schoffenbarfreie Leute*) относились свободные, но «не благородные» лица, допускаемые и обязываемые к исполнению функций шеффена⁹. Поскольку начиная с XV в. городское право подвергается сильному влиянию римского права, а использование латинского языка осложняет понимание принимаемых судебных актов, процесс судопроизводства становится недоступным для основной массы шеффенского сословия. Именно поэтому состоятельные бюргеры стремились дать своим сыновьям классическое юридическое образование, позволяющее

при определенной доле связей и финансовых вложений обеспечить им место в составе органа правосудия.

Усложнение процесса отправления правосудия представляет собой закономерный процесс, связанный, прежде всего, с претензиями на власть экономической интеллигенции. Социальное положение судьи позволяло наделенному властью лицу чувствовать себя властелином человеческих судеб, совершать противоправные, аморальные поступки и не бояться наказания за их совершение.

Средневековое представление о правосудии и суде тесно связано с идеей о вселенском «мире», посланном создателем. А. Л. Рогачевский отмечал, «предполагалось, что мир охраняет жизнь, здоровье и имущество всех полноправных членов общества и, таким образом, воплощает в себе господство нерушимого права... Преступник, посягнувший на чужие права, является в то же время нарушителем мира и ставит себя как бы вне его, что исключает неприкосновенность его личности»¹⁰.

В концепции понимания сущности средневекового правосудия особое место занимает вопрос о вознаграждении судей. Развитие данного подхода постепенно приобрело морально-религиозное обоснование.

Право представляло собой порядок, созданный Богом для опеки над людьми, следовательно, его нельзя продать или купить. Плата вносится исключительно как благодарность за юридическую помощь и за потраченное при рассмотрении дела время. Подобная благодарность не могла быть получена судьей на руки, именно поэтому со времен средневековья неотъемлемым элементом судейской мантии становится капюшон¹¹.

Из этого следует, что суд не только осуществляет деятельность по рассмотрению и разрешению конкретной жизненной ситуации, но играет и сакральную роль связующего звена между Создателем и простыми смертными.

Задача суда — раскрывать установленные Богом правовые нормы и осуществлять их толкование в соответствии с существующей правовой доктриной. Следует отметить, что согласно такому подходу судьи действуют не от своего имени, а от имени Бога. Это подтверждается тем, что в некоторых средневековых документах, касающихся порядка осуществления правосудия, вначале приводились цитаты из Ветхого Завета, в соответствии

с которыми суд — «не суд человеческий, но суд Господа», «дело Божье» (II Паралип. 19:6; Втор. 1:17).

В рамках христианской традиции отождествление средневековых судей с апостолами Христа полностью соответствует представлениям о Боге как высшем и суровом Судье и единственном примере для земного правосудия.

По мнению французского ученого Ф. Арьеса, «такое уподобление несколько не ослабляло в глазах современников величия Христа, ибо осуществление правосудия воспринималось как проявление могущества и власти в самом чистом виде, а образ судебной курии был символом величия. Воплощение эсхатологических мотивов в образе судебного заседания поражает лишь нас сегодняшних, ставших столь безразличными, полными скепсиса в отношении правосудия и судебной магистратуры. Значение, придаваемое правосудию в повседневной жизни и в стихийной морали общества, есть один из психологических факторов, разделяющих и противопоставляющих старый, архаический менталитет наших предков и наш современный менталитет»¹².

Такое представление о понятии и проявлении правосудия восходит к XI в. и остается неизменным вплоть до конца XVIII в.

Образ Бога-Судьи занимал главенствующее место в воззрении средневековой интеллигенции на суд и правосудие. Страх перед Страшным судом способствовал выражению переживаний людей в средневековом искусстве, и особенно в иконографии. Бог часто изображался с карающим мечом в левой руке и белой лилией в правой. Такой визуальный ряд, имеющий прямое отношение к представлениям о грехе и праведности, отражал важную особенность средневекового взгляда на суд — как на карающую неотвратимость и всепрощающую милость.

Тем не менее, у средневековой интеллигенции существовал и другой, противоположный взгляд на проблему правосудия и суда.

Карнавальные праздники и связанные с ними увеселительные действия и ритуалы занимали в жизни средневекового интеллигента большое место. Помимо карнавалов и ярмарок, с характерными для них длительными праздничными представлениями и демонстрациями, дополнительно проводились особые шуточно-пародийные праздники: «праздник дураков», «праздник осла», «пасхальный смех» и т. д. Так, А. Л. Рогачевский отмечает:

«В тюрингском городе Кенигзее в средние века соблюдается интересный обычай устанавливать пародии на суд. На масленицу молодые бюргеры ежегодно избирали из своей среды так называемый дурацкий совет (*senatus desipiens*), который со всеми судебными формальностями выносил приговор по любым жалобам. За проступки он назначал суровые наказания (штраф в размере нескольких тонн золота), но «осужденному» разрешалось заметить их уплатой нескольких кружек пива»¹³.

Указанный обычай представляет собой наглядный пример другого, «шутовского» отношения к правосудию и суду. Подобные ритуалы, основывающиеся на базе смеха и веселья, принципиально отличались от строгих, императивных официальных государственно-властных культурных форм и церемоний. Теоретик европейской культуры и искусства М. М. Бахтин указывал, что данные «карнавальные» церемонии «давали совершенно иной, подчеркнuto неофициальный, внецерковный и внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений; они как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, которым все средневековые люди были в большей или меньшей степени причастны, в которых они в определенные сроки жили»¹⁴.

Создавая новую мораль, «опрокидывая» существующую иерархическую реальность с ног на голову, праздничная пародия на правосудие в какой-то мере отражала то большое значение, которое имел институт суда в общественной жизни. Надевая шутовскую маску, облачаясь в импровизированную мантию судьи, средневековый человек пытался снять стресс, скрыться от сопутствующего ему постоянного страха божественной и светской кары.

Таким образом, средневековое общество (в том числе интеллигенция) относилось к феномену правосудия не однозначно. В обыденном сознании оно переживалось, понималось и оценивалось в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств: ужаса преследования за нарушение закона, религиозного трепета перед Страшным судом и безудержного веселья на городской ярмарке. Одно «лицо» отражало восприятие суда с точки зрения официальной правовой доктрины, другое «лицо» проявлялось за рамками официального правового поля, способствовало снижению напряжения и ужаса средневекового человека перед лицом церковного или светского суда.

Примечания

- ¹ Чиколини Л. С. Суд во времена «Салической правды» // Книга для чтения по истории средних веков. М., 1969. Ч. 1. С. 34.
- ² *Рогачевский А. Л.* Меч Роланда : правовые взгляды немецких горожан XIII—XVII вв. СПб., 1996. С. 112.
- ³ См.: *Борисевич М. М.* Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2008. Т. 1. С. 88.
- ⁴ В переводе со старофранцузского — обычаи графства Бове.
- ⁵ См.: *Борисевич М. М.* Указ. соч. С. 90.
- ⁶ В средневековом эпосе Роланд, полумифический рыцарь (маркграф Бретонской марки), представляет собой образ христианского рыцаря, добродетели, чести и отваги.
- ⁷ *Прокопьев В. П.* История германской государственности X—XVIII вв. Калининград, 1984. С. 54.
- ⁸ Словарь иностранных слов. М., 1984. С. 253.
- ⁹ Саксонское зеркало : памятник, комментарии, исследования / отв. ред. *В. М. Корецкий.* М., 1985. С. 16.
- ¹⁰ *Рогачевский А. Л.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹ Там же. С. 114.
- ¹² *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / общ. ред. С. В. Оболенской. М., 1992. С. 118.
- ¹³ *Рогачевский А. Л.* Указ. соч. С. 131.
- ¹⁴ *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. М., 2010. Т. 4 (2). С. 13.

ББК 86.372-3

Л. П. Ландик**ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (1988—2004 гг.)**

Конец 80-х гг. ознаменовал собой значительное ослабление контроля над разнообразными религиозными организациями, что в свою очередь нашло отражение в их деятельности на региональном уровне. Так, в частности, Православная Церковь начинает активно восстанавливать сферу своего влияния в Донецкой области начиная уже с 1988 года (празднования 1000-летия крещения Руси) и особенно после принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях» 1 октября 1990 года. Вступление в силу этого закона позволило получить реальное право на свободу совести у верующих и большую свободу в действиях религиозных организаций. Хотя это и не всегда имело положительные последствия, исходя из увеличения количества сект в регионе. Однако именно принятие этого закона позволило Православной Церкви восстановить свою деятельность по всей территории бывшего СССР и, в том числе, в Донецкой области.

Историографическая база по данному вопросу является довольно ограниченной, так как не существует специальных работ, посвященных этой теме. Поэтому данная статья базируется, в первую очередь, на документах Донецкого архива: справках, статистических отчетах, деловой переписке Отдела по делам религии по Донецкой области.

© Ландик Л. П., 2017

Ландик Лариса Петровна — аспирантка кафедры отечественной и региональной истории Донецкого национального университета.
lplandik@gmail.com

Несмотря на то что работа по организационному оформлению Православной Церкви в Донецкой области произошла в 90-е гг. XX в., но уже в конце 80-х гг. в регионе наблюдались довольно заметные изменения в религиозной жизни.

Еще до создания отдельных епархий православная жизнь в регионе продолжала существовать. Однако в 1988 году (хотя уже были заметны некоторые послабления) имелись определенные проблемы даже с храмами Православной Церкви. В частности, была составлена справка о неиспользуемых культовых зданиях в Донецкой области по состоянию на январь 1988 года. В ней, в том числе, акцентировалось внимание на том, что «бывшее культовое здание русской православной церкви в с. Александро-Шультино Константиновского района построено в 1829 г., находится сейчас на окраине села, каменная, типовая, памятником истории не является, ремонту не подлежит, прекратило свою деятельность в 1960 г., культовое имущество вывезено, предусматривается снести его в 1988 г.»¹. По нашему мнению, в Донецкой области не слишком много зданий первой половины XIX в., чтобы так необдуманно считать их не представляющими никакой ценности. В принципе решение, по-видимому, было вызвано скорее самим фактом, что это было культовое здание, а не какое-либо еще. Всего таких зданий насчитывалось 5 (только в 1988 г.).

Из докладной записки по использованию бывших культовых зданий в Донецкой области за 1988 год можно узнать, под какие цели занимались бывшие церковные здания и какие направления деятельности считались более важными и первостепенными: «18 бывших культовых зданий используется под социально-культурные и хозяйственные цели, в шести размещены различного рода склады колхозов и совхозов, два — реставрируются под музеи сел и колхозов, шесть бывших культовых зданий после снятия с регистрации использовались также под склады, а теперь длительное время пустуют»². Таким образом, как можно наблюдать, наличие складских помещений было более необходимо стране, чем культовые сооружения, что вполне отвечает официальному курсу страны.

Но на 1988 год приходилось торжественное празднование 1000-летия крещения Руси, в связи с чем были запланированы определенные праздничные мероприятия. И чтобы они прошли

без особых сложностей и проблем, руководителям советов по делам религии еще в 1987 году отправлялись телеграммы подобного рода: «В связи с предстоящим 1000-летием введения христианства на Руси растет интерес к вопросам свободы совести, положения церкви и верующих нашей страны среди иностранных туристов. Некоторые группы изъявляют желание посетить действующие храмы, присутствовать на богослужениях. В случае обращения к вам интуриста с соответствующей просьбой просим рекомендовать достойные внимания культовые здания, оказывать содействие посещению, проводить работу, объективно показывающую иностранцам положение религии в СССР»³. Исходя из данного примера можно сделать вывод о том, что в первую очередь советское руководство интересовало только то, что иностранцы могут подумать о «положении религии в СССР», а никак не реальное состояние Церкви в государстве. Поэтому говорить о радикальных сдвигах в государственной политике по отношению к религии еще очень рано.

В свою очередь, председателям республиканских советов по делам религии отправлялись подробные рекомендации по поводу мероприятий, которые нужно проводить в контексте празднования 1000-летия крещения Руси, причем было нежелательно отклоняться от этого списка: «Следует поддерживать такие намерения, как организация собраний священнослужителей в епархиальном управлении с участием представителей других конфессий, праздничные богослужения, возложение венков в память погибших в Великой Отечественной войне... можно было бы опубликовать в печати статьи, посвященные 1000-летию введения христианства на Руси, осуществлению конституционных гарантий свободы совести в СССР, интервью иерарха РПЦ»⁴. В Донецкой области всё прошло именно по этому сценарию:

1) в апреле 1988 года на областном телевидении было организовано интервью правящего архиерея митрополита Сергия — управляющего Ворошиловградско-Донецкой епархией;

2) 12 июня во всех религиозных объединениях РПЦ состоялись торжественные богослужения и благодарственные молебны по случаю 1000-летнего юбилея;

3) областной художественный музей в одном из своих залов организовал выставку к 1000-летию введения христианства на Руси;

4) состоялись встречи руководителей исполкомов со служителями культов;

5) 22—24 августа проходили юбилейные празднества в границах Донецкой области;

6) 22 августа в Свято-Никольском соборе г. Донецка прошла божественная литургия с крестным ходом, отслужен благодарственный молебен в честь празднества;

7) около 200 человек возложили венок к мемориалу «Твоим освободителям, Донбасс»;

8) 23 августа в пресс-центре Министерства угольной промышленности выступил архимандрит Глеб (настоятель Александро-Невской церкви г. Славянска) с докладом «Ворошиловградско-Донецкая епархия к 1000-летию крещения Руси». Вечером состоялся концерт в помещении областного драматического театра;

9) 24 августа состоялась встреча в исполкоме;

10) все праздничные мероприятия были освещены в местной прессе: «Вечерний Донецк», «Радянська Донеччина», «Социалистический Донбасс». Однако сообщения о выступлении в печати священников были запланированы заранее и согласованы с идеологическим отделом Компартии Украины⁵.

Таким образом, празднование 1000-летия крещения Руси всё-таки может считаться поворотным пунктом в истории государственно-церковных отношений в СССР, потому что, хотя и в ограниченном виде, само разрешение официальных властей на празднование этого юбилея уже можно считать огромным шагом вперед на пути свободы совести и религиозных убеждений. Да, существовало много запретов, все шаги были заранее запланированы и согласованы с вышестоящими органами. Однако несмотря на всё это верующие получили право на открытое выражение своих религиозных взглядов (пока только христианских).

В 1 октября 1990 года последовало очень важное событие, а именно принятие закона «О свободе совести» Верховным Советом СССР. После принятия аналогичного закона в Украине и введения его в действие были проведены совещания-семинары для работников регионального управления с целью проработки практики применения законодательства о свободе совести и религиозных организациях в Донецкой области. Были также организованы встречи со служителями культа разных направлений

по ознакомлению их с законом «О свободе совести и религиозных организациях».

После выхода Указа Президента «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества» в 1992 году всего за полгода в собственность общин Православной Церкви Донецкой области было передано 26 культовых зданий⁶. Это свидетельствует о том, что вопрос заключался не в невозможности передачи храмов Церкви (ведь если 26 зданий сумели вернуть всего за полгода, то, следовательно, они не использовались для серьезных целей), а всего лишь в ожидании выхода официального документа. Это, в свою очередь, является пережитком советского периода, когда все мероприятия, связанные с религией, четко регламентировались государством. Также это свидетельствует о готовности местной администрации воспринимать изменения в государственно-церковных взаимоотношениях и следовать новому мирному курсу их сосуществования, а не конфронтации.

Отдельная Донецкая епархия Украинской православной церкви была создана только 6 сентября 1991 года, путем отделения от нее Луганской епархии⁷. В 1994 году решением Священного синода УПЦ из состава Донецкой епархии была отсоединена Горловская епархия, в которую вошла северная часть Донецкой области. Таким образом, Донецкая епархия обрела свои современные географические формы.

В апреле 1997 года в своем письме Митрополит Киевский и всея Украины Владимир дает пояснение по поводу конкретных территорий, входящих в состав Горловской и Донецкой епархий УПЦ: «В состав Донецкой епархии входят населенные пункты следующих районов: Амвросиевского, Старобешевского, Тельмановского, Новоазовского, Мангуского, Володарского, Волновахского, Великоновоселковского, Марьинского, Ясиноватского, а также населенные пункты, входящие в городские советы областного подчинения, а именно: Донецкий, Мариупольский, Макеевский, Харцызский, Торезский, Снежнянский, Селидовский...»⁸

27 февраля 1993 года епископ Донецкий и Славянский Ипполит освятил первый камень, заложенный в основание Спасо-Преображенского собора, который на сегодняшний момент является кафедральным собором Донецкой епархии. Но стройка была приостановлена из-за отсутствия средств и деятельных людей,

способных принять на себя миссию возведения главного собора епархии. Только в октябре 2004 года митрополит Донецкий и Мариупольский Иларион совершил чин освящения нижнего храма еще строящегося Спасо-Преображенского кафедрального собора, который был отдан под заступничество «собирателя земель русских» Преподобного Сергия, игумена Радонежского. Через некоторое время иконописцы под руководством Геннадия Жукова расписали храм в византийском стиле, а иконы в резных киотах добавили интерьеру особой теплоты⁹.

Первым архиереем Донецкой епархии стал преосвященный Алипий (Погребняк Василий Семёнович), епископ Донецкий и Славянский (1991—1992), а с 1994 года еще и епископ Горловский и Славянский.

Погребняк Василий Семёнович закончил Московскую духовную академию, служил настоятелем Петропавловского храма в городе Красный Лиман в Донецкой области, настоятелем храма Рождества Богородицы в селе Крестище Славянского района Донецкой области, настоятелем Покровского кафедрального собора в Воронеже. Известен тем, что отказался подписать 22 января 1992 года обращение Собора УПЦ к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой о даровании автокефалии Украинской церкви. За что и был отстранен Филаретом от руководства епархией в 1992 году. Несмотря на то, что решение было признано не вполне легитимным, в декабре 1992 года Алипий по собственной просьбе был отправлен на покой.

После добровольного ухода Алипия Синод УПЦ назначил митрополита Леонтия (Гудимов Иван Афанасьевич). Он служил митрополитом Херсонским и Таврическим, но в условиях раскола был назначен на должность митрополита Донецкого и Славянского. Духовенство Донецка его не приняло, так как это было назначение Филарета. Однако уже в марте 1992 года он скончался, не успев практически ничего сделать на своей должности.

С 1992 по 1996 год епископом Донецким и Мариупольским был Преосвященнейший Ипполит (Хилько Алексей Алексеевич). Однако долго он не продержался на этой должности, так как 30 марта 1996 года Священный синод Украинской православной церкви вынес епископу Ипполиту строгое предупреждение «за запрещения в священнослужении клириков, отлучения от Свя-

того причастия мирян»¹⁰. Уже 3 мая 1996 года епископ Ипполит запрещен в служении сроком на три года за перемещения клириков. Таким образом, епископ Ипполит является довольно одиозной фигурой в истории Православной Церкви Донбасса. Однако, как можно видеть из общего перечня епископов, это скорее исключение из общего правила, так как является единственным зафиксированным случаем злоупотреблений властью на этой должности.

12 сентября 1996 года в Донецкую епархию на служение был отправлен архиепископ Иларион (Шукало Роман Васильевич), на сегодняшний день — митрополит Донецкий и Мариупольский¹¹. Иларион окончил Одесскую духовную семинарию, позже — Московскую духовную академию. В 1991 году в Киево-Печерской лавре пострижен в монашество. С декабря 1991 года по апрель 1992 года одновременно управлял Черновицкой епархией, в апреле 1992 года назначен на Херсонскую и Таврическую кафедру. В 1995 году возведен в сан архиепископа. С 12 сентября 1996 года — управляющий Донецкой и Мариупольской епархией с сохранением управления Херсонской епархией. 11 июня 1997 года освобожден от управления Херсонской епархией, назначен временно управляющим Горловской епархией. 23 ноября 2000 года возведен в сан митрополита¹². Именно при нем Донецкая и Горловская епархии начали свое самое активное развитие во всех сферах духовной и культурной жизни.

Горловская и Славянская епархия Украинской православной церкви создана 29 июля 1994 года путем отделения от Донецкой. Причины разделения епархии на две — довольно практические, а именно для удобства управления, так как в Донецкой области проживает большое количество населения, и одна епархия была не в состоянии удовлетворить потребности людей в духовной жизни.

В апреле 1997 года в своем письме Митрополит Киевский и всея Украины Владимир дает пояснение по поводу территорий, входящих в состав Горловской епархии УПЦ: «В состав Горловской епархии входят населенные пункты следующих районов: Краснолиманского, Славянского, Артёмовского, Константиновского, Шахтёрского, Александровского, Добропольского, а также населенные пункты, входящие в городские Советы областного подчинения, а именно: Горловского, Дебальцевского, Артёмовского,

Дзержинского, Добропольского, Дружковского, Енакиевского, Кировского, Константиновского, Краматорского, Краснолиманского, Славянского, Шахтёрского»¹³. Первым епархиальным городом стала Горловка, вторым епархиальным городом — Славянск.

Кафедральный собор в городе Горловка был освящен во имя святителя Николая, архиепископа Мирликийского Чудотворца (статус кафедрального собора — с 1994 года). Кафедральный собор города Славянска освящен во имя святого благоверного князя Александра Невского (статус кафедрального собора — с 1994 года)¹⁴.

Первым Горловским и Славянским епископом стал Преосвященнейший Алипий (Погребняк), назначенный на созданную кафедру 29 июля 1994 года. 11 июня 1997 года правящий архиерей был отправлен на покой по причине болезни.

Временно управляющим Горловской епархией был назначен Высокопреосвященнейший митрополит Донецкий и Мариупольский Иларион (с 11 июня 1997 года по 24 января 2007 года)¹⁵.

Эти епископы сыграли важную роль в развитии не только Горловской и Славянской епархии, но также и Донецкой, так как несмотря на формальное разделение в 1994 году фактически один и тот же человек продолжал исполнять обязанности управляющего епархиями, что обеспечило проведение внутренней политики в едином направлении — в сторону повышения роли Православной Церкви в жизни общества в целом.

В 1992 году был создан Отдел по делам религий Донецкой областной государственной администрации. В Положении об отделе по делам религии сказано о главных заданиях, стоящих перед ним:

- 1) содействие реализации гарантированного гражданам права на свободу совести, созданию условий для верующих и возможностей исповедовать любую религию, иметь места для богослужения в свободном доступе и объединяться в соответствующие структуры;

- 2) установление взаимоотношений между местными государственными органами с религиозными организациями в соответствии с законодательством о свободе совести и религиозных организациях;

3) содействие решению вопросов, связанных с передачей во владение или в пользование религиозным организациям культовых строений и имущества;

4) укрепление взаимопонимания и терпимости между верующими разных вероисповеданий и их религиозными организациями¹⁶.

Следующее важное событие в истории Православной Церкви — это празднование 2000-летия Рождества Христова. К этой дате готовились заранее, и в области было запланировано довольно много праздничных мероприятий и событий.

С марта 1999 года на областном телевидении по инициативе управления по делам национальностей, миграции и религии начал выходить цикл ежемесячных телевизионных передач, посвященных 2000-летию Рождества Христова. В этих передачах, которые ведут представители управления, принимали участие не только клирики Православной Церкви, но и все христианские конфессии региона.

Празднование 2000-летия Рождества Христова в Донецкой области проходило по следующему сценарию:

— 31 мая — встреча мирян и духовенства в ДК им. Ленина;
— морской поход флотилии яхт в г. Стамбул, начало — 14 июля из порта г. Мариуполя;

— 5—10 сентября — визит Владимира, митрополита Киевского и всея Украины, в связи с чем прошел праздничный концерт в театре оперы и балета и выдача церковных юбилейных наград;

— состоялась конференция «Роль науки, религии и общества в формировании моральной личности»;

— в театре оперы и балета прошел концерт духовной музыки;

— в Донецком областном художественном музее организована выставка древних икон;

— в краеведческом музее — 2 выставки современной иконописи и фотовыставка на религиозную тематику;

— издание фотоальбома «Донбасс православный», презентация которого прошла во время проведения в Донецке фестиваля «Золотой скиф».

Проведение всех этих мероприятий еще раз подчеркивает важность Православной Церкви для Донецкой области, а также свидетельствует о том, что к 2000 году Донецкая и Горловская епархии смогли восстановить деятельность данной религии в регионе и даже начать оказывать влияние на культурную жизнь области, что проявлялось как в научных конференциях, так и в концертах и выставках специализированной тематики. Спектр охваченных отраслей позволяет даже предположить, что в будущем это взаимодействие еще и укрепится, так как пока все мероприятия были приурочены всего лишь к одной важной дате, а именно — 2000-летию Рождества Христова.

17 июля 2003 года, накануне празднования Дня металлурга (довольно важного праздника для Донецкого региона в целом) в Донецке состоялось торжественное освящение построенного на территории Донецкого металлургического завода православного храма в честь святителя Игнатия, митрополита Мариупольского. Храм был возведен по инициативе рабочих в рекордно короткие сроки. Строительство, не считая внешней и внутренней отделки, длилось всего 4 месяца. Храм находится на возвышенности при въезде на территорию завода, рядом располагаются колокольня и живописный пруд с лебедями. Примечательно, что колокола отлиты также на этом металлургическом заводе и выполнены в строгом соответствии со старинными традициями¹⁷. Таким образом, религиозная жизнь тесно переплетается с экономическим развитием региона, что является очень актуальным.

2004 год был объявлен годом духовности в Донецкой области и принята его Концепция, куда вошли такие цели:

— привлечение к духовным ценностям широких слоев населения, создание условий для поддержки, реализации творческих способностей жителей региона;

— противостояние экспансии массовой культуры, возрождение и развитие лучших народных традиций, сохранение национально-культурных и духовных ценностей, информационно-культурная идентификация региона¹⁸.

Таким образом, период с 1988 по 2004 год оказался действительно важным этапом в переходе от атеистической государственной политики до свободного существования религии в целом. В Донецком регионе это проявилось в разрешении празднования

религиозных дат (и даже объявление годом духовности целого года), создании Донецкой и Горловской епархий, строительстве новых и реставрации старых храмов, открытии монастырей. Всё это свидетельствует о том, что православная жизнь в регионе в 90-е годы XX в. постепенно начинала восстанавливаться.

Примечания

- ¹ Государственный архив Донецкой народной республики (далее — ГАДНР). Ф. 4021. Оп. 1. Д. 589 (Справки, информации и докладные записки об использовании бывших культовых зданий в городах и районах области, 1987—1989 гг.). Л. 1.
- ² Там же. Л. 31.
- ³ Там же. Д. 591 (Переписка с вышестоящими органами по основным вопросам деятельности, 1987—1989). Л. 7.
- ⁴ Там же. Л. 94.
- ⁵ Там же. Л. 100.
- ⁶ Там же. Д. 625 (Положение об отделе, утвержденное по делам религии при Кабинете министров Украины, 1993 г.). Л. 2.
- ⁷ Донецкая епархия. URL: <http://drevo-info.ru/articles/7504.html> (дата обращения: 12.12.2016).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Спасо-Преображенский кафедральный собор. URL: <http://donetsk.church.ua/spaso-preobrazhenskijj-kafedralnyjj-sobor/> (дата обращения: 08.12.2016).
- ¹⁰ Ипполит Хилько. URL: <http://drevo-info.ru/articles/8200.html> (дата обращения: 12.11.2016).
- ¹¹ Донецкая епархия.
- ¹² Иларион, митрополит Донецкий и Мариупольский (Шукало Роман Васильевич). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/66248.html> (дата обращения: 12.01.2017).
- ¹³ Донецкая епархия.
- ¹⁴ Общие сведения и история епархии. URL: <http://gorlovka-eparhia.com.ua/obshhie-svedeniya-i-istoriya-eparhii/> (дата обращения: 13.01.2017).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАДНР. Ф. 4021. Оп. 1. Д. 623 (Переписка с местными органами власти и другими организациями по основным вопросам деятельности, 1991—1992 гг.). Л. 60.
- ¹⁷ Вісник прес-служби УПЦ. 2003. № 24. С. 32.
- ¹⁸ Решение сессии Донецкого облсовета // Донбасс православный. 2003. Декабрь. С. 8.

АННОТАЦИИ

Фортунатов В. В. Транспортная интеллигенция дореволюционной России: формирование, деятельность, особенности (1809—1917)

Ключевые понятия: транспортная интеллигенция, инженеры путей сообщения, коммуникации, Институт Корпуса инженеров путей сообщения, Корпус инженеров путей сообщения, транспорт, железные дороги.

Рассматривается возникновение и формирование транспортной интеллигенции в дореволюционный период. Представлены достижения транспортных специалистов, которые в 1809—1865 гг. служили Отечеству в составе Корпуса инженеров путей сообщения, а с 1865 г. — в Министерстве путей сообщения. Отмечается, что создание и деятельность транспортной интеллигенции в XIX — начале XX в., вплоть до 1917 г. являлось важным фактором социально-экономического и культурного развития России.

Балдин К. Е. Интеллигенты или чиновники? Коллективный портрет руководящих работников учебных заведений провинциального города (конец XIX — начало XX в.)

Ключевые понятия: педагогическая интеллигенция, руководящие работники, гражданское общество, среднее общее образование, женское образование, классические гимназии, реальные училища.

Статья посвящена руководящим кадрам средних учебных заведений — реальных училищ и гимназий в городе Иваново-Вознесенске. Автор анализирует специальную подготовку и материальное положение участников этой социально-профессиональной группы, стаж их работы и семейное положение. Рассматривается участие этих персонажей в формировании элементов гражданского общества в России в начале XX в.

Салова Ю. Г. Кадровая политика в Ярославском краеведческом музее в период политических репрессий 1930-х годов

Ключевые понятия: репрессии, «враги народа», кадровая чистка, «чуждые элементы», пролетаризация.

Прослеживается процесс обновления кадров в Ярославском краеведческом музее в период политических репрессий 1930-х гг. Показан процесс «пролетаризации» состава сотрудников, механизм вытеснения

старых специалистов, роль партийной организации в этих процессах. Рассматривается зависимость экспозиционной работы от квалификации музейных работников.

Порозов В. А. «Кадровые вопросы» в среде интеллигенции городов Западного Урала во второй половине 1940-х годов

Ключевые понятия: тыл в годы Великой Отечественной войны, эвакуация, реэвакуация, инженерно-техническая интеллигенция, художественная интеллигенция, кадры.

Исследуются тенденции развития интеллигенции Западного Урала в послевоенные годы. На материале городов Пермского края и Удмуртской Республики анализируются проблемы, возникшие в среде региональной интеллигенции, состав и уровень притязаний которой изменялся как в годы Великой Отечественной войны, так и с переменой условий жизни и деятельности в первые мирные годы. Внимание акцентируется на особенностях мировоззрения интеллигентов, эвакуированных в регион в военные годы. Показано, что отъезд из родных мест воспринимался ими как временное явление и даже как ссылка. В целом для этого периода характерен отток интеллигенции, что ставило задачу формирования собственных кадров.

Зябликов А. В. «Культурные диверсанты»: образ интеллигента в советском кино 1930—50-х годов

Ключевые понятия: кино, пропаганда, искусство, конфликт, интеллигенция, общественное сознание.

Интеллигентофобия верховной власти раскрывается в кино 1930 — начала 1950-х гг. вполне отчетливо. Как известно, образовательный и культурный ценз партийной и советской элиты был невысок. В искусстве поощрялись простые и ясные формы, без изысков, подтекстов и антиномий; грубоватые, но «честные» нравы. Рафинированная ученость, интеллектуальный блеск и эстетическое изящество имели в тоталитарном кино подозрительный привкус чужого и даже враждебного. Интеллигент с его неистребимой рефлексией был удобен в качестве объекта, на котором проверяется классовое чутье.

Соловьев А. А. Учительская интеллигенция Ярославской губернии в деле создания и развития библиотек во второй половине XIX — начале XX века

Ключевые понятия: учительская интеллигенция, история библиотек, библиотечное дело, просветительская деятельность, Ярославская губерния.

Рассматривается культурно-просветительская деятельность учительской интеллигенции на примере двух ее ярких представителей — М. Н. Капустина и П. А. Критского. На основе отчетов читален и архивных документов показана роль интеллигенции по созданию библиотек в городах Ярославской губернии (Ярославля и Углича). В качестве примера взяты четыре библиотеки: библиотека Ярославского Демидовского юридического лица, Угличская общественная публичная библиотека, народная библиотека-читальня имени Н. А. Некрасова в Ярославле и Ярославская общественная городская Пушкинская библиотека. У истоков трех из них стоял П. А. Критский. Исследуется история создания библиотек, сравниваются статистические показатели читален, анализируется их необходимость и влияние на местное население.

Климович Л. В. Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель зарубежной России

Ключевые понятия: эмиграция, зарубежная Россия, интеллигенция, Г. Л. Лозинский, русская культура, архив Исследовательского центра стран Восточной Европы при Бременском университете.

Описывается жизненный путь в эмиграции педагога и переводчика Григория Леонидовича Лозинского. Материал подготовлен на основе документов архива Исследовательского центра стран Восточной Европы при Бременском университете. Раскрываются основные направления педагогической деятельности Лозинского, его работа в Русской школе-гимназии в Париже, в Русском научном институте, Русской академической группе. Рассказывается о его общественной деятельности в Обществе помощи детям беженцев из России, Педагогическом совете Русской школы-гимназии в Париже, Центральном Пушкинском комитете. Отдельное внимание уделено работе Лозинского в научно-философском обществе, публикации научных статей и книг. Затронуты некоторые неизвестные стороны его жизни: участие в переводе «Дон Кихота» Сервантеса, поддержка русских священников на Аляске. Отмечается его особое взаимоотношение с учениками, помощь им и поддержка.

Тюленев В. М. Традиции римской школы и Виварий Кассиодора

Ключевые понятия: Поздняя Античность, Кассиодор, Виварий, античная педагогика, культурная преемственность.

Рассматривается вопрос о том, как Кассиодор осмыслил необходимость светского знания в системе христианского просвещения и монашеского служения. Взгляды Кассиодора на место римской школьной

традиции в христианской педагогике исследуются в контексте развития христианской мысли II—VI вв. Доказывается, что Кассиодор, выступая продолжателем Августина, снимает противоречие между религиозной истиной и системой свободных искусств. Обращаясь к вкладу отцов и учителей Церкви, он показывает, что благодаря их красноречию многие сложные вопросы теологии были разъяснены и стали доступны даже недостаточно просвещенным читателям. Отмечается, что Кассиодору принадлежит первая и самая решительная для раннесредневековой Европы попытка встроить римскую школу в новые религиозные практики.

Назаров И. Д. Два «лица» средневекового правосудия: этико-правовой анализ

Ключевые понятия: интеллигенция, средневековое правосудие, церковный суд, мораль, христианство.

Исследуется сущность и нравственные основания средневекового правосудия. Большое внимание уделяется рассмотрению роли средневековой интеллигенции в процессе судопроизводства. Обращается внимание на догматическое и обыденное восприятие обществом феномена правосудия, устанавливается его содержание и значение. Делается вывод, что суд являлся важнейшим элементом культуры средневекового общества, нашедшим свое выражение даже в сфере развлечений и досуга.

Ландик Л. П. Возобновление деятельности Православной Церкви в Донецкой области (1988—2004 гг.)

Ключевые понятия: Церковь, Донецкая область, православие, восстановление Православной Церкви.

Рассматривается проблема восстановления деятельности Православной Церкви Московского патриархата в Донецкой области в 1988—2004 гг. Хронологически этот период охватывает события, начиная с торжественного празднования 1000-летия крещения Руси и до присвоения статуса лавры Святогорскому монастырю, что имело решающее значение для Донецкой области. Основное содержание исследования составляет обобщение теоретической информации о конкретных шагах, предпринятых Церковью на пути восстановления своего влияния в регионе. Выделены главные административные преобразования, дана краткая характеристика религиозным лидерам местного уровня, определен ряд мероприятий, проведенных в Донецкой области в указанный период. Прослеживается становление Православной Церкви как одного из важных социальных институтов. В научный оборот впервые вводится ряд источников, хранящихся в Донецком архиве.

ANNOTATIONS

Fortunatov V. V. Transport intelligentsia of pre-revolutionary Russia: formation, activity, features (1809—1917)

Key notions: transport intelligentsia, railway engineers, communications, Institute of the Case of railway engineers, Case of railway engineers, transport, railroads.

The article shows the emergence and formation of the transport intelligentsia during the pre-revolutionary period. Presented are the achievements of transport experts who in 1809—1865 served the Fatherland as a part of the Corps of railway engineers, and since 1865 — in the Ministry of Railways. It is noted that creation and activity of the transport intelligentsia in 19th — the beginning of the 20th century, up to 1917 was an important factor of social, economic and cultural development of Russia.

Baldin K. E. Intelligentsia members or officials? A collective portrait of executives of educational institutions of a country town (the end of 19th — the beginning of the 20th century)

Key notions: pedagogical intelligentsia, executives, civil society, secondary general education, female education, classical gymnasiums, real schools.

The article is devoted to the managerial personnel of secondary education institutions — non-classical secondary schools ('real' schools) and gymnasiums in the town of Ivanovo-Voznesensk. The author analyzes special training and financial position of participants of this social and professional group, an experience of their work and marital status. Considered is the participation of these figures in formation of civil society elements in Russia at the beginning of the 20th century.

Salova Yu. G. Personnel policy in the Yaroslavl museum of local lore during political repressions of the 1930-s.

Key notions: repressions, «enemies of the people», purge of the apparatus, «class aliens», proletarianization.

The article shows the process of personnel rotation in the Yaroslavl museum of local lore during the 1930-s political repressions. Shown is the process of «proletarianization» of the list of employees, the mechanism of replacement of old experts, a role of the party organization in these processes.

Considered is the dependence of museum work on the qualification of museum workers.

Porozov V. A. «Personnel questions» among Western Urals cities intelligentsia in the second half of the 1940-s.

Key notions: the homefront in the days of the Great Patriotic War, evacuation, re-evacuation, the technical intelligentsia, the art intelligentsia, personnel.

The article considers the tendencies of development of intelligentsia of the Western Urals in post-war years. On the material of the cities of Perm region and the Udmurt Republic analyzed are the problems which have arisen in the environment of the regional intelligentsia, the structure and level of claims of which changed both in the days of the Great Patriotic War, and with change of living conditions and activities in the first peace years. The attention is focused on features of outlook of the intelligentsia members evacuated to the region in military years. It is shown that departure from native places was perceived by them as a temporary phenomenon and even as an exile. In general this period is characterized by the outflow of intelligentsia that set the task of formation of local personnel.

Zyablikov A. V. «Cultural diversionists»: an image of the intelligentsia member in the Soviet cinema of 1930-s — the 50-s.

Key notions: cinema, propaganda, art, conflict, intelligentsia, public consciousness.

Intelligentsia as a part of the country's population was distrusted and even – in a way – feared of by the Soviet elite. This is quite distinctly revealed in the cinema of 1930-s — the beginning of the 1950-s. It is known that the educational and cultural levels of the party and Soviet elite was low. It is no wonder that simple and clear forms, without delicacy, implications and antinomy were encouraged in the field of art. The refined learning, intellectual gloss and esthetic grace had a suspicious smack of the alien and even hostile. An intelligentsia member with his ineradicable reflection was convenient as an object on which class intuition could be checked.

Solovyov A. A. The role of the Yaroslavl province teachers' intelligentsia in creation and development of libraries in the second half of 19th — the beginning of the 20th century

Key notions: teachers' intelligentsia, history of libraries, library science, educational activity, Yaroslavl province.

The article shows cultural and educational activity of the teachers' intelligentsia on the example of its two bright representatives —

M. N. Kapustin and P. A. Kritsky. On the basis of reports of reading rooms and archival documents shown is the role of intelligentsia in creation of libraries in the cities of the Yaroslavl province (Yaroslavl and Uglich). This is illustrated by the history of four libraries: the library of the Demidov legal lyceum of Yaroslavl, the Uglich public library, the national reading room of N. A. Nekrasov in Yaroslavl and the public city Pushkin library of Yaroslavl. P. A. Kritsky was at the origins of the three of them. Investigated is the history of libraries creation, statistics of reading rooms are compared, their need and influence on local population is analyzed.

Klimovich L. V. Grigory Leonidovich Lozinsky: an intelligentsia member and a public figure of foreign Russia

Key notions: emigration, foreign Russia, intelligentsia, G. L. Lozinsky, the Russian culture, archive of the Research center of countries of Eastern Europe at University of Bremen.

The article describes the course of life in emigration of the teacher and translator Grigory Leonidovich Lozinsky. The material is prepared on the basis of documents of archive of the Research center of countries of Eastern Europe at University of Bremen. Revealed are the main directions of pedagogical activities of Lozinsky, his work at the Russian school gymnasium in Paris, at the Russian scientific institute, the Russian academic group. His public work aimed at helping refugees children from Russia as well as his activities at teachers' meeting of the Russian school gymnasium in Paris and the Central Pushkin committee are touched upon. Special attention is paid to Lozinsky's work in scientific and philosophical society, the publication of scientific articles and books. Some unknown sides of his life are mentioned: the participation in the translation of «Don Quixote» of Cervantes, the support of the Russian priests on Alaska. Noted is his special relationship with pupils, his help and support of them.

Tyulenev V. M. Traditions of the Roman school and Cassiodorus Vivarium

Key notions: Late Antiquity, Cassiodorus, Vivarium, antique pedagogics, cultural continuity.

The article considers the question of how Cassiodorus comprehended the need of secular knowledge for system of Christian education and monastic service. Cassiodorus's views on the place of the Roman school tradition in Christian pedagogics are investigated in the context of development of a Christian thought of the II—VI centuries. It is proved that Cassiodorus, acting as Augustine's successor, removes a contradiction between the religious truth and system of free arts. Addressing a contribution of fathers

and teachers of Church, he shows that thanks to their eloquence many difficult questions of theology have been explained and became accessible even for insufficiently educated readers. It is noted that the first and the most resolute attempt for early medieval Europe to build in the Roman school in new religious practices belongs to Cassiodorus.

Nazarov I. D. Two «faces» of medieval justice: an ethic and a legal analysis

Key notions: intelligentsia, medieval justice, church court, morals, Christianity.

The article researches the entity and the moral bases of medieval justice. Much attention is paid to reviewing the medieval intelligentsia's role in the course of legal proceedings. Attention to dogmatic and common perception of a justice phenomenon by society is paid, its contents and value is set. The conclusion is drawn that the court was the most important element of culture of medieval society which found its expression even in the sphere of entertainment and leisure.

Landik L. P. Renewal of activity of Orthodox Church in Donetsk region (1988—2004)

Key notions: Church, Donetsk region, Orthodox, restoration of Orthodox Church.

The article considers the problem of Orthodox Church of the Moscow patriarchy restoration of activity in Donetsk region in 1988—2004. Chronologically this period covers events, since the solemn celebration of the 1000 anniversary of the Christianization of Kievan Rus and before assignment of the status of the Laura to the Svyatogorsk monastery that had crucial importance for Donetsk region. The main content of the research makes synthesis of theoretical information about the concrete steps taken by Church on the way of its influence restoration in the region. The author accentuates the main administrative transformations and gives a short characteristic to the local religious leaders as well as to a number of events held in Donetsk region during the specified period. Traced is the formation of the Orthodox Church as one of important social institutes. A number of the sources stored in the Donetsk archive are introduced and incorporated into the research for the first time.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2017 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 13.06.2017 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 134. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

